

№ 1 2017

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Кемеровский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научный журнал

*Выпуск посвящен памяти доктора политических наук,
профессора Игоря Николаевича Гомерова*

Кемерово

2017

Свидетельство о регистрации:	ПИ № ФС77-53047 от 04.03.2013, выдано Роскомнадзором
Учредители:	ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Главный редактор:	Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор (КемГУ)
Заместитель главного редактора:	Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор (КемГУ)
Редакционный совет:	<p>Туровский Р. Ф., д-р полит. наук, профессор (ВШЭ) Дугин А. Г., д-р полит. наук, профессор (МГУ) Коняхин Г. В., д-р полит. наук (Россия, Кемерово) Коновалов А. Б., д-р ист. наук, профессор (КемГУ) Желтов М. В., д-р соц. наук, профессор (КемГУ) Бирюков С. В., д-р полит. наук, профессор (КемГУ) Грегори Глисон, д-р, профессор (PhD) (США, ун-т Нью-Мексико) Раймунд Кремер, д-р, профессор (PhD) (ФРГ, ун-т Потсдама, главный редактор журнала WeltTrends) Вольфганг Грабовски, д-р, профессор (PhD) (ФРГ, Берлин, Фонд Розы Люксембург) Хуберт Тилике, д-р (PhD) (ФРГ, Берлин, главный редактор издания WeltTrends-Special) Од Мерлин, д-р, профессор (PhD) (Бельгия, Свободный ун-т Брюсселя) Чжай Децюань, д-р, профессор (PhD) (Китай, Пекин, МИД КНР) Ченг Жунью, д-р, профессор (PhD) (Китай, ун-т Шанхая) Ачин Ванаик, д-р, профессор (PhD) (Индия, ун-т Дели) Нуртазина Р. А., д. полит. наук, профессор (Казахстан, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана) Савин Л. В., канд. полит. наук, доцент (МГУ) Савин В. В., канд. экон. наук, канд. психол. наук (директор ФМПРКТП, Москва) Ремизов М. А., канд. филос. наук (директор Института национальной стратегии, Москва) Солозобов Ю. М., политолог, эксперт (Институт национальной стратегии, Москва) Межуев Б. В., канд. филос. наук, доцент (заместитель главного редактора газеты «Известия», Москва)</p>
Редакционная коллегия:	<p>Шиллер В. В., канд. ист. наук, доцент (отв. редактор) Поддубиков В. В., канд. ист. наук, доцент Иуков Е. А., канд. полит. наук, доцент Барсуков А. М., канд. полит. наук, доцент Шапкина Е. В., канд. полит. наук Вольхина В. А. Огнев Д. А. Усольцев С. В. Бирюкова Н. Ю.</p>
Адрес редакции:	650043, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Красная, 6. ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Адрес издателя:	650043, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Красная, 6. ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет». Тел.: (384-2) 58-12-26 E-mail: shiller.vadim@yandex.ru.
ISSN 2309-7337	

© КемГУ, 2017

© Авторы научных статей, 2017

Все статьи проверены с помощью системы «Антиплагиат. ВУЗ». Публикуются в авторской редакции. Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии. Выходит 4 раза в год. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	5
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	
<i>Огнев Д. А.</i> Демократия и «уход в лес» в современной России	7
<i>Чирун С. Н.</i> Государственная молодёжная политика как технология метауправления сетевыми структурами	10
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Палин А. В., Козлова В. А.</i> Проблема развития местного управления дореволюционной Сибири в XIX – начале XX вв. как отражение эволюции правительственной политики в регионе	18
<i>Бакеева Б. З.</i> Первые шаги по решению земельного вопроса в Кыргызстане после революций 1917 г.	21
<i>Курбанова Н.У., Карасартова Ч. Ж., Мырзабаева Н. С.</i> Ислам в военные и послевоенные годы	24
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Желтов В. В., Желтов М. В.</i> Смешанная избирательная система и парламентские выборы в странах постсоветского пространства (на примерах Грузии, Литвы, Украины и России)	31
<i>Бирюков С. В.</i> Региональная политика и региональная система России: необходима ли децентрализация?	40
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ	
<i>Дабич А., Толвайшис Л.</i> Институционализация независимой судебной власти в Сербии	51
<i>Хлебтунов И. А.</i> Германская модель парламентаризма: актуальные вызовы и проблемы	59
<i>Дрёмин Р. В.</i> Проблемы и перспективы двустороннего ядерного разоружения и договора СНВ-III	65
ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА	
<i>Дронзина Т. А.</i> Марк Сейджман о роли Интернета в террористической радикализации	68
<i>Иванов И.</i> Волки-одиночки в действии: три случая	71
<i>Усольцев С. В., Флягин А. М.</i> Визуальные формы профилактики экстремизма в молодежной среде (на примере антиэкстремистских видеороликов лаборатории социально-политических исследований «Авгура»	75

Шапкина Е. В., Шиллер В. В. Лаборатория социально-политических исследований «Авгура»: исследовательский опыт и применяемые методы профилактики в области противодействия экстремизму и терроризму 79

Усольцев С. В. Полит-психологический портрет потенциальной жертвы вербовщика в экстремистские организации 86

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Васильева Р. П., Огнев Д. А. Социализм и коммунизм: идентификация понятий 94

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Н. Гомеров

В начале февраля с. г. в возрасте 72 лет ушёл из жизни один из видных сибирских политологов, доктор политических наук, профессор, вице-президент Сибирской академии политических наук Игорь Николаевич Гомеров.

Весь его жизненный путь отмечен неустанной работой над собой, стремлением поставить свои знания на благо общества, умением на научной основе решать сложнейшие задачи в области практической политики.

Игорь Николаевич являл собой яркий пример современного учёного-политолога. Он оставил после себя целый ряд значительных научных трудов, которые существенно обогатили молодую в нашей стране науку —

политологию по таким её важнейшим направлениям, как теория политики, политическая деятельность, государство и государственная власть, политическая и электоральная культура.

Особую ценность его научным трудам придавал тот факт, что он, обладая обширными теоретическими знаниями, соединял эти знания в своих статьях, монографиях и учебных пособиях со значительным опытом общественной и административной работы на разных постах.

Назовём лишь некоторые из них. В 1970–1977 гг. Игорь Николаевич работал в Новосибирском областном комитете ВЛКСМ сначала инструктором-методистом по социологии, заведующим отделом по работе с научной молодёжью, секретарём обкома ВЛКСМ. В течение восьми последующих лет (1977–1985 гг.) заведовал отделом культурно-массовой работы Новосибирского облсовпрофа. В 1987 г. был выдвинут на партийную работу в Читинский обком КПСС, где работал в течение двух лет заведующим отделом культуры, а потом первым заместителем заведующего идеологическим отделом этого областного комитета партии. В конце 1990-х гг. работал председателем комитета по культуре Администрации Новосибирской области. И на всех постах своей успешной деятельностью он оставил заметный след.

Однако в полной мере его талант и способности раскрылись на педагогической работе, которую он начал в 1989 г. с должности старшего преподавателя в Новосибирской высшей партийной школе, впоследствии переименованной сначала в Сибирский социально-политический институт, а затем — Сибирскую академию государственной службы.

После защиты докторской диссертации в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова Игорь Николаевич избирается заведующим кафедрой истории и политологии Сибирского университета потребительской кооперации. В 2000-е гг. ведёт активную педагогическую деятельность также на кафедре всеобщей истории в Новосибирском государственном университете и на кафедре политических наук и технологий Сибирского института управления

Уход из жизни И. Н. Гомерова является существенной утратой и для политической науки Кузбасса. На протяжении ряда лет он был членом диссертационного совета по политологии и политической социологии, действовавшего в нашем университете более 10 лет. Как председатель Государственной аттестационной комиссии направления «Политология» в Кемеровском государственном университете профессор Гомеров вносил свой значительный вклад в дело коллективной разработки требований и критериев оценки дипломных работ политологов. Он принимал активное участие в создании нашего журнала «Политические институты и процессы», являясь к тому же его активным автором.

Все преподаватели направления «Политология», многие выпускники факультета политических наук и социологии нашего Кемеровского государственного университета сохраняют самые добрые воспоминания о нем как о крупном учёном и необычайно порядочном, доброжелательном и открытом человеке.

Полагаю, выражу общее чувство скорби всех преподавателей и студентов направления «Политология» в связи с его кончиной, а также и наше общее убеждение в том, что политологам Кузбасса предстоит многое сделать для того, чтобы сибирская политическая наука занимала достойное место в российском научном сообществе.

Главный редактор научного журнала «Политические институты и процессы», д.филос.н., профессор В. В. Желтов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Огнев Д. А.

ДЕМОКРАТИЯ И «УХОД В ЛЕС» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье переосмысливается концепция «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы. Рассматривается идея «Ухода в Лес» Эрнста Юнгера применительно к особенностям политического участия в России.

Abstract: The article rethinks the concept of the “end of history” by Francis Fukuyama. The idea of Waldgang by Ernst Junger is considered as applied to the specifics of political participation in Russia.

Ключевые слова: «конец истории», демократия, выборы, «Уход в Лес», политическое участие.

Keywords: end of history, democracy, election, Waldgang, political participation.

... всё будет являться ответом и, тем самым, поводом к ответственности.

Эрнст Юнгер «Уход в лес»

В нижеследующих абзацах автор намеревается изложить свои взгляды на выборы как институт демократии и на состояние — *status* — самой демократии в современной России. Демократия в России является предметом ожесточённых дискуссий между её сторонниками и противниками, которые в сухом остатке сводятся к разговору о том, существует демократия в России или нет. Подобная постановка вопроса изначально является ошибочной, поскольку вызвана непониманием того, как на самом деле функционирует демократия, а представлением о ней как о некой идеальной форме общественного устройства.

Это представление лучше всего отражено в статье Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории». Как впоследствии передавал её содержание сам Фукуяма: «Я настаивал, что либеральная демократия может представлять собой „конечный пункт идеологической эволюции человечества“ и „окончательную форму правления в человеческом обществе“, являясь тем самым „концом истории“. Это значит, что в то время как более ранние формы правления характеризовались неисправимыми дефектами и иррациональностями, в конце концов приводившими к их крушению, либеральная демократия, как утверждается, лишена таких фундаментальных внутренних противоречий» [1, с. 7]. Как заявляет сам Фукуяма, он не оригинален в идее конца истории, ссылаясь на Маркса и Гегеля. Если так, то Фукуяма совершает ту же ошибку, которую вслед за ним подхватили уже все, а именно — отождествляет историю и политику. «Многое из гегелевского историцизма вошло в сегодняшний интеллектуальный багаж, — пишет в своей статье Фукуяма. — Скажем, представление о том, что сознание человечества прошло ряд этапов, соответствовавших конкретным формам социальной организации, таким как родоплеменная, рабовладельческая, теократическая и, наконец, демократически-эгалитарная» [2]. «Историцизм», о котором здесь идёт речь, а точнее, философия истории, сводится к осмыслению конкретной сферы человеческой деятельности — политики. Однако политическая история не есть история вообще. Есть и другие сферы, такие как религия, наука и искусство, составляющие вместе историю, развитие которых лишь косвенно обусловлено сменой форм социальной организации. Тем самым Фукуяма в своей статье, а впоследствии — книге *de facto* говорит не о конце истории, а о *конце политики*.

Эту идею конца политики восприняли все апологеты демократии. Если демократия — «конечный пункт идеологической эволюции», лишённый «фундаментальных внутренних противоречий», «неисправимых дефектов и иррациональностей», следовательно, она совершенна и не нуждается в каком бы то ни было дальнейшем усовершенствовании. Как следствие, в то время как исторический процесс продолжает своё развитие, политический процесс — по крайней мере, в странах господствующей демократии — переживает стагнацию, поскольку сводится к шлифовке единственной формы общественного устройства, признанной его целью. Это неизбежно приводит к сбоям в функционировании демократического режима и его институтов, которые начинают работать не на демократию, вернее, не на идеалы демократии, а против них.

Заложником идеи конца политики стала не только сама политика, но и политическая наука. Если политика уже пришла к своему логическому завершению, и положение вещей уже стало таким, каким оно должно быть, либо мы знаем, как этого достичь, то необходимость в политической науке как науке, то есть анализе политической ситуации, поиске проблем и методов их решения, отпадает. У современных политиков нет вопросов, ответы на которые давала бы политическая наука, и политологам остаётся лишь констатировать текущую конъюнктуру, выступая в роли номинальных консультантов политиков, использующих их авторитет как щит для своих действий.

Далее автор собирается показать, что Россия — *de facto* демократическая страна, в которой функционируют демократические институты, одним из которых является институт выборов, и что демократия в России — отражение неизбежного состояния демократии в эпоху конца политики, и в этом отношении, как ни парадоксально, Россия оказывается более демократичной, чем страны образцовой — то есть западной — демократии.

Демократическая политическая культура, то есть «некий тип политических позиций, который благоприятствует демократической стабильности, или, образно говоря, в определённой степени „подходит“ демократической политической системе» (в формулировке Алмонда и Вербы [3, с. 122]) — это культура активистская, или участническая. Выборы, соответственно, являются основной формой политического участия, которая доступна не только для узкого числа политических акторов, но для всех граждан той или иной страны. Если греческий демос составляли свободные рабовладельцы, наделённые среди других прав правом избирать и быть избранным и на том основании противопоставляющие себя охлосу, то современная либеральная демократия, построенная на всеобщем избирательном праве, предполагает более широкое толкование слова «народ», которое подразумевает не один класс, а всю совокупность классов, составляющих данное общество.

Активистская культура предполагает активистскую роль в политике, то есть ориентацию на постоянное участие в политической жизни и способность влиять на направление, которое принимает государственная политика. Для активистской политической культуры политическое участие является чем-то самим собой разумеющимся, оно обыденно и повседневно. Между тем, современная Россия не обнаруживает подобных тенденций. Низкая явка, наблюдаемая на выборах, требует дополнительной стимуляции для участия в голосовании, возможность повлиять на политическую ситуацию в стране уже не является достаточным стимулом для того, чтобы прийти в выходной день на избирательный участок. Поэтому выборы сопровождаются акциями, должныствующими привлечь граждан, разного рода увеселениями, выставками, ярмарками и распродажами. Проведение выборов в *воскресный*, а не в будний день — как, например, в США, — а также бесплатный проезд в общественном транспорте, действующий в день выборов, завершают формирование восприятия выборов как *праздника*. Происходит своеобразная ритуализация выборов, что свидетельствует не об активистских, а о подданнических тенденциях в политической культуре, в которой «вероятности ориентаций конкретно на объекты на „входе“ и на себя как

активного участника близки к нулю» [4, с. 35], что объясняет неуклонно понижающуюся явку. «В тех политических системах, где имеются развитые демократические институты, подданническая ориентация будет, скорее всего, эмоциональной и нормативной, а не когнитивной. Так, французскому роялисту хорошо известно о наличии демократических институтов, он просто не наделяет их легитимностью» [5, с. 36] — то же можно сказать о гражданах России, не принимающих участия в выборах.

Потребительские акции, сопровождающие выборы и вырабатывающие потребительское к ним отношение, способствуют привлечению к участию в них определённых категорий населения, не обладающих достаточным уровнем социально-экономического благополучия, в частности, студентов и пенсионеров, у которых консюмеризм накладывается на выработанную в советском прошлом гражданскую ответственность. Этим категориям присущ своего рода психофизиологический консерватизм, они не склонны к резким переменам в общественной и политической жизни и заинтересованы в сохранении status quo и действующей власти. Кроме того, их отличают присущие опять-таки подданнической политической культуре эмоциональная ориентация на власть и гордость властью. Тем самым выборы становятся для них средством не изменения, а закрепления существующей политической ситуации. При этом в остальное время эта категория не принимает активного участия в политической жизни, а их осведомлённость ограничена официальными источниками информации. Таким образом, в выборах принимает участие политически *пассивное* большинство, что приводит к окостенению форм политического участия и самой демократии. Эта тенденция даёт основания тем, кто критически относится к функционированию института выборов в России, говорить о «выборах без выбора», воспроизводящих одну и ту же расстановку политических сил.

Что же остаётся на долю тех, кто сознательно не ходит на выборы, оставляя свой голос при себе, по сути, добровольно отказываясь от права голоса и выбирая *молчание*? Их модель политического участия представляет собой *Waldgang*, «Уход в Лес», описанный Эрнстом Юнгером в незаслуженно забытой одноимённой книге [*Примечание автора*: Употребление в настоящей статье слов “Waldgang” и Waldgänger не означает попытку внедрения немецкоязычной терминологии. Оно вызвано, с одной стороны, отсутствием адекватного русскоязычного аналога, с другой стороны — ещё не осознанным характером самого Waldgang’a]. Особенность современного *Waldgang*’а в том, что он действует не в тоталитарном, как во времена Юнгера, а в демократическом обществе. На определённом этапе своего развития демократия смыкается с тоталитаризмом и приобретает приписываемый ей смысл, становится властью «народа» — большинства, подавляющего меньшинство. «Вид огромных, страстно возбуждённых масс — важнейший признак того, что мы вступили в новую эру. В этой области господствует если не единодушие, то наверняка единогласие, так как если и раздаётся вдруг несогласный голос, тут же поднимаются вихри, уничтожающие того, кому он принадлежит» [5, с. 7]. Но если при тоталитаризме большинство политически активно, а меньшинство — пассивно — этого требует от большинства сам тоталитарный режим, — то при демократии наоборот. При демократии народ берёт на себя обязанности диктатуры и функцию охраны политических элит. В этом отношении окостеневшая демократия представляет собой более успешный и исторически перспективный тоталитаризм, выражаясь словами Юнгера, «низведа сама себя до пустого понятия».

Как определяет *Waldgang* Эрнст Юнгер? «Под Уходом в Лес мы понимаем свободу одиночки в этом мире» [5, с. 25], — и далее: «Это не либеральный и не романтический акт, но пространство действия маленьких элит, тех, кто кроме требований времени сознает ещё нечто большее» [5, р. 19]. Нелиберальность *Waldgang*’а сегодня проявляется, как уже было замечено, в отказе от своих прав, осознанном предпочтении неучастия участию. Однако современный демократический *Waldgang* — это «Уход в Лес» наоборот. Если для Юнгера *Waldgänger*, Ушедший в Лес, — тот, кто «решается оказать сопротивление, намереваясь

вступить в борьбу, скорее всего, безнадежную», тот, кто «сохранил изначальную связь со свободой, которая с точки зрения времени выражается в том, что он, сопротивляясь автоматизму, отказывается принимать его этическое следствие, то есть фатализм» [5, р. 39–40], то в современной политической реальности Уход в Лес наоборот означает принятие фатализма и отказ от борьбы, своего рода *политический эскапизм*.

Итак, в эпоху конца политики происходит окостенение демократии, которое приводит к замене политического участия неучастием. Эпоха конца политики — это эпоха *молчания* политически активных граждан, которые, «уйдя в Лес», предоставляют политическим элитам и тем, кто их поддерживает, свободу действий. Современный демократический *Waldgang* представляет собой сознательный отказ от выражения своих политических прав. Однако безмолвие не всегда означает бездействие. Современный *Waldgänger* ищет другие способы воздействия на политическую ситуацию, альтернативные формы политического участия. Применение этих форм невозможно в текущих политических условиях и станет таковым лишь после прохождения точки бифуркации и слома существующей политической системы, требующего полного обновления демократических институтов и всего функционирования демократического режима.

Литература

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2009.
2. Фукуяма Ф. Конец истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php> (дата обращения: 24.09.2016).
3. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис (Политические исследования). 1992. №4. С. 122–135.
4. Алмонд Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014.
5. Юнгер Э. Уход в Лес [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.geopolitica.ru/sites/default/files/ernst_yunger_-_ukhod_v_les.pdf (дата обращения: 24.09.2016).

Информация об авторе:

Огнев Даниил Алексеевич — бакалавр филологии, старший научный сотрудник лаборатории социально-политических исследований при экспертно-аналитическом агентстве «ООО «Авгур» г. Кемерово, danielognev@yandex.ru.

Чирун С. Н.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ТЕХНОЛОГИЯ МЕТАУПРАВЛЕНИЯ СЕТЕВЫМИ СТРУКТУРАМИ

Аннотация: Статья посвящена анализу политических сетей как перспективной формы реализации молодёжной политики в ситуации постмодерна. Автором проводится анализ сетевых структур ГМП в аспекте реализации государством своих функций. Автор рассматривает специфику управления в ситуации постмодерна. На основе методов деконструкции, дискурс-анализа, сетевого анализа в ситуации постмодерна автор

отмечает трансформации ГМП и возрастающую роль электронных и сетевых акторов в обществе и политике.

Abstract: *This article analyzes the political networks as a promising form of realization of youth policy in the postmodern situation. The author analyzes the networks of GMF in the aspect of implementation of the State's functions. The author considers the specifics of management in the postmodern situation. On the basis of deconstruction techniques, discourse analysis, network analysis in the postmodern situation the author notes the transformation of GMP and the growing role of electronic and networking of actors in society and politics.*

Ключевые слова: *государство, управление, молодёжная политика, постмодерн, сеть, управленческая система, клиента.*

Keywords: *government, administration, youth policy, post-modern, network management system, clientele.*

Сетевые структуры, развивающиеся в политико-организационном пространстве молодёжной политики обществ постмодерна, без преувеличения можно обозначить в качестве тренда наиболее перспективной организационной формы XXI века.

Не случайно сетевая организация является одним из магистральных исследовательских направлений постсовременности, предлагая новые способы фиксации политической реальности, жизненно актуальные для молодёжной политики технологии принятия и реализации управленческих решений, формируя новую методологию исследования политико-административных процессов [1, с. 97–117].

По сути, новаторство сетевого подхода состоит в возможности анализировать не только институциональную, нормативно определённую формальную организационную структуру управления государственной молодёжной политикой (ГМП), но и в первую очередь горизонтальные неформальные взаимодействия и связи между политическими акторами.

Отметим, что концепт сети до сих пор не синхронизирован с ситуацией постмодерна.

Инкорпорирование сетевых структур в управленческую систему государства является повседневной практикой большинства постмодернистских государств, в которых в силу стремительного развития информационных технологий и ускорения процессов глобализации происходит стремительное размывание границ между властью и гражданским обществом. В результате формируется серьёзный научный интерес к горизонтальным сетевым структурам, это связано с изменением общей парадигмы в политических науках, современными исследованиями в области коммуникативистики, глобалистики, а также новыми технологиями молодёжной политики [2, с. 212–524].

Развитие конструктивного потенциала сетевых сообществ, раскрывающегося посредством партисипационных форм политической институционализации и публичных механизмов их инкорпорирования в систему государственного и муниципального управления, возможно на основе интерактивных принципов, которые обеспечиваются рефлексивностью индивидов и их сетевым взаимодействием в контексте информационно-коммуникативного пространства.

Интерактивные механизмы предполагают развитие молодёжной политики снизу вверх как постоянного когнитивного поиска альтернатив: от рефлексивного гражданского общества и системы гражданского партнёрства к сетевому публичному управлению [3, с. 16].

В современной молодёжной политике происходит смена ролей политических субъектов за неизменным институциональным фасадом, где формируется новая политическая культура рефлексивного участия, в которой размывается разделение на политическую и неполитическую сферы, а неполитическая сфера порождает

субполитическую. Происходит реполитизация через субполитику, выражающаяся в появлении сетевых сообществ со специфическими интересами, самоорганизующихся инициатив новых социальных движений и местных сообществ; в незападных странах частью данного процесса стали возрождение религиозности и этническая мобилизация.

В неоднородном сетевом ландшафте молодёжной политики, актуализирующем разнообразные группы интересов, управленческая стратегия садовника может запустить ризомные сетевые механизмы самоорганизации молодёжи, отличающиеся турбулентностью и неуправляемостью. Интерактивные механизмы развития молодёжной политики способствуют учёту многообразия индивидуальных и коллективных потребностей и интересов молодёжи в решении актуальных проблем и выработке курса ГМП, которая, будучи основана на рефлексивной управленческой стратегии, позволяет индивиду при оптимальном соотношении между управленческими структурами и развитием собственной рефлексивности стать действующим политическим субъектом.

При реализации рефлексивной управленческой стратегии, основанной на интерактивных механизмах управления и организационных принципах сетевого менеджмента, развитие молодёжной политики приобретает программный вид, когда государство создаёт институциональные условия для гражданского участия и массовой социально-политической рефлексивности по проблемам, целям и методам развития как в национальных масштабах, так и на уровне локальных сообществ. Однако современное государство, как справедливо отмечает профессор О. Ф. Шабров, и авторитарное, и либеральное — «всё менее вписывается в реалии эпохи постмодерна» [4, с. 4–9].

Поэтому трансформация системы публичного управления в национальных государствах связана с административными преобразованиями, основанными на принципах концепции правления/руководства (governance). Вначале содержание концепции касалось деятельности правительственных агентств, которые контролировали бизнес, осуществляющий выполнение публичных услуг по контракту [5, с. 6]. Она отражает в молодёжной практике тенденции расширения круга субъектов, вовлечённых в процесс разработки и реализации молодёжной политики в различных областях, ослабление традиционных бюрократических механизмов, повышение эффективности деятельности государства путём преодоления его основных изъянов.

Например, согласно концепции электронного правительства, деятельность органов власти должна основываться на использовании информационно-коммуникативных технологий, в том числе и интернет-технологий, обеспечивающих информационное взаимодействие органов власти с молодёжью и институтами гражданского общества на принципах открытости и прозрачности. Электронное правительство, или «правительство 2.0» [6, с. 66–75], изначально планировалось как механизм повышения эффективности органов публичного управления и снижения управленческих издержек, позволяющий качественно предоставлять государственные услуги широкому кругу потребителей (бизнеса и граждан) в соответствии с формулой «24/7/365» («двадцать четыре часа в сутки, семь раз в неделю, триста шестьдесят пять дней в году» [7, с. 135]. Механизм электронного правительства включает три составляющие: информационное сопровождение деятельности органов государственной и муниципальной власти, предполагающее максимальную доступность и открытость информации для всех категорий граждан в любое время.

Механизм электронной демократии в ГМП основывается на совокупности различных способов и процедур включения молодёжи в разработку и «реализацию публичных решений на различных уровнях и сегментах управления, базирующихся на информационно-коммуникативных технологиях» [8, с. 211].

В странах, вступивших на путь постиндустриального развития, доминирующей становится сетевая логика социальных взаимодействий и коммуникаций, основанных на индивидуальном использовании инфокоммуникативной инфраструктуры сетевого типа.

Многие государственные организации за рубежом накапливают опыт в использовании социальных ресурсов, таких как Twitter и Facebook: одни правительства используют социальные медиа только в целях трансляции публичных позиций и решений, другие — выходят за эти рамки и начинают более глубоко осваивать возможности социальных сетей. В этих условиях политические ресурсы сетевых сообществ позволяют не только мгновенно собирать информацию, но и налаживать связь с людьми и укреплять в них доверие к правительству.

Электронная демократия, в отличие от электронного правительства, может создаваться за пределами правительственных структур, а также обладает самостоятельностью и относительной автономностью в репрезентации общественных интересов, основанных на самоорганизации граждан.

Молодёжная политика трансформируется под воздействием многовластия, возникающего в результате образования новых властных субъектов в виде сетевых сообществ и их институционализированных центров на основе электронной демократии. Проблематика указанной трансформации политики получила пристальный анализ на 7-м Всероссийском конгрессе политологов [9, с. 168]. Взаимодействие в условиях электронной демократии предполагает готовность к диалогу не только с представителями органов власти в рамках процесса принятия управленческих решений, но и с внешними участниками. Такой переход затрагивает проблемы становления в онлайн-пространстве открытых сетей доверия и их стратегий, ориентированных на развитие человеческого, социального и политического капитала. Главным двигателем политической активности молодёжи станут хорошо организованные сети гражданского общества, обладающие политическими амбициями и умеющие на профессиональном уровне использовать базы данных, что способствует изменению прежней системной политической логики [10, с. 6–17]. Государство и политическая элита будут вынуждены приспособливаться к этим процессам, если они хотят сохранить свою дееспособность.

Во-первых, системы открытых данных органов власти и управления должны не только максимально репрезентовать институциональные и процессуально-функциональные составляющие их деятельности, но и позволять гражданам с помощью данной информации оказывать влияние на процесс разработки и реализации публичных решений [11, с. 10]. Инициативы по созданию открытых данных стали фундаментальной основой для реализации административных реформ в области государственного управления во многих странах мира. С их помощью обеспечивается прозрачность работы государственных органов власти, формируется база для гражданского контроля, отражая общую тенденцию «к замене контроля государства контролем потребителя...» [12, с. 22].

Во-вторых, открытое правительство создаёт на основе интерактивных технологий каналы сетевого взаимодействия власти и граждан в решении общественно значимых проблем. Органами публичного управления проектируются и создаются разнообразные коммуникативные площадки, которые способствуют формированию общественных сетей, индивидуальные акторы которых заинтересованы в непосредственном участии в принятии публичных решений. Открытые правительства моделируют в определённых точках публичного сектора сетевые публичные структуры, координирующиеся на принципах сетевой управленческой стратегии и направленные в первую очередь на продуцирование нового знания. Рост знаний, полученных на основе информационных ресурсов открытых данных, интенсифицируется в общественных сетях за счёт гибридных знаний индивидуальных акторов (междисциплинарный синтез социально-политического, естественнонаучного и технического знания) и отражается в дискурсивных практиках, в которых происходит выработка уникальных идей и технологий решения специфических проблем. Сетевое соучастие становится не только практикой сетевого публичного управления в рамках открытого правительства, но и его этическим императивом. Тем самым

интерактивные механизмы качественно изменяют пространство молодёжной политики, предлагая различные вариации более активного участия пассионарной молодёжи в выработке публичных решений, которые в зарубежных политических исследованиях получили название «политика прямого участия» или «совещательная демократия» [21, р. 308]. Интерактивные механизмы включают в себя множественное разнообразие технологий общественного и гражданского участия, реализуемых на различных стадиях цикла молодёжной политики. С. П. Перегудов, развивая теоретические положения Дж. Кина, обосновывает концепт мониторинговой демократии [13, с. 55–57], которая не только предполагает технологические способы реализации обратной связи в онлайн-пространстве молодёжной политики общественными группами, сетевыми сообществами и индивидуальными акторами, но и способствует институционализации разных форм сотрудничества и партнёрства представителей различных секторов. Отметим, что некоторые политологи применительно к современной реальности используют понятие «онлайн-молодежь» [14, с. 47].

Интерактивные технологии электронного правления могут стать основой для блоковых институциональных изменений, суть которых заключается в построении стратегии трансформации государственного управления в виде последовательного приращения конструктивного институционального капитала, т. е. изменённые институциональные блоки позволяют решать более крупные институциональные проблемы молодёжной политики и «облегчают выработку единой позиции по различным проблемам...» [15, с. 41]. Речь идёт о «социализации институционального строительства», которая основывается на процессе включения в формирование институционального дизайна разнообразных структур гражданского общества. Интерактивные механизмы сетевого публичного управления, накладываясь на общественный запрос российской молодёжи в сетевой самоорганизации и участии в мониторинговой демократии, могут стать трансформационной институциональной матрицей, которая будет способствовать качественному развитию российской молодёжной политики. Проблема государства при наличии политической воли у руководства страны будет заключаться в координации противоречивых и многоукладных формальных и неформальных политических практик социальных сетей и институциональном развитии молодёжной политики в заданном направлении. Государство уже не может добиться серьёзных результатов без его кооперации с негосударственными акторами [16, с. 185].

Процессы, сопровождающие реализацию молодёжной политики, предстают сквозь призму сетевого подхода как система кооперативных действий, главными участниками которых становятся элитарные коалиции, образующиеся в конкретных политических обстоятельствах, что усиливает характерную для постмодерна неопределённость в публичном пространстве.

В парадигме сетевого подхода участие государства в вопросах постановки и достижения целей молодёжной политики предстаёт как постоянное формирование сложных переплетений административно-управленческих процедур и спонтанных действий акторов, образуя множество ограниченных зон неустойчивых взаимодействий, каждая из которых формирует уникальную модель коммуникаций и обменов, содержит различные стимулы и мотивации, обуславливает действия государственных институтов [17, с. 85–90].

Присутствие сетевых структур в политико-административном пространстве молодёжной политики отчасти свидетельствует и о несовершенстве её институтов, которое компенсируется сетевой гибкостью. Через сетевой анализ реальных процессов властвования и управления можно оценить их место и роль в политической системе, определить их функциональные возможности и эффективность.

Органичное функционирование системы ГМП обеспечивается коммуникативными связями, которые приобретают региональную специфику.

Их суть заключается в формировании сети отношений личной зависимости, в которых

происходит обмен благами в неравных условиях; ключевым политическим актором выступает патрон, обладающий значительным объёмом ресурсов, в которых заинтересованы другие акторы молодёжной политики — клиенты.

Политический клиентелизм стал системообразующим фактором в осуществлении ГМП в современной России. Патрон-клиентальные отношения, пронизывая структуры государственного управления, формируют неформально-теневые способы регулирования и распределения ресурсов [18].

Данный механизм выполняет основную роль в воспроизводстве российской политико-административной элиты как на уровне регионов и муниципальных образований, так и в целом на уровне государства.

Он способствует формированию в системе ГМП клиентел (национальных, региональных, локальных) и клиентелизации сегментов и агентов молодёжной политики. При этом под политическими клиентелами понимается специфическая иерархизированная форма сети, в рамках которой позиции привилегированных акторов (патронов) находятся в рамках официальных властных институтов, а их руководители (лидеры) монополизируют доступ к политико-административным ресурсам.

Позиции зависимых акторов (клиентов) достаются другим акторам (агентам и контрагентам) государственного управления, которые вынуждены вступать с привилегированными акторами, занимающими властно-управленческие позиции различного уровня, в неравноценный обмен с целью добиться влияния на принимаемые властью решения и учёта собственных интересов в формируемом политическом курсе.

Система сетевого взаимодействия различных клиентел в российском политическом процессе представлена С. В. Бирюковым [19].

Сети молодёжной политики формируют систему гетерархии, открывающую участникам, действующим на нижних организационных уровнях, возможность свободно взаимодействовать с акторами более высоких организационных уровней. При этом чем чаще иерархическая конфигурация нарушается в реальной молодёжной политике, тем больше оснований говорить о праве на существование сетей как самостоятельной организационной формы деятельности молодёжных акторов. Сеть — это в условиях постсовременности уже не только объединение разнообразных субъектов, но и столкновение подчас противоположных радикальных ценностных моделей, порождающее новые комбинации политических ресурсов, использующие новые технологии, недоступные для вертикально организованных образований.

Формирование сетевой методологии, предлагающей иные способы, терминологию, модели анализа процессов реализации молодёжной политики, испытывает серьёзные трудности, связанные с особенностями объекта исследования, каким предстают сетевые структуры. По своей онтологической природе сети являются нестабильными сложносоставными организационными образованиями, располагающимися в латентной зоне политического взаимодействия [20, с. 35–42].

Постмодернистская сеть молодёжной политики, по нашему мнению, является гибридной организационной моделью, комбинирующей атрибуты иерархической, рыночной и партнёрской систем, в которой приоритетность элементов определяется условиями реализации МП, характером достигаемых целей, особенностями мотивации участников.

Поэтому высокая гибкость сетей не является гарантией высокой управленческой эффективности при отсутствии стабильно работающих государственных институтов и наличия достаточных ресурсов.

Сетевая основа молодёжной политики является моделью более высокого уровня сложности и обеспечивает решение комплекса молодёжных проблем, однако она не лишена определённых ограничений, которые не позволяют государству полностью отказаться от иерархических и рыночных инструментов координации поведения политических акторов и

полностью перевести молодёжную политику на сетевую платформу. Поэтому современное Российское государство стремится к избирательной диверсификации управленческих моделей с опорой на актуальные профили собственной активности. В то же время сетевая модель демонстрирует высокую эффективность в направлениях молодёжной политики, для которых свойственна непредсказуемость и экстремальность решаемых задач.

В ситуации постмодерна государство существенно ограничено в возможности использования принудительных ресурсов, поэтому вынуждено осваивать новые практики горизонтального взаимодействия, одновременно поддерживая необходимый уровень демократической публичности и политической легитимности.

Институционально-сетевое пространство молодёжной политики сегодня складывается как симбиоз публичных и сакральных сфер политики, скрывая реальные ресурсные потоки и коммуникативные обмены внутри государственных институтов, а также между государством и обществом. Масштабность и степень позиционирования сетевых и институциональных структур, модели их подотчётности определяются типом политического режима и адекватностью институционально-организационной структуры молодёжной политики.

Литература

1. Сморгун Л. В. Сетевая методология исследования политики // Политический анализ. 2001. № 2.
2. Чирун С. Н. Молодёжная политика в состоянии постмодерна: модели, механизмы, риски. Монография. М., 2014.
3. Семененко И. С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. 2012. № 5.
4. Шабров О. Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. №5.
5. Сморгун Л. В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. 2014. № 6.
6. Сморгун Л. В. Электронное правительство 2.0: от порталов к платформам // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39).
7. Дьякова Е. Г. Эволюция электронного правительства как нормативного концепта: от оказания услуг к открытому правительству // Вестник НГУ. Сер. Философия. 2012. Т. 10.
8. Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар, 2013.
9. Гаман-Голутвина О. В. О VII Всероссийском конгрессе политологов // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (43).
10. Ирхин Ю. В. Коммуникативный, политический и управленческий потенциал блогосферы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 5.
11. Новек Б. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию — сильнее, а граждан — влиятельнее. М., 2012.
12. Ирхин Ю. В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1 (123).
13. Перегудов С. П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. 2012. № 6.
14. Зеленин А. А., Пфетцер С. А., Горелкин А. В. Политическая социализация «провинциальной» молодёжи: информационная поддержка ценностного самоопределения в системе технологий содействия ценностному развитию // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63).

15. Саворская Е. В. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3.
16. Гаман-Голутвина О. В., Тимофеева Л. Н., Сморгунов Л. В. Политика модернизации неэффективна без сотрудничества государства с бизнесом и обществом. Власть. 2014. № 1.
17. Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 6. Вып. 4.
18. Бирюков С. В. Политэкономика ренты: как вылечить Россию от «сырьевой зависимости»? // Политические институты и процессы. 2014. № 1.
19. Бирюков С. В. Всепроникающая клиентела // Свободная мысль. 2012. № 7.
20. Усачёва О. А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6.
21. Fischer F., Miller G. J., Sidney M. Handbook of Public Policy Analysis: Theory, Politics, and Methods. Pennsylvania, 2007.

Информация об авторе:

Чирун Сергей Николаевич — доктор социологических наук, доцент кафедры истории России КемГУ, sergii-tschi@mail.ru.

Палин А. В., Козлова В. А.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

Аннотация: В статье анализируются особенности развития системы местного управления Сибири в XIX – начале XX вв. Показано, как изменение в правительственных кругах взглядов на экономическое и политическое значение региона влияло на компетенцию и организационное устройство сибирского губернского аппарата власти.

Abstract: The article analyzes the features of the development of the local government system of Siberia in the XIX – early XX centuries. It is shown how the change in the government's views on economic and political importance of the region influenced the competence and the organizational structure of the Siberian provincial government apparatus.

Ключевые слова: административная реформа, сибирская губернская реформа, правительство, губернатор, губернское правление, губернский совет.

Keywords: administrative reform, Siberian provincial reform, government, Governor, Provincial government, Provincial council.

Организация государственного управления на местах и развитие институтов самоуправления диктуются необходимостью создания наиболее благоприятных условий для жизнедеятельности населения, оптимального решения административных, политических, экономических и социокультурных задач на региональном и муниципальном уровнях. Но, на наш взгляд, реорганизации в аппарате власти на местах, структурные преобразования административных учреждений можно оценивать как необходимость поиска наиболее оптимальных вариантов организации местной власти с учётом меняющихся правительственных взглядов на политическое и экономическое значение отдельных регионов в широком смысле этого понятия.

В этом отношении показателен опыт развития местного управления в дореволюционной Сибири в XIX – начале XX вв. В это время в сибирском крае были проведены две масштабные административные реформы. Первая из них вошла в историю как реформа М. М. Сперанского. Удалённость региона от центральной власти при явной неразвитости транспортной и почтовой коммуникаций, этническое и религиозное разнообразие, низкая плотность населения, отсутствие чёткого представления в правительственных кругах об экономических возможностях Сибири, а также восприятие её как территории ссылки и военно-стратегического удержания сказывались на принимаемых административно-управленческих решениях. В результате в целях повышения эффективности местного управления Сибирь была разделена в административно-территориальном отношении на Западную и Восточную. Для борьбы с произволом чиновников, финансово-экономическими недоимками, укрепления престижа самодержавной власти в регионе вводится «Учреждение для управления сибирских губерний» от 22 июля 1822 г., подготовленное М. М. Сперанским [1, с. 345–394.]. Самодержавная власть реформой стремилась поставить под контроль местную сибирскую администрацию, сочетая централизаторские и децентрализаторские начала в местном управлении края [2, с. 38]. Однако реформа мало чем отличалась от управленческих подходов к Сибири,

сформировавшихся ещё в XVIII в. Иначе говоря, административная реформа 1822 г. не меняла места и роли Сибири в самодержавной политике, а лишь способствовала некой оптимизации управленческого административного аппарата. В силу этого перед нами предстаёт модель местного управления, которая значительно отличалась в те годы от организационных и управленческих структур местного управления, действующих в европейской части России. Об этом убедительно говорят результаты реформы.

Региональное управление в Западной и Восточной Сибири возглавили генерал-губернаторы. Губернии и области стали делиться на округа, а округа — на волости и инородные управы. Согласно проведённым преобразованиям в Сибири создавалось пять степеней управления: главное, губернское, окружное, волостное и инородное. Для нас наибольший интерес представляют главное и губернское управления.

Главное управление составляли генерал-губернатор и совет под его председательством. Совет состоял из шести человек — трое по представлению министерств, трое — по назначению генерал-губернатора. Эти люди должны были ограничивать личный произвол генерал-губернатора. Однако в самом принципе формирования совета была ошибка — трое членов совета, назначаемые генерал-губернатором, никогда не становились ему в оппозицию — в противном случае они просто потеряли бы это место службы. Поэтому генерал-губернатор обладал всей полнотой власти в крае [3].

Уровень губернского управления состоял из общего и частного. В общее входили гражданский губернатор и губернский совет в составе гражданского губернатора (председатель), председателя губернского правления, председателя казённой палаты, председателя губернского суда и губернского прокурора. Должность вице-губернатора была упразднена. Частное составили губернское правление — административно-полицейское учреждение, казённая палата — хозяйственный орган и губернский суд — судебное учреждение по уголовным и гражданским делам.

Однако постепенно выяснился целый ряд недостатков устройства органов сибирского губернского управления, которые усугублялись неясностью разграничения административной компетенции между губернским правлением и губернским советом. Общественный деятель XIX в. Н. М. Ядринцев отмечал: «Придуманные Сперанским советы далеко не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, ни ограничивали власть отдельных начальников» [4, с. 349].

Ситуация усугублялась нехваткой квалифицированных чиновников, т. к. условия службы были непрестижными, и прежде всего из-за маленького жалованья. На это неоднократно обращали внимание центральной власти сибирские губернаторы. Так, например, томский губернатор В. И. Мерцалов во «всепоподданнейшем» отчёте за 1881 г. писал, что сибирская служба, помимо незначительности окладов, была ещё и малопривлекательна из-за ограничения деятельности чиновников «отжившими рамками старых административных и судебных учреждений, которые не удовлетворяют уже современного образованного деятеля» [5, л. 6].

Поэтому неслучайно почти сразу после проведения реформы заговорили о необходимости пересмотра системы местного административного управления в Сибири. С конца 1850-х — 1860-х гг. эта проблема становилась предметом обсуждения различных правительственных комиссий. При этом на их заседаниях поднимался не только вопрос об устранении недостатков организации губернских учреждений, заключавшихся в двойственности управления, и создании эффективного и дешёвого административного аппарата, но и приближении системы местного управления региона к меняющимся финансово-экономическим и политическим задачам правительства в крае. В этом отношении показательна деятельность Комиссии при МВД под председательством бывшего генерал-

губернатора Восточной Сибири графа А. П. Игнатьева с целью составления проектов по реформированию губернского управления Сибири.

Стоит отметить, что рост интереса в правительственных кругах к обсуждению административных преобразований в системе сибирской местной власти возрастает в связи со строительством транссибирской магистрали. Итогом становится сибирская губернская реформа 1895 г. [6, с. 358–362]. В губерниях Сибири теперь губернские учреждения были преобразованы в присутственное место — губернское управление, которое состояло из губернатора, общего присутствия и канцелярии.

Интересно, что в преобразовании прослеживается не только стремление самодержавной власти оптимизировать систему местного губернского управления Сибири, с учётом современных на тот момент административно-управленческих задач, но и решить важные экономические и политические цели в крае.

Административно-управленческая задача губернской реформы заключалась в устранение «двойственности» управления (между губернским советом и губернским правлением); упорядочивании делопроизводства за счёт объединения в губернском управлении нескольких ранее самостоятельных учреждений и в том, чтобы создать более дешёвый административный аппарат, благодаря сокращению целого ряда должностей, ранее действующих в упряднённых административных структурах.

Однако в сибирской губернской реформе 1895 г. прослеживается эволюция политических взглядов на место и роль региона. Одним из решающих факторов становится строительство Транссибирской железной дороги. Это стимулировало развитие промышленности, торговли, сельского хозяйства, повлияло на рост численности населения в Сибири, а также способствовало экономической интеграции региона с европейской частью России. Стратегическое значение Сибири переоценивается. Постепенно осознаётся, что регион — это не только место ссылки и территория военно-стратегического удержания, но и в экономическом отношении ценный регион.

В результате создаётся система местного управления, отвечающая новым правительственным интересам в крае. При этом впервые в истории местного управления Сибири реформа проводится с учётом создания губернского управления, максимально приближенного к губерниям европейской части России.

Ещё на стадии обсуждения реформы в Государственном совете поднимался вопрос о допустимости применения опыта губернского административного преобразования Сибири на губернии европейской части России. Так, государственный деятель С. Ю. Витте отмечал: «...уже в 1895 году Государственный совет, рассмотрев вопрос о преобразовании губернских установлений в Сибири, напоминал министру внутренних дел, что ...реформа местного управления необходима не только для Сибири, но и для центральной России» [7, с. 190]. Ситуация, на наш взгляд, уникальная. Как правило, проводили в начале реформы в европейской части России, а потом в упрощённом варианте распространяли на Сибирь.

Таким образом, губернская реформа 1895 г., с одной стороны, оказала большое значение на развитие местного управления в Сибири, продемонстрировала эволюцию правительственных взглядов на место и роль региона (в широком смысле) в Российской империи. А с другой стороны, её результаты были положены в проект общероссийской реформы местного управления в начале XX в.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. СПб., 1830. № 29125.
2. Ремнёв А. В. К вопросу о периодизации административной политики самодержавия в Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца

- XVI–XX веков. Материалы 4 региональной научной конференции 11–12 ноября 1999 г. / Отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 1999.
3. Дамешек И. Л. Сибирское «Учреждение» М. Сперанского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vsp.ru/2001/12/01/sibirskoe-uchrezhdenie-m-speranskogo/> (дата обращения 14.03. 2017).
  4. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трёхсотлетия. Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее. СПб., 1882.
  5. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221.
  6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XV. СПб., 1899. №11757.
  7. Витте С. Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914.

Информация об авторах:

Палин Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «История России» Кемеровского технологического института пищевой промышленности (университета).

Козлова Валерия Александровна — студентка направления «Государственное и муниципальное управление» Кемеровского технологического института пищевой промышленности (университета).

Бакеева Б. З.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО РЕШЕНИЮ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА В КЫРГЫЗСТАНЕ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

Аннотация: В данной статье говорится о проведение подготовительных мероприятий по земельной реформе и реализации её в Кыргызстане. Несмотря на все трудности, советским органам при помощи различных уловок всё же удалось создать на местах земельно-водные комитеты, образовать образцово-показательные крестьянские хозяйства. На начальном этапе большевиками были допущены ошибки, перегибы в сфере аграрно-земельных отношений, что не могло не спровоцировать роста недовольства со стороны большинства коренного населения.

Abstract: This article considers the implementation of preparatory measures for land reform and its realization in Kyrgyzstan. Despite all the difficulties the Soviet authorities through a variety of tricks managed to create land and water committees and form exemplary peasant farms. At the initial stage mistakes and excesses were made by the Bolsheviks in the sphere of agrarian and land relations, which provoked the growth of discontent of the majority of the indigenous population.

Ключевые слова: земельный вопрос, реформы, Советы крестьянских и мусульманских депутатов, экономика, крестьянские хозяйства, кризис.

Keywords: land question, reform, and Soviets of peasant and Muslim deputies, economy, peasant economy, the crisis

Начало XX в. ознаменовалось рядом переломных событий в истории Кыргызстана. Февральская, а затем Октябрьская революции 1917 г., разрушив феодально-патриархальные

устой общества, породили новые настроения у населения, которые раскрыли всю глубину кризисных явлений, охвативших общество того времени.

Большевики неуклонно проводили в жизнь директивы советского правительства в области экономических преобразований, во многом слепо копируя политику центра. Пренебрегая своеобразием конкретно-исторического, социально-экономического и национально-бытового уклада жизни коренных народов края, они действовали порой более «революционно», обгоняя центральную Россию в проведении некоторых экономических преобразований.

II Всероссийский съезд Советов принял вошедший в историю Декрет о земле, составленный на основе 242 крестьянских наказов. Согласно Декрету, отменялась частная собственность на землю, переходившую в пользование всех трудящихся на ней сельчан на основе уравнительности. Положения Декрета о земле отражали позицию трудового крестьянства в целом и выражавших на этом этапе его интересы левых эсеров.

Первые шаги по решению актуальнейшего земельного вопроса были предприняты и в Туркестанском крае. 6 декабря 1917 г. Совнарком края принял по этому вопросу специальное постановление, в котором указывалось: «В развитие декрета Центрального Народного правительства об отмене права частной собственности на землю немедленно передать все земли, кроме земель, имеющих общегосударственное значение, на учёт областным и уездным земельным комитетам. А где их нет — областные и уездные Советы крестьянских и мусульманских депутатов должны теперь же приступить к организации земельных комитетов» [1], на которые возлагалось проведение подготовительных мероприятий по земельной реформе. Однако практическое осуществление намеченных мер по проведению земельной реформы натолкнулось на объективные трудности и прямое противодействие дехканства, которое не желало нарушать освящённую Кораном незыблемость частной собственности, в том числе на землю. В связи с этим на IV краевом съезде Советов (январь 1918 г.) представитель Наркомзема отмечал, что организовать земельные комитеты трудно, так как были даже призывы к вооружённому сопротивлению [2, с.134–136].

Несмотря на сопротивление дехканства, советским органам при помощи различных уловок всё же удалось создать на местах земельно-водные комитеты. В одном только Пишпекском уезде в августе – сентябре 1918 г. имелось 26 земельно-водных комитетов, много их было и в Токмакском уезде [3, л.11–13]. На юге Кыргызстана первый земельно-водный комитет был образован 26 марта 1918 г. в Ошском уезде. Однако из-за басмаческого движения создание земельно-водных комитетов в Фергане было затруднено.

Земельно-водные комитеты брали на учёт байскую землю, а кое-где и земли состоятельных середняков, участвовали в национализации отдельных помещичьих имений и хозяйств местной знати. Запрещалась купля-продажа земли, аренды и различные сделки на землю, вёлся учёт нетрудовых доходов [4, л. 80]. После создания волостных и айильных Советов земельно-водные комитеты, передав свои функции их земельным отделам, прекратили существование.

Декретом о земле в Кыргызстане, как и повсюду в России, земля была национализирована; проводилась её стихийная конфискация у крупных держателей. Так, в частности, в 1918 г. только в северном Кыргызстане было отобрано у хозяйств промышленников и зажиточных крестьян более пяти тысяч десятин земли, вместе с тем были конфискованы земли Иссык-Кульского монастыря. Не менее рьяно шла конфискация земельных поместий и в остальных областях Кыргызстана.

Кроме того, в северном Кыргызстане конфискации земель ущемляли интересы в основном русско-украинских и других переселенцев из европейской части Российской империи. Эти мероприятия особо не затрагивали интересы коренных жителей по двум причинам: во-первых, частная собственность на землю у них не получила широкого распространения, поскольку земли принадлежали целым родам, и они периодически

перераспределялись в зависимости от того, какое количество скота было у того или иного рода; во-вторых, часть жителей Нарына, Иссык-Куля и восточной части Чуйской долины бежала в Китай во время известных событий 1916 г.

Земли и инвентарь части национализированных хозяйств были розданы безземельным и малоземельным дехканам, был проведён отвод свободных участков для временных посевов, а на землях остальных были образованы образцово-показательные крестьянские хозяйства. Как зачатки социалистических отношений в деревне они пользовались особым вниманием и помощью государства; оно поддерживало также организацию различных союзов дехкан и крестьян. Это были союз садоводства и виноделия «Ветка» [5, л.138], который имел свой устав [5, л.141–142], союз трудовых скотоводов [6, л.123]. Однако надо отметить, что наряду с землями царя, зажиточных крестьян и местных баев некоторыми Советами и земельно-водными комитетами национализировались и трудовые хозяйства середняков, вызывая тем самым их справедливое недовольство. И всё же в рассматриваемый период в кыргызских аилах, в отличие от центральной России, предпринимались лишь первые шаги по претворению в жизнь Декрета о земле. В подавляющем большинстве мест ещё только проводились подготовительные мероприятия по претворению принятого решения в жизнь. Но, несмотря на это, уже были проведены национализация промышленности, железных дорог, банков.

Следует отметить, что те методы работы, которые взяли на вооружение коммунисты сразу же после прихода к власти, во многом были ошибочными и деструктивными. В этой ситуации отсутствие элементарного практического опыта ведения хозяйственной и политической работы только усугубило и без того сложную ситуацию. Допущенные большевиками просчёты и упущения в последующем были не только не сглажены, а наоборот, получали новое наполнение. В этой ситуации неудивительно, что спустя некоторое время вся страна, включая и Кыргызстан, пришла в упадок, обострился экономический кризис.

Ошибки большевиками были допущены в сфере аграрно-земельных отношений. В частности, мероприятия по перераспределению земельных участков и изъятию излишков угодий и продовольственных запасов не могли не спровоцировать роста недовольства со стороны большинства коренного населения. Объяснить это можно, прежде всего, тем, что уровень социально-экономического развития кыргызских земель до установления советской власти был крайне низок. Попытки новых властей по улучшению положения местного населения не воспринимались в полной мере. Та поспешность и непродуманность, с какой они приступили к осуществлению политики «военного коммунизма», стала одной из важнейших причин, способствовавших зарождению и быстрому усилению антисоветских движений.

Следует признать, что экономическая политика, проводимая большевиками в первые годы своего политического успеха, ни в коей мере не отвечала интересам коренного населения Кыргызстана.

Источники и литература

1. Наша газета. 1917. 8 декабря.
2. Упрочнение Советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1972.
3. ЦГА КР, ф. 353, оп.1, д. 8.
4. ЦГА КР, ф. 353, оп.1, д. 155.
5. ЦГА КР, ф. 353, оп.1, д. 2.
6. ЦГА КР, ф. 353, оп.1, д. 2.

Информация об авторе:

Бакеева Бермет Зарлыковна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-экономических, правовых дисциплин факультета истории и социально-правового образования Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика, bermet_bakeeva@mail.ru.

Курбанова Н. У., Карасартова Ч. Ж., Мырзабаева Н. С.

ИСЛАМ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Аннотация: В данной статье говорится о состоянии ислама в военные и послевоенные годы в СССР и в частности в Центральной Азии. Показана сущность атеистической политики государства того периода. Определены двойственный характер государственной политики, колебание государственно-исламских взаимоотношений и их содержание.

Abstract: This article talks about the state of Islam in the military and post-war years in the USSR and, in particular, in Central Asia. It shows the nature of the atheistic policy of the state of that period. The dual nature of state policy, the fluctuation of state-Islamic relations and their content are determined.

Ключевые слова: религиозная политика, тотальный контроль, религиозная жизнь, религиозные центры, религиозные деятели, мусульманские общины, религиозные школы.

Keywords: religious policy, total control, religious life, religious centers, religious figures, Muslim communities, religious schools.

Изучение государственно-исламских взаимоотношений в советский период позволяет заметить параметры его изменения от «заигрывания» до послабления религиозной политики, от воинствующей конфронтации до её легализации, в зависимости от обстоятельств социального, экономического, политического характера, общественного бедствия или успехов объективного характера.

Если в начальный период становления советской власти в 20-е гг. она пыталась найти поддержку у верующих, то в 30-е гг. началась непримиримая антирелигиозная борьба, а в тяжёлые 40-е гг. происходит своеобразное «примирение» между властью и религией, вызванное сложностями военного времени. В разгар войны Сталин был вынужден позволить верующим всех религий частично восстановить свою духовную жизнь. В трагических военных условиях стали открываться религиозные центры, восстанавливалась религиозная жизнь. Власти понимали, что компенсаторная функция религии может облегчить страдания и горе людей, потерявших своих близких, перенести тяготы жизни в самый сложный период в истории страны. Тотальный атеистический прессинг вероисповедания в это время получил некоторые послабления.

В самый сложный для советского народа период осенью 1943 года группа богословов во главе с Бабаджаном, заручившись поддержкой председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ю. Ахунбабаева, направила письмо на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина с обоснованием необходимости создания Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ). Вскоре советское правительство создаёт САДУМ в Ташкенте, наряду с ним одновременно были созданы Духовные управления мусульман Закавказья (ДУМЗАК), Северного Кавказа (ДУМСК), Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС).

Впоследствии САДУМ, как и другие муфтияты, сыграл большую роль во взаимоотношениях с мусульманскими странами мира, благодаря деятельности которых сложились дружеские взаимоотношения с ними. Согласно «витринному» советскому исламу были сохранены официально функционирующие центральные мечети. Людям старшего поколения, пенсионерам было дано негласное разрешение совершать вечерние молитвы в сельских мечетях. При этом во всём Советском Союзе власти сохранили всего лишь два учебных заведения: бухарское медресе «Мир-Араб» и Ташкентский исламский институт в Узбекистане, в которых обучались священнослужители не только Средней Азии и Казахстана, но и других мусульман всего Советского Союза.

Вместе с тем все религиозные деятели находились под наблюдением «осведомителей», тотальный контроль над ними сохранялся и позднее, после войны. В центральных соборных мечетях священнослужители были вынуждены либо сами стать осведомителями, либо тесно сотрудничать с органами безопасности.

Несмотря на послабление в религиозной политике в годы войны, Совет воинствующих безбожников (СВБ), созданный ещё в середине 20-х гг., продолжал активно работать. Даже во время войны, несмотря на то, что были даны послабления в религиозной политике, в Кыргызстане, к примеру, в 1942 г. в городах, районах, колхозах и совхозах было прочитано 1710 лекций, докладов, бесед, демонстрируемых диапозитивами, охвативших в общей сложности более 164 тыс. чел. Тематика лекций была разнообразна, однако в отчётах СВБ отмечается, что большим успехом пользовались лекции о религиозных гонениях в странах фашизма, было ли начало и будет ли конец мира, правда о небе и земле, борьба за продление жизни, происхождение жизни и человека на Земле и др. Иногда лекции носили лекционно-концертный характер при участии агитационно-концертных бригад из центра.

В мае 1944 г. было принято Постановление СНК СССР о создании Совета по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР с целью проведения государственной политики в религиозной сфере. Соответственно были созданы Советы по делам религиозных культов при совнаркомах в союзных, автономных республиках и областных исполкомах. В это же время были разработаны законодательные акты и постановления для реализации отмеченного Постановления.

Уже в послевоенные годы в информационных отчётах о деятельности религиозных культов на территории Кыргызстана в Совет по делам религиозных культов СССР наблюдается предвзятое отношение к верующим, к примеру, оказание мусульманской общиной помощи нуждающимся социально уязвимым колхозникам г. Ош в виде 7 центнеров зерна, продуктов, дойных коров было оценено как «религиозная пропаганда под видом патриотической помощи» [1, л.170].

В другом случае патриотическая инициатива мусульманской общины г. Ош и Джалал-Абадской области во время хлопкоуборочной кампании (было создано 16 бригад в составе 350 чел. из числа пенсионеров-мусульман) была воспринята как «форма наглядной агитации в пользу религии» [2, л. 130].

В 1947 г. была издана фетва САДУМА, призывающего мусульман не принуждать женщин носить чадру и привлекать их к активной общественной жизни. Политике раскрепощения женщин противоречила деятельность атынча (религиозно грамотных женщин, проповедующих ислам среди женщин). В отчётах Уполномоченного по делам религиозных культов приводятся примеры, что рост количества женщин, привлечённых к богослужению в мечети, происходит из-за активности атынча и имамов мечетей.

Неоднократно приводятся примеры деятельности имама мечети г. Как-Янбак Джалал-Абадской области М. Асадуллаева, татарина по национальности, ранее причастного к джадидитскому течению. Судя по всему, он являлся влиятельной фигурой, оказывающей влияние на верующих. В одном случае он упоминается как проповедник, выступающий против посещения шахтёрами пятикратного ежедневного намаза, предлагая им приходиться

только на жума-намаз, в другом — говорится, что из-за него выросло количество женщин, посещающих мечеть, в третьем случае он избирает членом ревизионной комиссии женщину, тем самым вызывая гнев других представителей мусульманской общины, обвинивших его в нарушении догматов ислама. Безусловно, его джадидитское вероубеждение и лояльность к властям помогли ему «отлучить» от своей мечети обвинителей.

Характеризуя религиозность населения по вероисповеданию, власти отмечают, что большая часть верующих — это узбеки, уйгуры и дунгане, «киргизы по численности и преобладают в республике, но особого стремления среди них на открытие молитвенных зданий не замечается и духовенство из киргиз считается только единицами, а религиозных общин, состоящих из киргиз, тоже единицы» [3, л. 256].

Ответственные лица за проведение антирелигиозной политики по запросу центра изучали культ мазаров — святых мест, куда совершали паломничество верующие. Все имеющиеся мазары в Кыргызстане традиционно имели, по мнению населения, свою специфику. В одном месте молились за разрешение своих проблем, выход из бедности, в другом — бездетности, в третьем — за выздоровление и т. д. Изучались также национальные и религиозные традиции народов (сходства, различия, противоречия и др.), проживающих в республике. Наличие фактов конфликтов, связанных с решением бытовых вопросов по шариату: развода, деления наследства, многожёнства и др., свидетельствует о том, что некоторая часть мусульман продолжала жить по законам шариата, часто противоречащим советским законам.

САДУМ в это время издаёт специальное обращение к верующим с разрешением не соблюдать орозо для людей, работающих на тяжёлых полевых работах. Однако на юге страны резкое сокращение количества трудодней колхозников, работающих на обработке хлопчатника, пропуски работы в дни Орозо-айта до 80% работающих свидетельствуют сами за себя, не только на юге, но и на севере республики. К примеру, известно, что в некоторых колхозах сами председатели праздновали запрещённый властями религиозный праздник. При этом отмечалось, что «кыргызское население особого рвения к соблюдению орозо не испытывали, но праздновали “Орозо” айт повсюду».

За партийными деятелями, участвующими в религиозных обрядах, вёлся тотальный контроль: за чтение джаназа — заупокойную молитву за усопшего, если последний был коммунистом, за обращение за лечением к молдо, за участие в богослужебных собраниях, за оказание спонсорской помощи мечети, за осуществление паломничества в святые места, за соблюдение шариата и др. получали партийное взыскание.

Причём все религиозные обряды и национальные традиции характеризовались в качестве предрассудков: дем-салуу, обрезание, тушоо-кесуу, нике, мучо-жыртыш, джаназа, даур-фития, Куран-тушуруу и др., а также традиции празднования Нооруз, Мавлюд и др. При этом ответственные работники и коммунисты, замеченные в участии, подвергались осуждению и наказанию. Только намного позднее кыргызские национальные обычаи и традиции стали делить на положительные, которые следует распространять, и «вредные», которые следует искоренять.

В послевоенные годы в Кыргызстане наблюдалась активизация ислама. Увеличивалось количество граждан, соблюдающих религиозные праздники и отправляющих религиозные обряды, осуществляющих паломничество к святым местам, особенно в гор. Ош к Сулейман-горе, к мазарам «Шах-Фазил» Ала-Букинского района, «Арслан-боб» Базар-Курганского района, «Хазрет-Аюб» (на территории курорта «Джалал-Абад») Сузакского района, «Идрис-Пайгамбар» Чаткальского района Джалал-Абадской области.

Верующие мусульмане Кыргызстана отмечали «Орозо» и «Курман» айты, в которых участвовали все слои населения, в том числе женщины и дети. Отмечались многолюдные праздничные богослужения в городах Фрунзе — ок. 2 тыс., Ош — 50 тыс., Узген, Джалал-Абад — 7 тыс., Пржевальск — 700 тыс., в Кок-Янгаке, Нарыне, в сел. Атбаши, Кочкорка,

Чаек — от 300 до 400 чел., а также в сёлах Караван, Наукат, Кара-Су Ошской области, Сузак Джалал-Абадской области, Кочкорка Тянь-Шаньской области, Калининском, Чалдовар Фрунзенской области и других населённых пунктах.

Безусловно, религиозные праздники критиковались в партийных документах как «сопровождаемые массовым убоем скота как кровавым жертвоприношением божеству “Курбан”», далее говорилось о том, что это наносит большой ущерб народному хозяйству республики, отвлекает тысячи людей от работы, подрывает трудовую дисциплину.

Религиозность мусульман власти связывали с деятельностью зарегистрированной мечети, однако исследование этого вопроса показало, что сама по себе мечеть не являлась организатором религиозности. Даже в каждом колхозе был свой безмечетный молдо, исполняющий религиозные обряды верующих, с ними боролись «путём организации научно-просветительской работы с населением в борьбе с предрассудками». Считалось, что «религиозные предрассудки и суеверия отравляют сознание части советских людей, мешают их сознательному и активному участию в строительстве коммунизма».

Вместе с тем вызывают недоумение факты, отмеченные в вышеуказанных отчётах, в которых говорится о том, что «празднование религиозных праздников сопровождается многодневным пьянством». Вероятно, писавшие отчёт сотрудники либо были далеки от ислама, либо речь идёт о номинальных мусульманах, которых идентифицируют в соответствии с национальной принадлежностью. Ведь общеизвестно, что пьянство больше советское наследие, без которого не обходился маломальский праздник, нежели религиозное, правила которого категорически не позволяют употребление алкоголя.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на всеобъемлющую и системную антирелигиозную научно-пропагандистскую работу, проводимую ЦК КП Кыргызстана, население республики продолжало соблюдать религиозные праздники и отправлять религиозные обряды и культы. Хотя власти в республике верующими мусульманами считали только тех, кто посещал мечети, на самом деле ориентировочное число верующих было намного больше, религиозные обряды исполняли многие скрытно, в том числе и коммунисты.

В конце 50-х г., в частности, после принятия постановлений ЦК КПСС в 1954 г. «Об усилении атеистической работы», *наблюдается наступление государства на религию*, в связи с выдвигаемым руководством Коммунистической партии и государства развернутым строительством коммунизма в СССР, вновь актуализируется вопрос антирелигиозной борьбы и полного вытеснения религии из общественной жизни.

В Постановлении ЦК КП Киргизии «О серьёзных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» [3, л.257] за подписью И. Раззакова отмечалась тенденция приспособления религиозных общин к современным условиям, усиленное распространение религиозной идеологии среди отсталых слоёв населения, особенно среди молодёжи и женщин.

Обеспокоенность властей вызывало то, что в конце 50-х гг. многие выходцы из Центральной Азии, в том числе и из Кыргызстана, выезжали обучаться исламу у известного богослова Мавлави Хиндустани, который организовал в Таджикистане первые подпольные религиозные школы «худжра» (в пер. с арабск. «комната»). По возвращении к себе на родину его ученики создавали небольшие исламские школы, в которых также подпольно обучали желающих. Интересна биография самого Мавлави Хиндустани (1892–1989 гг.), выдающегося богослова ханафитского мазхаба в Центральной Азии. Он получил образование в Коканде, Бухаре, затем в Кашмире, в 1928 г. после совершения хаджа вернулся в Узбекистан, в разгар антирелигиозной компании. Там был трижды осуждён и провёл восемь с половиной лет в колониях, принимал участие в Великой Отечественной войне. Оставшуюся жизнь до 1989 г. прожил в Таджикистане.

Основная заслуга Хиндустани — это его 6-томный труд — «Тафсири Куръон», написанный в ответ на работу С. Кутбу — главного идеолога ваххабизма — «Под сенью Корана». Хиндустани, являясь ярким представителем ханафитского мазхаба, отвергает идеологию ваххабизма, опасаясь идейного раскола богословов Центральной Азии, отхода их от догматов классического ислама и религиозной практики ханафитской школы, представителем которой является большинство мусульман.

Мавлави Хиндустани противостоял ваххабитским идеям, считавшим «неисламскими» чтение Корана за покойника, за исцеление больного, почитание святых, поклонение мазарам и др. обряды, традиционно присущие ханафитской религиозной практике. Он осуждал привнесённые идеи очищения ислама, создания исламского государства на территории Центральной Азии, вмешательства ислама в политику, исходившие от идеологов радикальных религиозно-политических движений Ближнего Востока и Северной Африки.

В Кыргызстане в советский период был написан ряд диссертаций Ю. Г. Петраш [4], С. Б. Дорженовым [5], С. Асанкуловым [5], Г. П. Тетевиним [7], В. Б. Богатырёвым [8], в которых рассматривались причины живучести религиозных пережитков, борьба с религией в быту и атеистическая деятельность партийных организаций. Э. Ж. Маанаевым был подготовлен и издан терминологический словарь по атеизму [9]. Издаются работы по атеистическому воспитанию, по проблемам свободы совести, государственно-церковным отношениям, и проводятся исследования по конкретным религиозным направлениям. В Кыргызстане религию как пережиток прошлого в сознании людей Средней Азии с точки зрения марксистско-ленинской идеологии исследует А. Алтмышбаев [10], проблемы мусульманского сектантства, в частности, суфийские течения в Кыргызстане, исследовал С. Мамбеталиев [11].

Все исследователи преподносили религию, по известному выражению Маркса, как «опиум для народа», нечто абсолютно несовместимое с социализмом; верующий человек представлялся как не имеющий моральных принципов. Основным каналом проникновения религии в сознание молодёжи считались обряды и традиции, которым под знаменем борьбы с религией была объявлена настоящая война, и они должны были быть заменены новыми. Основной причиной воспроизводства религиозности молодёжи считались социальные проблемы: вопросы создания надлежащих условий труда, быта, учёбы, отдыха.

Также в архивах Верховного суда имеются пересмотренные материалы на судимых священнослужителей, в основном срок заключения 10, 25 лет. Предъявляемые обвинения Карачеву Шадыбеку, 1876 г. р., Талас: «Винювен: являясь муллой, без разрешения проводил среди населения религиозные обряды, читал молитвы на похоронах и религиозных праздниках, клеветал на колхозный строй, восхвалял капиталистический образ жизни. Утверждал, что в предстоящей войне СССР с Америкой и Англией они победят. Колхозы будут распущены». Другие примеры: Латыпов З., 1858 г. р., Бишкек: «Являясь муллой, проводил религиозные сборы населения [...], призывал колхозников не работать на колхозных полях, а приходить молиться»; Разыков А., 1873 г. р., Базар-Курган: «Являясь муллой, имел антисоветские настроения, проводил контрреволюционную агитацию, используя религиозные обряды, [...] распространял слухи о скорой гибели советской власти»; Качерхаджиев Х., 1887 г. р., Панфиловский район, Нурумбетов Б., 1897 г. р., Джалал-Абад, Калмуратов А., 1885 г. р., Разаков У., 1883 г. р., Мупсипов М., 1890 г. р., Умаров Ш., 1904 г. р. и Миралимов М., 1882 г. Р., все пятеро из Ала-Букинского и Караванского районов Джалал-Абадской области, проходящие по делу так называемых «волосатых ишанов» Камбаров З., 1917 г. р., Хаджимутринов Т., 1904 г. р., Эрматов А., 1890 г. р., Исмаилов Т., 1914 г.р. С точки зрения современного обывателя вызывает недоумение вопрос, как можно судить людей за религиозную деятельность, но, конечно же, акцент в

обвинениях чаще всего был смещён в сторону «антисоветской пропаганды». Многие осуждённые умерли в тюрьмах, не дождавшись свободы

В середине 80-х гг. также возрастает интерес к исламу в связи с повышением роли мусульманских стран в мире. В СССР выходит ряд монографий по проблемам ислама. При этом критика ислама «смягчается» с учётом необходимости сотрудничества с мусульманскими странами в антиимпериалистической войне. Публикуются исследования по истории и культуре ислама в Кыргызстане. Характерной чертой этих исследований является действительное стремление авторов к научности и объективности.

Таким образом, в исследуемый нами период замечается колебание государственно-исламских взаимоотношений. Если в тяжёлый период грозных военных и послевоенных событий *наблюдается либерализация государственной политики по отношению к исламу*, то с середины 50-х гг., в частности, после принятия постановлений ЦК КПСС в 1954 г. «Об усилении атеистической работы» *наблюдается наступление государства на религию. Власти в этот период ставили задачу формировать у советских людей коммунистическое мировоззрение, составляющей которого были атеистические убеждения.*

В этот период времени выводы, к которым приходили исследователи, констатировали успехи атеистического воспитания и руководящую роль партии, для них была характерно явно завышенная оценка эффективности антирелигиозной пропаганды. Продолжалась разработка теоретических вопросов атеизма и религии уже в традиционном, на тот момент, марксистско-ленинском понимании.

Однако, несмотря на все попытки руководителей КПСС навсегда избавиться от религии, ислам сохранил свой потенциал в традиционно мусульманских районах Советского Союза, в том числе и в Кыргызстане, особенно на юге республики. И хотя религиозная практика и получение религиозного образования оставались сугубо личным делом, а отправление религиозных обрядов носило скрытый характер, в истории местных этнических общин сохранялся устойчивый религиозный континуум (передача религиозности из поколения в поколение).

До провозглашения независимости Кыргызской Республики религиозные организации были лишены возможности оказывать какое-либо воздействие на жизнедеятельность общества. Как известно, на территории бывшего СССР атеизм был возведён в ранг государственной политики, в связи с чем проводившие свою работу немногочисленные мечети и храмы находились под мощным прессингом атеистической пропаганды:

Религии — «опиуму для народа», «пережитку прошлого» не было места при социалистическом строе. Религиозные объединения имели право заниматься только удовлетворением религиозных потребностей населения, их идеологическая деятельность сводилась к пропаганде политики КПСС и Советского государства.

В Кыргызской Республике под видом национальных традиций во многих сёлах стали проводиться пышные похоронные и поминальные обряды с раздачей денег, забоем большого количества скота (хотя раньше за проведение подобных религиозных обрядов строго наказывались). Стали проводиться массовые молебны и жертвоприношения как «тулоо». Участие в религиозных обрядах стало преподноситься как причастие к национальному, тогда как попытки осудить религиозное содержание представлялись духовенством как измена национальному, отказ от священных обычаев своего народа.

В республике стали давать мусульманским служителям разрешение в устной форме для проведения обряда «джаназа», нике, обрезания с целью снять напряжённость с некоторых религиозных обрядов, без которых не мог обойтись ни один мусульманин.

Литература и источники

1. ЦГА КР. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 1.

2. ЦГА ПД КР. Ф 56. Оп. 77. Д. 36.
3. ЦГА КР. Ф. 2597. Оп. 11. Д. 4.
4. Петраш Ю. Г. Пережитки ислама и пути их преодоления (по материалам Юга Киргизской ССР): Дис... канд. истор. наук. М., 1962.
5. Дорженов С. Б. Распространение ислама в Киргизии и его современное состояние: Дис ... канд. истор. наук. М., 1964.
6. Асанкулов С. Борьба с феодально-родовыми и религиозными пережитками в сознании людей в условиях Советской Киргизии: Дис ... канд. истор. наук. М., 1965.
7. Тетевин Г. П. Деятельность партийных организаций Киргизии по атеистическому воспитанию трудящихся в период между XXII и XXIII съездами КПСС: Дис ... канд. истор. наук. М., 1967.
8. Богатырёв В. Б. Политика Компартии Киргизии по отношению к религии и церкви: опыт реализации, проблемы (1985–1990 гг.): Дис ... канд. истор. наук. М., 1991.
9. Маанаев Э. Ж. Русско-киргизский словарь по атеизму. Фрунзе, 1969.
10. Алтмышбаев А. Некоторые пережитки прошлого в сознании людей в Средней Азии и роль социалистической культуры в борьбе с ними. Фрунзе, 1958.
11. Мамбеталиев С. Пережитки некоторых мусульманских течений в Киргизии и их история. Фрунзе, 1969.

Информация об авторах:

Курбанова Н. У. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Кыргызстана и этнологии, декан факультета истории и социально-правового образования КГУ им. И. Арабаева, г. Бишкек, fispo2016@gmail.com;

Карасартова Ч. Ж. — кандидат исторических наук, и. о. доцента кафедры всеобщей истории и СЭПД, директор гимназии Восточных языков КГУ им. И. Арабаева, г. Бишкек, chinara.karasartova@mail.ru;

Мырзабаева Н. С. — старший преподаватель Джалал-Абадского государственного университета, г. Джалал-Абад, nurka_74@rambler.ru.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Желтов В. В., Желтов М. В.

СМЕШАННАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА И ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРАХ ГРУЗИИ, ЛИТВЫ, УКРАИНЫ И РОССИИ)

Аннотация: В статье освещаются вопросы влияния смешанной избирательной системы на результаты парламентских выборов в странах постсоветского пространства. Раскрывается специфика влияния избирательной системы на партийный состав депутатов парламентов. Анализируются вопросы административного и финансового влияния в ходе голосования. Оценивается место и роль так называемых «независимых» избранных.

Abstract: The article highlights the issues of the influence of the mixed electoral system on the results of parliamentary elections in the countries of the post-Soviet space. The specifics of the influence of the electoral system on the party composition of the deputies of parliaments are revealed. The issues of administrative and financial influence during the voting are analyzed. The place and role of the so-called "independent" electors is assessed.

Ключевые слова: выборы, парламент, пропорциональная и мажоритарная избирательные системы, уравновешенные смешанные избирательные системы, голосование по спискам, голосование по избирательным округам, административный ресурс, финансовый ресурс.

Keywords: elections, parliament, proportional and majority electoral systems, balanced mixed electoral systems, voting by lists, voting by constituencies, administrative resources, financial resources.

В современной политической и юридической литературе общепринятым является утверждение о том, что одним из важнейших элементов политической системы общества является избирательная система. При этом российские авторы в своём большинстве, следуя советской научной традиции, рассматривают понятие избирательной системы в широком и узком смысле.

Поясним. В широком смысле «избирательная система — это упорядоченные общественные отношения, связанные с выборами органов публичной власти, составляющие порядок выборов» [1, с. 323].

Не отрицая данной трактовки, российские юристы и особенно политологи чаще всего рассматривают избирательную систему в узком смысле. В этом случае под избирательной системой понимается «способ определения результатов голосования, в результате которого производится распределение мандатов между кандидатами в соответствии с поданными за них или за их группы (списки кандидатов) голосами» [2, с. 511].

Нужно сказать, что подобный подход к пониманию избирательной системы характерен и для зарубежных авторов [Martin P. Les systèmes électoraux et les modes de scrutin. P., 2006., p. 35]. Поэтому нам представляется вполне оправданным в данной статье использовать указанный выше подход.

Разновидности избирательных систем

В научной литературе традиционно выделяются три основные разновидности избирательных систем: мажоритарные, пропорциональные и смешанные. Правда, некоторые конституционалисты и аналитики электоральных процессов отрицают существование в качестве самостоятельных смешанные избирательные системы. По их мнению, в рамках этих систем выборы по партийным спискам и одномандатным округам проходят автономно друг от друга соответственно по мажоритарной и пропорциональной системе [3, с. 154–16]. А потому, по их мнению, подобное голосование не позволяет говорить о существовании каких-либо особых смешанных систем.

Тем не менее большинство российских и зарубежных исследователей выделяют смешанные системы в особый вид избирательных систем. Под смешанной избирательной системой понимается система, основанная на «комбинированном применении мажоритарного и пропорционального голосования» [Delwit P., De Waele J-M. *Modes de scrutinet sociétés // Le mode de scrutin fait-ill'élection? Bruxelles, 2000., p. 11*].

Смешанные избирательные системы стали использоваться только в XX веке. Однако вплоть до конца 1980-х гг. их использование носило крайне ограниченный характер. Широкое распространение смешанные избирательные системы получили в рамках начавшейся в то время новой волны демократизации, связанной с распадом Советского Союза и мировой социалистической системы. В этот период ряд стран Восточной Европы и бывших республик СССР приняли на вооружение именно эти системы. Речь в данном случае идёт о таких странах, как Венгрия, Грузия, Литва, Россия.

Кроме того, в период после 1980 г. ряд других стран встали на путь демократизации своих политических систем, что сопровождалось переходом от мажоритарной к смешанной избирательной системе как более демократической. Пример тому — Италия, Мексика, Новая Зеландия, Япония.

Таким образом, к началу нынешнего столетия данная разновидность избирательных систем является достойным конкурентом традиционных мажоритарных и пропорциональных систем. Более того, у смешанных систем появилось довольно большое количество сторонников, обосновывающих наличие у них неоспоримых преимуществ.

О чём идёт речь?

Прежде всего, сторонники смешанных избирательных систем указывают на то, что данные системы способствуют развитию многопартийности и росту межпартийной конкуренции за места в парламенте, что явно нехарактерно для мажоритарных систем. Это — во-первых.

Во-вторых, смешанные системы позволяют укрепить связь избирателей с конкретным кандидатом, который, в случае своего избрания, будет представлять их интересы в парламенте. Это явно нехарактерно для пропорциональных систем, где такая связь практически отсутствует.

В-третьих, смешанные системы позволяют снизить фрагментарность парламента, предоставляя небольшим партиям меньше мест, чем при использовании пропорциональной системы.

Наконец, смешанные системы дают шанс пройти в парламент беспартийным кандидатам, которые обладают поддержкой среди избирателей своего округа. Правда, эксперты небезосновательно говорят о том, что эффективность такого кандидата в парламенте является весьма спорной.

К числу недостатков смешанных избирательных систем их критики относят неизбежность создания коалиционного правительства, поскольку одна партия обычно не получает твёрдого большинства в парламенте. Однако данный аргумент является достаточно спорным, поскольку в большом количестве стран такие правительства действуют весьма успешно.

Опыт использования смешанных избирательных систем

В научной литературе существует несколько классификаций смешанных избирательных систем, выделяемых по разным основаниям. Назовём наиболее распространённые из принятых классификаций.

Во-первых, выделяют географически однородные и географически неоднородные избирательные системы.

Поясним. Географически однородные смешанные избирательные системы представлены тремя разновидностями:

- пропорционально-мажоритарные системы;
- мажоритарно-пропорциональные системы;
- уравновешенные системы.

Для первых характерно преобладание пропорционального представительства, для вторых — преобладание мажоритарной основы. К уравновешенным относятся смешанные системы, при которых на равных применяются мажоритарная и пропорциональная избирательные системы [4, с. 484].

В данной статье мы будем говорить об уравновешенных системах, которые чаще всего применяются на общенациональном уровне. Наш анализ будет касаться применения этих систем на парламентских выборах, проходивших в течение последних 6 лет в таких странах, как Грузия, Литва, Россия и Украина.

Есть несколько причин выделения именно этих стран в одну группу и определения временных рамок рассмотрения особенностей проходивших в них парламентских выборов.

Во-первых, все указанные нами страны принадлежат к постсоветскому пространству. Все они возникли как независимые государства после распада СССР.

Во-вторых, во всех этих странах на парламентских выборах применяется одна и та же уравновешенная смешанная избирательная система. Правда, следует отметить, что опыт применения данной системы в этих странах является неодинаковым.

Так, в Литве и Грузии данная система применяется с начала 1990-х гг., тогда как на Украине она использовалась в 1998 и 2002 гг. Затем она была заменена пропорциональной системой. Но в 2012 г. смешанная избирательная система вновь стала использоваться на Украине.

В России же смешанная избирательная система за годы демократических преобразований прошла очень непростой путь. Она применялась на выборах депутатов Государственной Думы с 1993 по 2003 гг., затем она была заменена пропорциональной системой и вновь начала использоваться с 2016 года.

Общим местом для указанных нами стран является и то, что в них количество депутатов, избираемых по округам и партийным спискам, либо является абсолютно равным (Россия, Украина), либо почти равным (Грузия, Литва).

Наконец, в последние годы в этих странах очень ярко проявились те особенности применения смешанной избирательной системы, которые в целом характерны для Восточной Европы и о которых будет сказано ниже.

Смешанная избирательная система на Украине

На Украине в течение многих лет для выборов парламента (Верховной Рады) применялась пропорциональная система, которая не вызывала у ведущих политических сил особых нареканий. Ситуация начала меняться после избрания в 2010 году Президентом Украины В. Ф. Януковича.

Надо полагать, что отход Украины от пропорциональной избирательной системы был связан с тем, что президент В. Ф. Янукович и его ближайшее окружение видели в качестве важной для себя политической цели добиться расширения полномочий главы государства и обеспечения стабильной поддержки правительства и президента в парламенте.

Первая цель была достигнута путём пересмотра действующей конституции Украины на основе весьма спорного решения Конституционного Суда, которое привело к резкому расширению полномочий главы государства. Второй цели было решено добиваться с помощью изменения избирательной системы. В конце 2011 г. депутаты правящей Партии Регионов (ПР) внесли законопроект, предусматривавший отказ от действовавшей на выборах пропорциональной системы и введения смешанной системы, при которой 225 депутатов избирались бы по партийным спискам, а ещё 225 депутатов избирались бы в одномандатных округах по мажоритарной системе относительного большинства.

Данный законопроект был решительно отвергнут оппозицией, которая обвинила Президента в попытке переписать закон, чтобы обеспечить большинство правящей партии в Верховной Раде. Проект подвергся критике и со стороны Венецианской комиссии (Европейская комиссия за демократию через право), но, несмотря на всю критику, проект, о котором идёт речь, был принят большинством голосов депутатов Верховной Рады.

В итоге выборы 28 октября 2012 г. прошли именно по этому закону и, безусловно, оправдали ожидания властей.

Многие обозреватели называли эти выборы «наиболее грязными в истории Украины». Голосование сопровождалось массовыми случаями подкупа избирателей и фальсификаций итогов голосования. При этом очень широко использовался «административный» и финансовый ресурс. Особенно ярко это проявилось при голосовании в одномандатных округах. Дело дошло до того, что в нескольких округах пришлось проводить перевыборы после отмены итогов голосования.

В целом победителем на выборах стала «партия власти» ПР, которая получила 30% голосов избирателей и 185 мест в парламенте. Оппозиционные партии «Батькивщина», УДАР и «Свобода» получили соответственно 25,54% голосов (101 место), 13,37% (40 мест) и 10,44% (37 мест). Наконец, коммунисты (КПУ) получили 13,18% голосов избирателей и 32 места в парламенте [<http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp300?PT001F01=900>], [<http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp039?PT001F01=900>].

Нужно сказать, что распределение мандатов очень ярко показало специфику действия данной системы в условиях использования властями административного и финансового ресурсов. ПР из своих 185 мест 114 получила именно в одномандатных округах, далеко обогнав другие партии. Именно одномандатники обеспечили столь внушительный отрыв «регионалов». (Например, у «Батькивщины» их было только 43, а у коммунистов вообще ни одного).

Следует также отметить, что все украинские партии, принимавшие участие в выборах, не оспаривали итогов голосования по партийным спискам. Все претензии были связаны именно с одномандатными округами.

Как было сказано выше, ПР получила 185 мест в парламенте, при этом необходимое большинство составляло 226 мандатов. И тут проявилась ещё одна особенность смешанной избирательной системы в рассматриваемых нами постсоветских странах.

Речь идёт о том, что в ходе выборов в одномандатных округах победили 43 независимых кандидата. Однако практически сразу после выборов почти все они присоединились к фракции ПР. В итоге «регионалы», получив 30% голосов избирателей, получили абсолютное большинство в парламенте даже без поддержки коммунистов. На Украине получилось так, что фактически избиратели, голосуя за независимых кандидатов, проголосовали за ПР.

Справедливости ради, следует сказать, что праздник «регионалов» длился недолго. Уже через год на Украине начался так называемый Евромайдан, который в итоге привёл к свержению Президента В. Ф. Януковича, а потом и к его бегству из страны.

Можно, наверное, согласиться с мнением (пусть и не бесспорным!) тех из политологов, которые утверждали, что, вводя смешанную избирательную систему,

президент как бы перехитрил сам себя. По некоторым оценкам, если бы на Украине сохранилась пропорциональная система, то, согласно математическим выкладкам, ПР получила бы только 135 мандатов, «Батькивщина» — 115, УДАР — 63, коммунисты — 60 и «Свобода» — 47 мандатов.

Очевидно, что при таком раскладе оппозиционные партии получали бы большинство мест в парламенте и могли создать коалиционное правительство. В этом случае никакого Евромайдана и того, что за ним последовало, могло бы и не быть. Соавторы разделяют мнение тех аналитиков, которые видят в данном факте свидетельство огромного влияния избирательной системы на политический процесс.

После перехода власти на Украине ставленникам майдана потребовалось проведение досрочных парламентских выборов, которые прошли 26 октября 2014 г. В ходе этих выборов отчётливо проявились те же самые тенденции, что и на выборах 2012 г. Формальным победителем на выборах стал Народный Фронт (НФ), который получил 22,14% голосов избирателей и опередил считавшуюся фаворитом новую «партию власти» — «Блок Петра Порошенко» (БПП). БПП занял второе место, набрав 21,82% голосов. Однако именно БПП стал фактическим победителем выборов и опять-таки за счёт одномандатных округов и использования административного ресурса. НФ, став победителем указанных выборов, получил 82 места в парламенте (64 по партийному списку и 18 — по округам). Результат БПП выглядел следующим образом: 132 депутатских мандата, 63 из которых были получены по партийному списку и 69 — по округам [<http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp300e?PT001F01=910#>].

При этом проявление действия административного ресурса было просто вопиющим. В парламенте оказались сын президента, жена лидера фракции БПП Ю. Луценко, олигарх С. Левочкин и его жена и три брата господина Балог, монополизировавшие своё представительство в Черновицкой области.

Отметим и то, что в парламент прошли 96 независимых одномандатников, большинство из которых немедленно присоединилось к НФ и БПП.

Таким образом, выборы показали, что при данной избирательной системе огромное значение имеет административный и финансовый ресурсы, и то, что независимые кандидаты при такой системе во многом являются фикцией. Следует также отметить, что партии, занявшие три последующих места — «Самопомощь», Оппозиционный Блок и Радикальная партия, смогли в совокупности победить лишь в 3 округах.

Смешанная избирательная система в России

За украинским экспериментом с избирательной системой внимательно наблюдали в России. С 2007 года выборы российской Государственной Думы проходили с использованием пропорциональной системы. На выборах 2011 г. в условиях существенного недовольства населения деятельностью правящей партии «Единая Россия» (ЕР) она смогла получить лишь 49,32% голосов, что было существенно меньше прежних результатов партии. ЕР получила только 238 мандатов, утратив имевшееся ранее конституционное большинство. При этом существенно выросло число мест в парламенте у партий так называемой «системной оппозиции» КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России».

В этих условиях российская элита пришла к выводу, что сохранение пропорциональной системы потенциально может привести к утрате единороссами даже простого большинства в парламенте. Именно поэтому было принято решение использовать опыт Украины и перейти к смешанной избирательной системе. Уже в конце 2013 г. в Госдуму был внесён законопроект, согласно которому 225 депутатов должны были избираться по партийным спискам, а ещё 225 — по одномандатным округам.

В начале 2014 г. данный законопроект стал законом. И надо сказать, что новый закон о выборах оправдал ожидания властей. На выборах, прошедших 18 сентября 2016 г., ЕР,

получив 54,2% голосов избирателей, получила 343 места в парламенте, вернув себе конституционное большинство.

Из этих мест 140 были получены по партийному списку, а 203 — по одномандатным округам. Фактически ЕР забрала практически все одномандатные округа. Таким образом, набрав чуть больше половины голосов избирателей, «Единая Россия» получила более ¾ мест в парламенте.

Следует отметить, что при использовании старой избирательной системы ЕР получила бы только 244 места.

Другим следствием использования данной избирательной системы стал полный провал оппозиционных партий. Коммунисты, потеряв 6% голосов по сравнению с предыдущими выборами, получили более чем в два раза меньше мест в парламенте (было 92, стало 42). ЛДПР, получив голосов больше, чем на предыдущих выборах (было 11,67%, стало 13,14%), вместо 56 мест располагает в парламенте лишь 39. Наконец, «Справедливая Россия», потеряв 5% голосов (было 13,24%, стало 8,22%), вместо 64 получила только 23 места

в

Госдуме

[http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&typ].

Даже при таких не очень успешных результатах при использовании прежней системы у КПРФ было бы примерно 60 мест, у ЛДПР — 59, а у СР — 37.

Главной причиной таких результатов оппозиции стало то, что указанные выше 3 партии в совокупности смогли победить только в 19 одномандатных округах. В результате на выборах были зафиксированы результаты, которые редко бывают даже при использовании мажоритарных избирательных систем.

Следует сказать и о независимых кандидатах. В период разработки закона о выборах было произнесено много слов о том, что введение избирательных округов является огромным шагом по направлению к демократизации избирательной системы, поскольку даст возможность прийти в парламент большому количеству независимых кандидатов. Выборы показали, что в России данный аргумент не работает в принципе. По результатам выборов в Госдуму прошёл только 1 (!) независимый кандидат, который сразу присоединился к фракции «Единая Россия».

Говоря о схожести результатов применения смешанной избирательной системы в России и на Украине, следует отметить и два существенных отличия.

Во-первых, на Украине в округах наряду с административным ресурсом, исходящим от власти, действует и финансовый ресурс, позволяющий проходить в парламент независимым кандидатам, располагающим большими денежными средствами. В России, как показали прошедшие выборы, финансовый ресурс, независимый от власти, просто отсутствует. Действует только административный ресурс.

Во-вторых, на Украине на выборах избирается довольно большое количество независимых кандидатов, с которыми «партии власти» приходится договариваться. В России подобной проблемы не существует, поскольку независимые депутаты отсутствуют как класс.

На сегодняшний день нет никаких оснований полагать, что избирательная система в России может измениться, поскольку она вполне устраивает правящую партию. При этом все её особенности, о которых было сказано выше, сохранятся и в дальнейшем.

Однако не только в России применение смешанной избирательной системы даёт подобные результаты. Зеркальным отражением итогов выборов в России стали итоги выборов в Грузии, которые прошли в октябре 2016 года.

Смешанная избирательная система Грузии

В Грузии избирателям на выборах 2016 г. предстояло избрать парламент, состоящий из 150 депутатов. Из них, согласно закону о выборах, 77 избираются по пропорциональной системе, а 73 — в одномандатных округах, избираемые, в отличие от России, в 2 тура. В парламент Грузии проходят только партии, получившие 5 и более процентов голосов избирателей.

Основными претендентами на победу в ходе голосования, как и на предыдущих выборах в 2012 г., были партии «Грузинская мечта» (ГМ), созданная миллиардером Бидзиной Иванишвили, и «Единое национальное движение» (ЕНД) во главе с бывшим президентом страны Михаилом Саакашвили.

По итогам выборов 2012 г. ГМ получила 54,97% голосов избирателей и 85 мест в парламенте, а ЕНД — 40,34% голосов и 65 мест. В этом случае распределение мест в парламенте почти совпало с долей голосов избирателей, полученных ведущими партиями. Данный факт позволяет сделать вывод об эффективности применения смешанной избирательной системы.

Однако в 2016 г. ситуация кардинально изменилась. После ожесточённой избирательной кампании, в ходе которой ЕНД обвиняла правящую партию в использовании административного ресурса, а после выборов — ещё и в фальсификации их результатов, окончательные результаты голосования избирателей многих повергли в шок. По итогам двух туров выборов, которые состоялись соответственно 8 и 30 октября прошлого года, ГМ получила 48,68% голосов избирателей и 115 мест в парламенте.

Таким образом, потеряв голоса, правящая партия чуть ли не удвоила численность своей фракции в парламенте, получив более $\frac{3}{4}$ мест и, соответственно, конституционное большинство. ЕНД же, набрав 27,11% голосов, ограничилась только 27 местами в парламенте [<http://cesko.ge/res/docs/shemajamebelieng.pdf>].

Если бы в Грузии использовалась пропорциональная система, то у ГМ было бы 74 места в парламенте, а у ЕНД — 41. Указанный результат правящей партии Грузии вполне сопоставим с ситуацией в России и на Украине. Он был обеспечен за счёт одномандатных округов. Уже по итогам первого тура выборов было видно явное преимущество правящей партии в округах. В итоге её кандидаты победили в 71 (!) округе из 73. ЕНД не победила ни в одном. Все свои места партия получила по итогам голосования за партийные списки. Явная несправедливость распределения мест в парламенте привела к тому, что даже президент Грузии, кстати, принадлежащий к ГМ, завил о необходимости реформы избирательной системы.

Объясняя результаты выборов, лидеры ЕНД ссылались на использование правящей партией административного ресурса. Действительно, такие случаи имели место. Более того, были и случаи прямого давления на кандидатов и сторонников ЕНД. Также говорилось и о фальсификациях результатов голосования, хотя, видимо, они не носили массового характера.

В пользу сомнительности результатов голосования по округам говорит и тот факт, что в 2012 г. кандидаты ЕНД победили в 32 округах, а в 2016 г. — ни в одном. Трудно представить, что в условиях падения рейтинга правящей партии избиратели при голосовании по округам массово перешли на её сторону.

Нужно сказать, что грузинские выборы, как и российские, опровергают идею о том, что смешанная система позволяет пробиться в парламент независимым кандидатам. По итогам выборов в Грузии в парламент смог пройти только 1 независимый кандидат.

Смешанная избирательная система Литвы

Далеко не всегда смешанная избирательная система действует так, как в Грузии, России и на Украине. В качестве примера «альтернативного» использования этой системы можно привести пример Литвы. В Литве на выборах в парламент также применяется

смешанная избирательная система. Из 141 депутата Сейма 71 избирается в одномандатных округах, а 70 — по системе партийных списков. При этом выборы в округах проходят, как и в Грузии, в 2 тура. В Сейм попадают только партии, получившие не менее 5% голосов избирателей.

Итоги последних выборов, которые состоялись в октябре 2016 г., показали, что «литовская модель» смешанной системы отличается от своих аналогов в соседних странах, но в то же время имеет и некоторые общие с ними черты. После первого тура выборов, который состоялся 8 октября, победу праздновала консервативная партия «Союз Отечества — Литовские христианские демократы» (СО-ЛХД). Она заняла первое место при голосовании по партийным спискам, набрав 22,63% голосов и имея неплохие шансы победить в одномандатных округах. Практически все СМИ считали, что именно консерваторы будут триумфаторами выборов.

Однако смешанная система вновь показала свою специфику. По итогам второго тура голосования в одномандатных округах сенсационную победу на выборах одержала партия, которую никто не воспринимал всерьез — Литовский союз крестьян и зелёных (ЛСКЗ). По итогам голосования по партийным спискам ЛСКЗ занял второе место, получив 22,45% голосов избирателей. При этом никто из аналитиков не верил в победу партии, которая по итогам предыдущих выборов в парламент получила только 1 место, и то в одномандатном округе.

Однако на этот раз всё сложилось по-другому. Уступив СО-ЛХД при голосовании по партийным спискам, ЛСКЗ взяла реванш в одномандатных округах. По итогам голосования по партийным спискам у консерваторов было 20 мест, у «экологов» — 19. Но мажоритарная система оказалась «помощницей» ЛСКЗ. Консерваторы получили 11 мест в одномандатных округах, а ЛСКЗ — 35, причём все во втором туре. В результате «победитель» первого тура СО-ЛХД получил 31 мандат, а ЛСКЗ — 54 и будет формировать правительство с другими партиями [<http://www.vrk.lt/2016-seimo/rezultatai>].

В данном случае специфика заключается в том, что победу одержала оппозиционная партия. Понятно, что в такой ситуации совершенно исключаются разговоры об использовании административного ресурса. Также исключён и вариант применения финансового ресурса, поскольку денежные средства партии, в отличие от некоторых её соперников, были крайне ограничены. Тем более речь не могла идти о том, что ЛСКЗ фальсифицировал выборы. Именно поэтому политологи сосредоточились на том, что победа ЛСКЗ была обусловлена внутренними проблемами страны: разочарованием в правящей элите, высоким уровнем коррупции, массовой эмиграцией населения, падением уровня жизни.

Если говорить о том, как бы распределились места при условии использования в Литве пропорциональной избирательной системы, то следует сказать, что и в этом случае, результаты были бы примерно такими же, за одним исключением. При пропорциональной системе СО-ЛХД и ЛСКЗ получили бы по 30 мест в парламенте, но за счёт одномандатных округов «экологи» получили мест почти в два раза больше.

Тем не менее результаты применения смешанной избирательной системы в Литве являются наиболее справедливыми с точки зрения учёта реального выбора избирателя по сравнению с описанными выше странами.

Подводя итоги рассмотрения особенностей применения уравновешенной смешанной избирательной системы в странах, находящихся на постсоветском пространстве, следует отметить особые отличительные черты.

- 1) Ключевым компонентом при определении результатов выборов является мажоритарная составляющая. За счёт победы в большинстве одномандатных округов партия может стать победительницей выборов, даже если она не заняла первое место при голосовании по партийным спискам (Литва, Украина). В случае если партия заняла первое место при

голосовании по партийным спискам, то её успех в округах может просто «раздавить» конкурентов (Грузия, Россия).

- 2) Основная масса споров по поводу результатов выборов связана с выборами именно в одномандатных округах. По поводу результатов голосования по партийным спискам споры являются достаточно редким явлением. (Исключением, пожалуй, является только Россия.)
- 3) При данной системе существенное значение имеет возможность власти или частных лиц применять административный или финансовый ресурс, особенно в одномандатных округах. Это может принципиально изменить итоговые результаты выборов.
- 4) Возможности попадания в парламент независимых кандидатов при использовании данной системы в реальности являются крайне ограниченными. Более того, будучи избранными, эти кандидаты практически всегда присоединяются к господствующим в парламенте фракциям, что совершенно обесценивает сам факт их «независимости». (Следует отметить, что и в других странах, использующих подобные системы, наблюдается схожая ситуация. В ФРГ подобная система существует с 1949 года. Она также допускает выдвижение независимых кандидатов. Но с момента её возникновения ни один из них не был избран.)
- 5) При использовании подобной избирательной системы очень серьёзные проблемы возникают у небольших партий. Им остаётся надеяться только на пропорциональную составляющую, поскольку реальность их победы в округах является минимальной.
- 6) При данной системе вполне возможна ситуация «сверхпредставительства» одной партии, что выхолащивает саму идею конкурентных выборов и парламентской дискуссии.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что в описанных нами странах результаты применения данной системы во многом отличаются от тех, которые имеют место в Западной Европе или других регионах мира. Во многом это связано с типом политического режима в рассмотренных нами странах, особенностями их политической культуры и характеристиками политического поведения населения. Можно сказать, что на сегодняшний день уравновешенная смешанная избирательная система, которая успешно действует во многих странах мира, далеко не способствует демократизации некоторых стран постсоветского пространства, давая чрезмерные преимущества правящим политическим элитам. Возможно, ближайшее будущее покажет, насколько данная система является оптимальной для обеспечения полноценных и справедливых выборов в этих странах.

Литература

1. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник: В 4 т. Т.1-2. / Отв. ред. Б.А.Страшун. М., 1996.
2. Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. М.: ВолтерсКлувер, 2006.
3. Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: История, современное состояние, перспективы. М., 2005.
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов. М., 2005.

Информация об авторах:

Желтов Виктор Васильевич — доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, vjeltov@kemsu.ru, victorzhelтов@mail.ru.

Желтов Максим Викторович — доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ, makszelto72@mail.ru.

Бирюков С. В.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: НЕОБХОДИМА ЛИ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ?

Аннотация: В статье рассказывается об исторически сложившейся специфике региональной системы России и ее современном состоянии. Автор анализирует достижения и результаты региональной политики современной России, оценивает перспективы региональной стратегии. В статье обосновывается необходимость перехода к управляемой экономической децентрализации на базе межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия.

Abstract: The article describes the historical specificity of the regional system of Russia and its modern state. The author analyzes the achievements and results of the regional policy of modern Russia and appreciates the prospects of the regional strategy. The article substantiates the necessity of transition to managed economic decentralization on the basis of interregional associations of economic cooperation.

Ключевые слова: региональная система, региональная политика, региональная стратегия, региональное развитие, децентрализация, межрегиональные ассоциации.

Keywords: regional system, regional policy, regional strategy, regional development, decentralization, interregional associations.

Региональная политика — важная составная часть современной общегосударственной политики. Сегодня любое направление и область политики современного государства должны иметь региональное «наполнение» и содержать в себе региональный компонент. Многое в этой связи определяется характером и особенностями общей стратегии государственного строительства, составной частью которой выступает концепция региональной политики. В этой связи весьма важным представляется определиться с содержанием этого понятия. Согласно действующей официальной концепции, в Российской Федерации под региональной политикой понимается *система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации* [1, с. 95].

В то же время слишком узким представляется понимание содержания региональной политики рабочей группой по региональной политике при Президентском совете только как *«государственных мероприятий по перераспределению ресурсов между регионами страны ради заданных целей»* [2, с. 19]. Однако такой подход исключает из региональной политики всякую долгосрочную стратегию, что неизбежно обедняет её содержание.

В свою очередь, различные эксперты по-разному подходят к вопросу о целях и функциях региональной политики государства.

Как полагает Р. Ф. Туровский, в рамках региональной политики регламентируются взаимосвязи между центром и регионами, определяются права и полномочия административных единиц; складывается своя практика влияния центра на регионы и, наоборот, регионов на центр, определяются правовые рамки их взаимоотношений [3, с. 139].

С точки зрения Г. В. Марченко, смысл региональной политики любого государства состоит *«в сохранении необходимой целостности и управляемости на всей его*

территории как методами подавления, подчинения, так и посредством согласования интересов образующих его регионов с интересами центра» [4, с. 165].

Как полагает А. В. Пикулькин, **основными целями региональной политики** служат укрепление единства и целостности государства; преодоление существенных различий между регионами по факторам развития, уровню жизни, пресечение регионального сепаратизма, максимальное использование потенциала межрегионального обмена, создание предпосылок для саморазвития регионов, функционирования без дотаций [5, с. 98–99].

Понятие «региональная политика» непосредственно соотносится с таким понятием, как «региональная система государства». По общему определению региональная система — совокупность исторически сложившихся взаимоотношений между регионами и общегосударственным центром определённой страны, что приводит к складыванию определённой иерархии во взаимоотношениях между ними.

Особенностями региональной системы России, на наш взгляд, являются:

- 1) Нестабильный и несбалансированный характер на протяжении значительной части российской истории;
- 2) Формирование этой системы преимущественно из Центра с ориентацией на задачи развития, определённые Центром (мобилизация, ускоренное развитие и преодоление отсталости, решение задач обороны);
- 3) Слабость системы обратных связей между Центром и регионами (последние не успевали выстроиться и устояться);
- 4) Слабость начал самоорганизации и саморазвития на уровне регионов;
- 5) Сравнительно высокая ригидность и низкая адаптивность системы, её затруднённая приспособляемость к задачам эволюционного развития;
- 6) Сравнительно ограниченная способность системы к выражению регионального разнообразия, а также к выражению и согласованию интересов различных регионов;
- 7) Периодические кризисы, связанные с ограниченной способностью системы реагировать на вызовы, связанные с возрастанием сложности системы.

По признанию многих экспертов, дальнейшая модернизация России и различных сфер её жизни невозможна без модернизации её региональной системы. Вопрос в данном случае заключается в определении общей стратегии и возможных путей подобной модернизации. Общеизвестно, что любая система способна развиваться, преодолевая (разрешая) возникающие актуальные противоречия — во внутренней структуре, в соответствии выполняемых функций потребностям развития системы как целого, в отношениях с внешним окружением. Успешное разрешение системой актуальных противоречий означает движение вперёд, а неудача в их разрешении — погружение всей системы в состояние глубокого кризиса.

В случае с региональной системой России актуальными противоречиями, неспособность полноценно разрешить которые регулярно приводила к кризисам, являются:

- 1) Противоречие между исторически сложившимся высокоцентрализованным характером Российского государства и региональным разнообразием, которое периодически заявляло о себе в виде политических требований;
- 2) Между территориальным и национально-территориальными принципами государственного строительства;
- 3) Между объективной потребностью российского общества и страны в модернизации и инерционным характером системы государственного и регионального управления;
- 4) Между основными уровнями власти и управления — общегосударственным, региональным и местным;
- 5) Между формально-правовыми нормами и широко распространёнными неформальными (клиентарно-патерналистскими) практиками в системе государственного управления.

Основные исторические факторы и обстоятельства, предопределяющие подобные характеристики региональной системы России, достаточно хорошо известны:

— традиционно централизованный (имперско-монархический) по своим основным параметрам характер государственности, которая характеризовалась высокими мобилизационными возможностями, и одновременно — сравнительно ограниченным опытом эволюционного развития;

— соединение национального и территориального принципов в структуре государства;

— наличие в истории нескольких попыток незавершённой («верхушечной», «усечённой») модернизации, принёсшей неоднозначные результаты и усилившей внутренние противоречия и неравновесность системы;

— опасение угрозы регионального сепаратизма и её периодическая актуализация;

— столкновение с внешним противником (либо подготовка к последнему).

В свою очередь, современное состояние российской региональной системы (системы управления регионами) может быть охарактеризовано как переходное и относительно устойчивое. Для её описания часто используется термин «унитарный федерализм», изначально содержащий в себе определённое смысловое противоречие. Российской региональной системе не имеет смысла возвращаться к состоянию «парада суверенитетов» 1990-х годов, когда центральная власть была сильно ослаблена и была неспособна проводить последовательный политический курс и социально-экономическую политику и диктовать общие «правила игры».

Современная Россия очевидно нуждается в качественно новой региональной политике и стратегии. Её целью должно стать обеспечение реализации фундаментального принципа «единства в разнообразии» — то есть единство страны с одновременным учётом интересов составляющих её регионов. Для этого необходимо обеспечить условия для качественного и динамичного развития регионов в рамках единого политического и социально-экономического пространства страны. России с учётом существующих в ней масштабных межрегиональных диспропорций подобная политика просто необходима. Вопрос в объекте, механизмах реализации и общей стратегической цели такой политики.

На сегодняшний же день большинство регионов современной России несамодостаточны, а существующая «сетка» АТД очевидно не отвечает потребностям развития страны. Межрегиональные горизонтальные связи сегодня недостаточно сильны для динамичного развития как отдельных территорий, так и страны в целом. Механизм обратных связей между Центром и регионами не работает должным образом. Федеральное правительство сохраняет (консервирует) перераспределительную систему в отношении между Центром и регионами, стремясь не создать условия для экономического роста, а обеспечить наполнение федерального бюджета за счёт внутренних источников в ситуации закрытия внешних источников кредитования. Транспортная, энергетическая инфраструктуры не работают должным образом на единство страны. Говорить о полномасштабном кризисе региональной системы России, таким образом, на сегодняшний день пока нельзя — равно как и нельзя в полной мере быть довольным её общим состоянием. Она сохраняет известное равновесие, но не имеет качественной динамики роста. Как результат — при внешней стабильности напряжение в системе постепенно возрастает и возникает риск её разбалансировки.

И снова перед властями страны и экспертным сообществом встаёт вопрос: каким образом можно повысить эффективность системы управления регионами? Путём усиления административной централизации (с дальнейшей централизацией экономических ресурсов) либо противоположным путём — посредством управляемой децентрализации, которая также может иметь различные измерения (административное, политическое, экономическое).

Как представляется, сегодня нет необходимости и возможности возвращения к системе жёсткого централизованного управления советского образца с лишением регионов всякой административной и экономической самостоятельности. Единая вертикаль общегосударственной власти, воссозданная в 2000-е годы и сохранившая и укрепившая политико-правовое единство страны, нуждается сегодня в дополнении новой региональной экономической политикой, поскольку механизмы экономического роста (и связанная с ними система перераспределения доходов между Центром и регионами) в основном исчерпали свои возможности.

В зависимости от избранной стратегии управления исследователи выделяют три основных типа региональной политики с присущим каждой из них набором технологий: **техницистский, технократический и регионалистский**. Техницистский тип предполагает, что отраслевые органы управления, руководствуются исключительно технико-производственной информацией при принятии решений. Технократическая модель, в свою очередь, предполагает, что сначала отраслевые органы на основе своей технико-производственной информации создают основу для решений, а затем к ним подстраиваются территориальные органы с их социально-культурными запросами. Технократический тип региональной политики, в частности, получил своё выражение в рамках концепции «полюсов роста», авторами которой являлись французские экономисты Ф. Перру, М. Козье и А. Сови. Её авторы полагали, что развитие «не осуществляется равномерно в пространстве и во времени: его импульсы возникают в определённых полюсах роста и затем распространяются по различным каналам от центра к периферии» [6, с. 36]. Этими «полюсами роста» — центрами экономических, научно-технических и социокультурных новаций должны были выступать крупные города.

При этом осуществление по-настоящему эффективной и сбалансированной территориальной политики возможно лишь в рамках регионалистского типа региональной политики, ибо, как указал представитель школы политических исследований А. Марка в Ницце Ф. Кински, централизм «не принёс ни большего равенства, ни большей эффективности: напротив, он содержит в себе изначально репрессивные и антигуманные начала. Централизм опирается на презрение к человеку и недоверие к нему, провоцируя коррупцию и беспорядок» [7, с. 15]. Регионалистский тип региональной политики исходит из того, что «основной целью территориального управления является сочетание территориальных и народнохозяйственных интересов» [8, с. 1]. При ней территориальные органы задают параметры социально-культурного развития региона, а отраслевые органы решают, как им вписаться в них. Именно при таком соотношении может быть преодолена технократическая практика и обеспечены социальные приоритеты развития. Очевидно, что регионалистский тип региональной политики для своей реализации требует резкого расширения прав территорий, новых отношений между регионами и Центром. Она предполагает, что каждый регион с учётом запросов населения, особенностей среды, традиций, ресурсных возможностей, формирует на основе отношений с центром и отраслями комплексный план регионального развития [9, с. 133–134].

Сегодня в противовес подходам в духе «административного централизма» всё чаще высказываются экспертные мнения о необходимости децентрализации в России. Между тем вопрос является настолько сложным и «многослойным», что требует многих дополнительных уточнений. И новая философия антикризисного управления, востребованная в современной ситуации, должна дать ответ на насущные вопросы, вытекающие из современной ситуации.

В своё время Алексис де Токвиль говорил о проблеме централизации — о процессе, который сыграл столь неоднозначную роль в истории его собственной страны — Франции. Всячески подчёркивая необходимость централизации правовой, которая укрепляет единство страны и нации, он одновременно заявлял о нежелательности централизации

административной, которая грозила ослаблением не только провинциальной автономии, но и институтов гражданского общества. Однако как можно применить эту логику к пониманию столь же неоднозначных процессов децентрализации? Ибо в России, как и во Франции, этот вопрос присутствует в повестке дня на протяжении значительной части её истории.

По мнению Г. В. Марченко, в истории России последовательно реализовывались несколько основных концепций политико-административного устройства, отразившиеся на специфике административно-территориального деления:

— **регионально-автономная**, существовавшая на первых этапах создания моноэтнической российской государственности (с начала XII в. вплоть до начала XVI в.) в виде небольших самостоятельных русских княжеств и республик, объединённых затем Москвой. Начало удельной системе, как полагают, положил Ярослав Мудрый, раздавший землю сыновьям с дроблением страны на уделы: Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское и др. княжества. Каждое из княжеств по существу являлось самостоятельной самоуправляющейся территорией со специфическим укладом государственного управления.

В **дроблении Древней Руси на уделы** проявлялось желание правителей сделать государственно-территориальное устройство похожим на западноевропейское. Однако подобная западноевропейской феодальная система формировалась в то время, когда западные правители уже пытались интегрировать экономику как внутри своих стран, так и на межгосударственном уровне. Подобное «буферное» положение страны сохранялось в течение двух столетий. Период татаро-монгольского господства, отодвинув Россию от Европы, косвенно предопределил образование централизованного Российского государства, вхождение земель (княжеств) в Московское княжество как отдельных административно-территориальных единиц. В рамках этого объединения появилось государство, в котором завершилось формирование русского этноса.

— **державная**, реализованная как форма существования **многонационального государства при доминировании русской нации** с XVI по XX вв. Державный принцип административно-территориального деления часто отождествляется с имперской формой правления. Державный характер российское государство приобретало постепенно с включением в его состав инонациональных регионов и целых государств, имевших различную степень самостоятельности. Процесс этот начался ещё в XVI в. с поглощения Казанского и Астраханского ханств. Имперская же власть как форма державности существовала с 1721 г., когда Пётр I провозгласил себя первым императором. Она существовала в России, по различным мнениям, вплоть до реформ Александра II, либо до 1905 г. Советский Союз, достигший почти предельной унификации прав своих политико-административных частей, также может рассматриваться как специфическая разновидность державы и империи. Имперская структура, предполагавшая централизацию властных полномочий и политико-правовую унификацию в масштабах всей страны, традиционно рассматривалась как инструмент реализации крупномасштабных внутривнутриполитических и хозяйственных задач государства (модернизация, мобилизация ресурсов, укрепление международных позиций страны), но при этом требовала колоссальных издержек от населения страны;

— **экономико-технократическая**, реализованная на принципах **экономического районирования**. Впервые она была реализована на практике Временным правительством, которое после Февральской революции приступило к изменению административно-территориального устройства страны. Петросовет внёс предложение образовать в составе России 13 крупных областей. В основу выделения областей были положены следующие принципы: экономическая специфика территории, национальный состав населения, разграничения функций органов власти Советов. Эта идея была свёрнута в период гражданской войны и «военного коммунизма» и возвращалась к жизни в 1922–1930 гг. Так, в марте 1921 г. были утверждены Основные положения образования и установления границ

административно-хозяйственных районов, в которых был предусмотрен учёт следующих факторов при обособлении административно-территориальных единиц: численность населения, национальный состав, размещение промышленности, тяготение населения к промышленно-распределительным пунктам, направление и характер путей сообщения, роль индустриальных центров в освоении территории. В порядке эксперимента первоначально были созданы крупная Уральская область (1923) и два края — Юго-Восточный и Северо-Кавказский (1924). Специально для территории РСФСР 14 января 1929 г. было принято Постановление ВЦИК «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения». Этим постановлением упразднялось прежнее губернское деление территории, а вместо них были созданы области и края. Области разделялись непосредственно на низовые административные районы, а края помимо районного состава включали в себя автономные образования — автономные области и национальные округа. В период коллективизации сельского хозяйства округа были упразднены, а большие области и края разукрупнены с целью максимального приближения партийно-советского и хозяйственно-кооперативного аппарата к низовому району.

Экономико-технократическая модель проявила себя при создании **совнархозов** в 1957–1965 гг. Управление промышленности в это время стало осуществляться по территориальному принципу — были сформированы экономические административные районы (совнархозы). Первоначально в состав совнархозов включалось по несколько областей (краёв, АССР), общее число совнархозов составляло 47. Затем произошло разукрупнение совнархозов, их число было доведено до 105 (в целом по СССР), границы совнархозов и единицы административно-территориального деления во многих случаях совпадали. Что касается положительных эффектов, то в этот период управление было действительно приближено к производству, возросла комплексность хозяйства, уменьшилась дальность перевозок. Вместе с тем налицо были и недостатки: замедлились темпы научно-технического прогресса, ослабла специализация хозяйства регионов. Кроме того, для более полного воплощения экономико-технократического принципа в советский период не хватало как минимум двух важнейших условий: действительной экономической целесообразности создаваемых регионов, добровольности и местного политического руководства такими регионами. Ибо административно-экономические области и края 1920-х гг. и совнархозы 1950-х – 60-х гг. никогда не участвовали в процессе государственного строительства, выступая в качестве субъектов федерации.

В 90-е гг. прошлого века она вновь ожила в идее **региональных ассоциаций экономического взаимодействия**. Юридической основой образования ассоциаций экономического взаимодействия регионов России в рамках этих ассоциаций явился Указ Президента России от 11 ноября 1991 г. № 194 «Об обеспечении условий по повышению роли и взаимодействия республик в составе РСФСР, автономных образований, краёв и областей в осуществлении радикальной экономической реформы». Данным Указом Президент обязал правительство Российской Федерации поддержать инициативу территорий и создать условия, необходимые для формирования и развития региональных ассоциаций экономического взаимодействия с целью отработки новых методов управления народным хозяйством в условиях децентрализованной экономики и рыночных отношений, выработки процедуры принятия совместных решений по вопросам развития национально-государственных, национально-территориальных и административно-территориальных образований и методам социальной защиты населения при переходе к рынку.

В целом же **экономико-технократический принцип политико-административного устройства России** даже в условиях имперского правления дважды, по мнению Г. В. Марченко, показывал свои преимущества. Периоды доминирования этого принципа совпали с периодами наивысшего экономического подъёма и демократизации общества (НЭП и хрущёвская «оттепель»). Однако реализация его периодически была затруднена из-за

вынужденного мобилизационного характера развития Российского государства, а также из-за слабости экономической интеграции между российскими регионами, способными в перспективе образовать земли;

— **административно-партийная**, положенная в основу унитаризации России и Советского Союза в период социализма с 30-х гг. Административно-партийный принцип заключался в унификации структуры и функций управления всеми регионами, образованными, несмотря на различие в названиях (области, края, республики), по принципу «партийных округов». Недаром ведь и в автономных республиках были свои «обкомы» КПСС. При многопартийной системе вопрос о такой политико-территориальной структуре федерации автоматически снимается;

— **национально-территориальная**, основанная на принципе самоопределения всех наций. У нерусских наций она присутствовала с XIX в. в идеях национальной интеллигенции, формально была провозглашена при советской власти, её элементы законодательно закреплены в новой Конституции РФ. С первых лет Советской власти проблема государственно-территориального устройства была поставлена во главу партийных и правительственных решений. Первоочередной задачей было при этом определение статуса национальных республик, образовавших Советский Союз. При этом по вопросу о модели такого объединения в рядах партии большевиков не было единства: И. В. Сталин считал, что республики должны войти в состав России на правах автономий, а В. И. Ленин настаивал на предоставлении республикам самых широких прав, вплоть до отделения, т. е. свободного выхода из состава Союза. Ленинские идеи в итоге взяли верх. В период до 1940 г. в составе СССР было образовано 16 союзных республик. В 1956 г. Карело-Финская ССР была преобразована в Карело-Финскую Автономную Советскую республику, остальные 15 республик составляли СССР вплоть до его распада в 1991 г. Республики были весьма неравнозначны как по территории и численности населения, так и по экономическому потенциалу, но конституционные права были одинаковы для всех республик. Однако данная конструкция оказалась на перспективу более чем хрупкой. Используя право на самоопределение наций вплоть до отделения, политические элиты союзных республик в начале 1990-х гг. демонтировали СССР;

— **земельно-государственная**, существовавшая до сих пор в виде идеи, сформулированной впервые декабристами под влиянием Великой Французской революции и реального опыта Соединённых Штатов Америки, а затем обновлённая М. Гефтером, А. Сахаровым и О. Румянцевым в предложенных ими проектах конституций СССР и России. Земельно-государственный принцип переустройства России впервые был предложен декабристами — П. И. Пестелем в «Русской Правде» (на принципах централизма) и Н. М. Муравьёвым в проекте Конституции (на принципах федерализма). Авторы предлагали четырехступенчатое (у Пестеля: область — округ — уезд — волость) либо трёхступенчатое (у Муравьёва: округ — уезд — волость) деление России без выделения национально-территориальных образований. В границах современной России по обоим проектам размещалось от шести до девяти областей или «держав», включая особую Донскую область и столичный округ (Нижний Новгород), что полностью соответствовало принципам оптимального управления в иерархической системе [10, с. 57].

Доминирование какого-либо из указанных принципов зависело от преобладающей в обществе идейно-нравственной концепции, наличия определённой геополитической и внутривнутриполитической ситуации и социально-экономических предпосылок, а также соответствующего менталитета правящей элиты и механизма государственной власти.

Нужно вспомнить, от чего Россия ушла в 1990-е и к чему пришла в 2000-е годы. Ведь именно на рубеже 1980–90-х имел место парад региональных суверенитетов с одновременным повышением статуса субъектов РФ, в рамках которого региональные элиты, сформировавшиеся ещё в рамках советской системы управления, играли в «царя горы» —

перераспределяя в свою пользу власть и неразрывно связанную с ней собственность на местах, выстраивая при этом клиентарные сети влияния, действуя при этом в ущерб интересам граждан, препятствуя развитию местного самоуправления и территориальных сегментов гражданского общества. Окончательно данная система сложилась после 1996–1997 гг., когда практически во всех российских регионах были проведены прямые выборы губернаторов (в национальных республиках, выборы глав которых были узаконены еще в 1991 г., упомянутая модель сложилась ещё раньше). Торжество «губернаторской России» неизбежно означало торжество «вотчинного права» и умаление подлинного смысла многих формально демократических практик. Не менее важно, что структура государства, опирающегося на подобную модель «порядка на местах», оказалась весьма слабой и рыхлой. И быть иной, по большому счёту, не могла.

Демонтировать подобную модель можно было двумя основными способами — действуя «сверху» либо «снизу» (или же применяя довольно редко встречающийся в практике государственного управления «гибридный» вариант). В условиях огромной и разнородной страны, в ситуации вызванного глубоким кризисом хаотического состояния местных институтов выбор вполне предсказуемо был сделан в пользу укрепления (фактически — воссоздания) единой властной вертикали. «Вотчинная автономия» региональных патронов была существенно ограничена, они лишились «права вето» на уровне общегосударственной политики и не могли больше единолично направлять политический процесс в регионах. В 2000-е годы, когда сложилась модель «централизованного федерализма», единство страны обеспечивалось за счёт восстановленных вертикалей — политической (собственно властная вертикаль), административной (бюрократическая вертикаль), экономической (правительственный контроль за финансовыми потоками, налогами и др.) партийной («Единая Россия»), силовой (силовые структуры), корпоративной (бизнес-сети, выстраиваемые российскими ФПГ, распространившими своё влияние на регионы, в которых у них имеются активы). Именно перечисленные вертикальные сети консолидировали страну, осуществляя контроль за ключевыми ресурсами и их распределением в соответствующих пространствах — политическом, правовом, экономическом, социальном, культурно-информационном.

В этой ситуации региональные элиты уже не обустроивали институты на местах — но просто встраивались в соответствующие вертикальные сети, завязанные на федеральный Центр, ведя весьма комфортное существование. Население, повысив свои доходы за счёт перераспределённой в его пользу части сырьевой ренты, было лояльным и сравнительно пассивным — «бурления» институтов гражданского общества, ослабленного кризисными явлениями предшествующего десятилетия, на местах не происходило. Однако подобный консенсус и основанная на нём модель социального равновесия не могли продолжаться слишком долго — ибо чрезмерно зависели от экономической конъюнктуры в рамках не слишком совершенной общей экономической модели.

Экономический кризис 2008–2009 годов впервые наглядно показал, что система, где Центр отвечает за всё, всех опекает и распределяет основные ресурсы и блага, несёт в себе ряд издержек — в том числе уменьшая ответственность региональных элит и не подключая должным образом население регионов к решению накопившихся проблем.

Современная ситуация, когда Центр в условиях рецессии уменьшает объёмы перераспределяемых средств, а регионы не готовы или неспособны консолидировать собственные ресурсы для решения проблем, создаёт осязаемое напряжение в социальной системе. И главная проблема, на взгляд автора, связана с тем, что правительство Российской Федерации, побуждая региональных акторов заняться «ловлей рыбы», не предоставило им «удочку» и не проинструктировало, как надлежит ей пользоваться в изменившихся условиях. Возникает своеобразный «вакуум правил игры», который необходимо чем-то заполнить,

найдя новые «точки опоры» и «точки роста» на местах — которые едва ли могут быть обнаружены и использованы в случае сохранения инерционного подхода к управлению.

Одним из способов решения проблемы является децентрализация. Но остаётся вопросом — какая именно децентрализация полезна и необходима и кто должен быть её субъектом?

Простое перераспределение полномочий в пользу региональных элит (та самая административная децентрализация) в условиях сокращения ресурсной базы очевидно не принесёт ожидаемого позитивного эффекта. К тому же может ослабить единство страны — опыт 1990-х забывать всё же нельзя.

Выход, по глубокому убеждению автора, заключается в проведении разумной экономической децентрализации при сохранении рычагов политического и правового контроля в руках Центра — но не для консервации ситуации, а для более гибкого и эффективного решения социально-экономических проблем на местах. Именно такой подход позволит избежать односторонней политизации вопросов управления и не вызвать к жизни новую ситуацию «торга» региональных элит за дополнительные полномочия, поскольку укреплять клиентарные сети, замкнутые на глав регионов — означает осложнить жизнь регионального бизнеса (прежде всего среднего и малого), общественных объединений и других подразделений гражданского общества, которые призваны стать партнёрами центральной власти в современной ситуации.

Поэтому необходимо сделать ставку не только на институты региональной власти, но на более широкий круг возможных субъектов децентрализации — население регионов, органы местного самоуправления и сегменты гражданского общества. Укреплять горизонтальные структуры и связи межрегионального характера, которые призваны дополнить существующие (и объединяющие страну) вертикальные структуры. И в том числе — вспомнить о формально существующих до сего дня межрегиональных ассоциациях экономического взаимодействия, которые в условиях глубочайшего экономического кризиса 1990-х годов смогли сохранить кооперационные связи, которые не дали обвалиться экономике и не привели к социальному хаосу в регионах. В начале 2000-х годов межрегиональные ассоциации, интегрированные со структурами учреждённых в 2000-м году федеральных округов, подошли вплотную к разработке долгосрочных программ развития, скоординированных с начинаниями федерального Центра. Как представляется, настало время вспомнить об этом позитивном опыте.

Наконец, нужно пересмотреть надуманное противоречие между централизацией и экономическим ростом. Чрезмерная централизация ведёт к перегрузкам, парализующим процесс управления, и, в конечном счёте, к разрушению самой системы. В силу этого централизация основных, важнейших функций должна сочетаться с децентрализацией более конкретных, второстепенных. Именно поэтому и возникает иерархия управляющих центров, ответственных за решение вполне определённого набора задач. С учётом современных вызовов система власти должна быть построена таким образом, чтобы не подавлять многообразие существующих в обществе интересов, взглядов и позиций. Поэтому реальное объединение страны предполагает не только администрирование, но и использование механизмов самоорганизации, оптимальной формой которой считаются сетевые структуры — которые в рамках современной модели не учитываются.

Кроме того, необходимо отдавать себе отчёт в том, что предлагаемая логика реформирования лишь усилит структурную неравновесность политической системы, и в том числе в региональном аспекте. Укрепление административной вертикали при минимизации политического компонента сосредоточивает потенциал данной формы общественного регулирования исключительно в высших слоях общества. Политика всё более приобретет виртуальный характер, ужимается до узкогрупповых контактов внутри правящего слоя, а публичность политического дискурса уступает место сугубо теневым технологиям

согласования интересов. Но когда на смену политически легитимирующим механизмам стабилизации власти приходят процедуры и технологии специфического корпоративистского толка, любая флуктуация внутри правящего класса способна «запустить» реверсионные процессы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Чрезмерная централизация административной системы в свою очередь может повлечь за собой сужение базы государственного управления как такового. Более того, деполитизированные (корпоративные) технологии трансформации власти способны выхолостить позитивный смысл самой административной реформы, сведя на нет всё её содержание.

К счастью, «третий путь» между жёсткой административной централизацией и «региональной вольницей» возможен. Этот путь был апробирован в деятельности межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, которые в ситуации разрыва многих прежних хозяйственных связей сумели наладить эффективное качественное взаимодействие и постепенно пришли к идее макрорегионального экономического развития (публично заявленной и не востребованной федеральным правительством в начале 2000-х годов). Понимание необходимости активизировать потенциал макрорегионов проявляет сегодня федеральное руководство.

Существующие границы федеральных округов РФ могут быть изменены. Об этом стало известно из документа с Основами государственной политики регионального развития, который утвердил президент Владимир Путин. Указ опубликован на портале правовой информации. Документ также вводит понятие макрорегионов — территорий, объединённых схожими социально-экономическими характеристиками. Как утверждается в «Основах», под эти макрорегионы могут быть изменены даже границы федеральных округов. В частности, речь идёт об «утверждении на период до 2025 года в целях социально-экономического развития макрорегионов (в границах федеральных округов, предусмотрев при необходимости возможность изменения границ федеральных округов) программ территориального развития» [11].

В современной ситуации обращение к опыту межрегиональных ассоциаций может содействовать эволюционной и управляемой трансформации региональной системы России в более устойчивую, сбалансированную и экономически эффективную, избегая крайностей «губернизации сверху» и регионального сепаратизма. Это позволит создать «подушку безопасности» в условиях кризиса и дать стимул развития территориям, не ставя под сомнение единство страны и не создавая «вакуум управления», поскольку Россия — слишком сложная и многообразная система, управление которой не допускает упрощённых подходов и решений.

Литература

1. Лившиц А. Я., Новиков А. В., Смирнягин Л. В. Региональная стратегия России: материалы к обсуждению. Рабочая группа при Президентском совете. Сентябрь – октябрь. М., 1993.
2. Туровский Р. Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований // Полис. 2001. № 1.
3. Марченко Г. В. Какую Россию мы обретаем? // Октябрь. 1995. № 3.
4. Пикулькин А. В. Система государственного управления. М., 2001.
5. Панарин А. С. Философия политики. М., 1996.
6. Макарычев А. С. Регионализм и федерализм: исследования в Ницце // Полис. 1993. №5.
7. Сосин Ю. Как управлять Кузбассом? // Кузбасс. 1991. 5 апреля.
8. Ильин В. В., Панарин А. С. Философия политики. М., 1994.
9. Марченко Г. В. Какую Россию мы обретаем? // Октябрь. 1995. № 2.

10. Создание Агентства развития Сибири — несколько запоздалое решение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2227499.html>.

Информация об авторе:

Бирюков Сергей Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук КемГУ, birs.07@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ

Дабич А., Толвайшис Л.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СЕРБИИ

Аннотация: *Статья посвящена особенностям становления независимой судебной власти в Сербии после 2000 г. В основу статьи положен институциональный теоретический подход, в свете которого рассматриваются механизмы взаимодействия судебной власти с другими ветвями власти в Сербии, даётся оценка законодательным решениям и эффективности судебной власти. Степень институционализации независимости судебной власти определяется посредством оценки выполнения институтом судебной власти функции закрепления и воспроизводства общественных отношений, регулятивной функции, интегративной функции и функции социализации.*

Abstract: *The article is dedicated to the peculiarities of evolution of the independent judiciary in Serbia since 2000. The article is based on the institutional theoretical approach. It analyses mechanisms of interaction of the judiciary with other branches of power in Serbia, assesses legislative solutions and the efficiency of the judiciary. The degree of the institutionalisation of the independent judiciary is defined by assessing how the institution of the independent judiciary performs the function of consolidating and reproducing societal relations, the regulatory function, the integrative function and the function of socialisation.*

Ключевые слова: *судебная власть в Сербии, разделение властей, институционализация независимости судебной власти, исторический институционализм.*

Keywords: *judiciary in Serbia, separation of powers, institutionalisation of independence of the judiciary, historical institutionalism.*

Введение

Независимость судебной власти, являющаяся одной из основ правового государства, может проявляться в ряде форм. Институциональная независимость судебной власти возлагает на все институты политических ветвей власти (законодательной и исполнительной), а также на индивидов и общественные группы обязанность уважать независимость правосудия. Персональная независимость судей заключается в постоянстве судебной должности и ключевой роли судебной власти в законодательно определённом порядке назначения и увольнения судей [14, с. 160]. Независимость судей подразумевает также свободу принятия решений на основании собственного понимания и оценки фактов при применении права в самостоятельном истолковании, свободном от внешнего влияния, давления и поощрения. Данная свобода основывается на надёжных инструментах и критериях в соответствии с принципами логики и справедливости и исключает произвол в работе судей. В число важнейших составляющих независимости судебной власти входят также разумные сроки судопроизводства, основанного на справедливом и публичном судебном разбирательстве, беспристрастность и порядок естественного или случайного определения судей на рассмотрение конкретных дел [15, с. 19].

Под институционализацией независимости судебной власти в настоящей статье понимается закрепление отношений независимости между ветвями власти и превращение таких отношений в институт. Процесс институционализации независимой судебной власти

подразумевает формирование, развитие и принятие индивидами, общественными и профессиональными группами, различными акторами и целыми ветвями власти соответствующих норм, ролей, ценностей, образцов поведения и способов контроля [1, с. 6]. Институционализацию можно считать состоявшейся, когда установившаяся чёткая структура статусов и ролей принимается большинством участников процесса.

В истории Сербии независимость судебной власти была впервые гарантирована ещё Законником Стефана Душана (1349 г.) — первым сборником законов, установившим порядок судопроизводства. В статьях 173 и 174 Законник поручал судьям судить «по закону», а не «по страху [...] царского величества» [17]. Несмотря на ранние исторические прецеденты, процесс институционализации независимости судебной власти в Сербии в начале XXI века нельзя считать полностью завершённым.

Конституционные и законодательные основы независимости судебной власти в Сербии

Функция закрепления и воспроизводства общественных отношений осуществляется институтами посредством стандартизации и регуляции поведения их членов [12, с. 310]. Нормы, стандарты и правила поведения, установленные посредством институтов, закрепляются в правовых актах в целях обеспечения стабильности общества и создания возможностей для развития индивида.

Конституцией Сербии гарантируется независимость судебной власти, органов судебной власти и судей (ст. 3, 4, 32, 142, 149, 153, 166) [18]. Установленный Конституцией принцип разделения властей включает в себя независимость судебной власти. Статья 4 Конституции предусматривает, что отношения трёх ветвей власти основываются на принципах равновесия и взаимоконтроля. Таким положением допускается, что избрание судей не находится в полной компетенции судебной власти, однако соответствующие полномочия распределены между тремя ветвями власти [13, с. 9]. Данная формулировка, вступающая в кажущееся логическое противоречие с принципом независимости судебной власти, смягчается гарантией независимости судебной власти, закреплённой той же статьёй Конституции. Тем не менее Конституция не развивает тему защиты правосудия от влияния других ветвей власти.

Запрет влияния на судей при исполнении служебных обязанностей на практике означает свободу судьи составлять собственное мнение и материализовать его в решении согласно юридическим правилам относительно фактических обстоятельств, установленных в ходе судебного процесса. Таким образом, судебное решение как крайний итог действия судьи при установлении, оценке, истолковании фактов и правоприменении может быть предметом оценки и пересмотра только органа той же самой ветви власти — судебной.

Соответственно, статьёй 22 Закона о судьях [7] предусмотрена независимость судей, в свете которой судья свободен представлять своё понимание, устанавливая факты и применять право при принятии любого решения. Определяемая таким образом независимость подразумевает также обязанность судей поступать свободно от внешнего влияния, давления, поощрения в целях обеспечения беспристрастности при принятии решений.

Правового определения суда в качестве самостоятельного государственного института недостаточно для его независимого функционирования. Независимость судебной власти зависит также от условий прекращения судейских полномочий и сопряжённых с этим правовых гарантий. Правовое положение судей по Конституции 2006 г. в сравнении с предыдущей Конституцией 1990 г. ослаблено: из текста основного закона страны исключён принцип постоянства судейской должности. Делегированием порядка увольнения судей на уровень закона (ст. 148 Конституции) оставлено пространство для произвола законодательных органов и изменения этих условий в зависимости от текущего

политического момента, обусловленного сменой правительств и отдельных министров [15, с. 46]. Статьей 150 Конституции, устанавливающей принцип непререкаемости судей в другие суды без их согласия, тем не менее предусмотрена возможность перевода судьи в другой суд без его согласия в случае упразднения суда, причём гарантии равнозначности по рангу этого суда Конституцией не даются.

Конституцией не предусмотрена также дисциплинарная ответственность судей как гарантия их независимости (этот вопрос разрабатывается Законом о судьях, ст. 89–98) [7]. Гарантией персональной независимости судей является также их материальное положение. Тем не менее гарантий по заработным платам в Конституции не содержится: этот вопрос также делегирован Закону о судьях (ст. 37–42) [7].

В Конституции отсутствует положение о роли высшей судебной инстанции (в качестве таковой пунктом 4 статьи 143 обозначен Верховный кассационный суд). Функция обеспечения этой инстанцией единого применения права и унификации судебной практики не упоминается среди конституционных категорий [15, с. 43]. Предпосылки для политического влияния на высшую судебную инстанцию — Верховный кассационный суд — созданы повышенным вниманием Конституции к порядку избрания, продолжительности каденции и увольнения председателя и судей Верховного кассационного суда. В частности, установлен порядок избрания председателя Верховного кассационного суда Народной скупщиной (парламентом) (ст. 144 Конституции).

Запрет оказания давления на правосудие в Сербии закреплён на наивысшем правовом уровне — в Конституции, Законе об устройстве судов (ст. 6) [8] и Законе о судьях (ст. 3) [7]. Тем не менее в виду закреплённых в Конституции рычагов влияния парламента на судебную власть, налицо потребность в укреплении конституционных гарантий независимости правосудия.

Регулятивная функция

Регулятивная функция института подразумевает установление образцов поведения (идеалов) общественного значения, норм и общественного контроля в целях регулирования отношений между акторами [12, с. 310]. Данная функция управления и контроля осуществляется посредством системы норм и положений, регулирующих поведение (законы, административные предписания, моральные и правовые нормы, обычаи и т. п.).

Предпосылками независимости органов правосудия являются их отделение от исполнительной власти и самостоятельность при принятии решений. Независимость судебной власти достигается путём предупреждения влияния политических указаний, исходящих от исполнительной власти. Механизмы защиты независимости включают в себя порядок выбора на судебские должности, постоянство этих должностей и работы судей, а также контроль общественности за предупреждением давления на судей [19, с. 94], [15, с. 151]. Эти механизмы имеют ключевое значение на пути построения правового государства и предупреждения политизации судебной власти.

Практика реализации регулятивной функции института независимой судебной власти в Сербии (в частности, порядок выбора судей) свидетельствует о замедленном протекании процесса перехода к принципу разделения властей. Налицо преемственность традиции единства власти — принципа, унаследованного из предыдущего исторического периода, т. е. коммунистической системы. Выраженную зависимость от ранее избранной траектории исторического развития можно объяснить в свете теории исторического институционализма, отслеживающей пути сохранения черт более ранних институциональных систем в новых исторических условиях [20], [21], [22]. Зависимость от ранее избранной траектории исторического развития налицо и в порядке выбора председателей судов Скупщиной.

Деполитизировать судебную систему призван установленный Конституцией орган судебного самоуправления — Высший совет судейства (ВСС). ВСС играет роль

представителя судебной власти и призван сдерживать влияние других ветвей власти на устройство и работу судебной власти. Характер работы ВСС подразумевает максимальную независимость от исполнительной власти. Защита независимости судебной власти посредством ВСС заключается в возможности судей самим решать о статусе своих коллег [15, с. 170]. Гарантиями независимости ВСС являются пятилетняя каденция выборных членов и иммунитет, равнозначный судейскому.

Выборные члены ВСС, согласно Конституции, избираются Народной скупщиной. Помимо них в состав этого органа в качестве постоянных членов по должности входят министр юстиции и председатель парламентского комитета по делам правосудия, являющиеся политиками. Их наличие в составе органов судебного самоуправления представляет собой потенциальный рычаг влияния исполнительной и законодательной власти на суды. Избрание председателей судов Скупщиной не является наиболее благоприятным вариантом для независимости их работы. Налицо преемственность с более ранним историческим периодом: по Конституции 1990 г. председатели судов назначались Скупщиной и имели фактическую возможность влиять на карьеры и материальное положение судей. Политический интерес в процессе избрания председателей судов нельзя исключать, а следовательно, укреплению независимости правосудия может поспособствовать введение в будущем порядка избрания председателей судов Высшим советом судей.

В отношении судей, избираемых на судейскую должность впервые, ВСС наделён только правом предложения кандидатур Народной скупщине, в то время как последняя обладает полнотой права выбора судей (ст. 99, абз. 2, п. 3, ст. 105, абз. 1, п. 12–13 и ст. 147 абз. 1 Конституции). Полномочия по выбору судей, таким образом, распределены между законодательной и судебной властью [13, с. 9–10].

Вызовы для независимости ВСС возникли с самого начала работы этого органа. ВСС во временном составе было поручено фундаментальное задание полного переизбрания судейского корпуса Сербии. Такое решение было принято несмотря на то, что действующий судейский корпус был избран, согласно Конституции 1990 г., на постоянные должности [11, с. 286]. Кандидатуры членов-судей состава ВСС первого созыва были предложены организацией-предшественником — Высшим советом правосудия, а не судьями. Примечательно, что члены ВСС из числа судей получили гарантии дальнейшего распределения в суд более высокого ранга.

Случаи несоблюдения процессуальных принципов публичности, прозрачности применения критериев и обоснованности индивидуальных решений в ходе переизбрания судейского корпуса поставили под сомнение соответствие реформы правосудия духу правового государства. Спешка, с которой было проведено переизбрание судебного корпуса, не способствовала повышению качества правосудия в стране. Переизбрание судебного корпуса не сопровождалось подозрениями в скомпрометированности или коррумпированности его состава. ВСС как орган, избираемый преимущественно парламентом, с такой задачей не может справиться столь же эффективно, как независимые личности, пользующиеся доверием непосредственно общества [15, с. 84].

С шестидесятых годов XX века порядок смены судейского корпуса в Сербии опирался на одинаковые закономерности. С принятием новой конституции провозглашались новые суды и, соответственно, избирался новый судейский корпус, сохранявший верность избирающей их власти. Таким образом, конституции конца XX и начала XXI века сохранили преемственность по отношению к более раннему периоду, с той лишь разницей, что прежде смена судейского состава проходила в откровенно идеологизированном порядке [15, с. 114]. Такое институциональное развитие, сохраняющее зависимость от прежде установившейся траектории исторического пути, полностью укладывается в логику теории исторического институционализма [20], [21], [22].

Интегративная функция

Целями интегративной функции институтов являются сплачивание общества и объединение усилий различных акторов по укреплению системы институтов [12, с. 310]. Данная функция подразумевает взаимозависимость и общую ответственность акторов под влиянием норм, правил, санкций и ролей, а также совместимость целей отдельных акторов с целями общества как целого, т. е. с публичным интересом.

Интегративная функция института судебной власти заслуживает особого внимания не в последнюю очередь потому, что традиция влияния других ветвей власти на работу сербского правосудия имеет долгую историю. Ярче всего присвоение законодательной властью функций судебной власти проявилось в принятии особых законов с целью разрешения текущих тяжб в обычном или Конституционном суде. Так, особым Законом о провозглашении предварительных результатов выборов окончательными, принятым по итогам выборов в органы местного самоуправления 1996 г., положен конец судебным разбирательствам по обвинениям в краже голосов [6], [3, с. 68]. Законом о поправках и дополнениях к Закону о судьях 2010 г. полномочия Конституционного суда на рассмотрение жалоб и конституционных жалоб против решений ВСС переданы самому ВСС [5, ст. 1].

Реализация интегративной функции института независимой судебной власти в Сербии осложняется промедлением в преодолении препятствий политического характера. Хотя большинство членов ВСС (6 из 11) являются судьями, все 8 выборных членов (помимо 6 судей, в их число входят один адвокат и один профессор юридического факультета) избираются Скупщиной (ст. 153 Конституции). По должности членом ВСС является и председатель Верховного кассационного суда, избираемый также Скупщиной. Присутствие в составе ВСС политиков — министра юстиции и председателя парламентского комитета по делам правосудия — делает возможным влияние законодательной и исполнительной власти на правосудие. Избрание ВСС Скупщиной являет собой ограничение независимости судебной власти в сравнении с 2001–2005 годами, поскольку прежде выборные члены Высшего совета правосудия избирались Верховным судом [15, с. 43].

Более действенной гарантией защиты независимости правосудия явился бы порядок выбора членов ВСС судьями, которые бы, таким образом, наделяли их полномочиями «снизу» — делегируя им защиту принципа независимости правосудия, или, по крайней мере, предлагая Скупщине их кандидатуры. Тем не менее возможность выбора членов ВСС по предложению судей действующим законодательством не предусмотрена. Существующий порядок выбора членов ВСС Скупщиной не исключает последующего представительства судьями политических интересов.

Более того, в ВСС представлены судьи не всех уровней. Выборными членами ВСС по Конституции не могут являться председатели судов. Все вышеперечисленные институциональные решения не способствуют интегративной функции института судебной власти.

Материальная независимость судей, выраженная в достойной заработной плате (ст. 4 Закона о судьях), ограничена порядком начисления зарплат судей в соответствии с общим Законом о бюджете (ст. 37, п. 4) [7]. ВСС предлагает объём и структуру бюджетных средств на текущие расходы судов, предварительно запрашивая мнение Министерства юстиции. Порядок одобрения бюджета судов парламентом не исключает возможность политического давления на суды. Контроль над расходованием средств осуществляется ВСС, Министерством юстиции и Министерством финансов (ст. 84 Закона об устройстве судов) [8]. Материальную независимость судей возможно укрепить путём создания отдельного бюджета вне пределов досягаемости парламента [16, с. 160–169].

Постоянство судейской должности ограничивается наличием трёхлетнего испытательного срока, предусмотренного для судей, впервые вступающих в должность и вступающего в противоречие с принципом независимости судебной власти. Порядок

увольнения судей на основании принципа «недобросовестного» исполнения обязанностей в противоречивых ситуациях также не способствует независимости правосудия [16, с. 170].

Реализация права на независимого судью зависит от порядка направления дела на рассмотрение тому или иному судье. На независимость правосудия влияет также порядок самоотвода судей и предупреждение конфликтов интересов. В период СФРЮ определяющее влияние на решения судов в политически щекотливых делах оказывали Министерство юстиции и правящая партия. Значимые дела направлялись на рассмотрение судьям, которые учитывали политический запрос при принятии решения. В современный период уязвимость ВСС к политическому влиянию особенно отчётливо проявилась при рассмотрении жалоб судей, чьи кандидатуры были отклонены в ходе переизбрания судебного состава страны. Вышеупомянутые разногласия между основными акторами на пути установления независимого правосудия представляют собой препятствия для осуществления его интегративной функции.

Комментирование судебных процессов и не вступивших в силу решений суда, выходящее за рамки интереса общественности в информации о ходе процесса, представляет опасность для независимости судов и создаёт риск необъективного и пристрастного принятия судебных решений под политическим или медийным давлением. Чаще всего в качестве комментаторов судебных процессов выступают политики, однако нередки случаи систематического злоупотребления со стороны СМИ, союзов журналистов, влиятельных государственных и неправительственных организаций [10]. Такой характер отношений между основными акторами также противоречит становлению интегративной функции правосудия.

В 2013 г. доля судей, полагавших судебную систему Сербии независимой, составляла 71% (против 24%, придерживавшихся противоположного мнения). В качестве главных угроз независимости судебной власти 60% опрошенных назвали СМИ, 52% политиков, 51% партии, 36% отдельные министерства, 32% правительство, 19% крупный бизнес и 22% неправительственные организации [23, с. 72]. Влияние политики на правосудие преимущественно оказывается не непосредственными контактами, а путём т. н. судейской «самоцензуры». В медийном контенте и публичных заявлениях политиков о желательных направлениях хода судебного процесса проступает запрос на определённый исход процесса, от которого зависят дальнейшие судейские карьеры. По данным Союза судей Сербии, в стране существует практика «самоцензуры» со стороны судей, выражающаяся в отслеживании публичных заявлений политиков в СМИ [9]. Такие заявления влияют на решения судов [9].

Недовольство Союза судей Сербии работой ВСС и утрата последним доверия Союза выявляет разделение в судейских рядах Сербии. О кризисе интегративной функции сербского правосудия свидетельствуют публичные обращения Союза судей к ВСС с призывом к отказу от оказания давления на правосудие. Таким образом Союз судей отреагировал на тенденции, участившиеся в правосудии страны с начала 2013 по март 2014 г. Распространённые случаи несоблюдения запрета оказания давления на правосудие на практике свидетельствуют о трудностях, с которыми сталкивается институционализация независимости судебной власти. Такие случаи имеют свойство учащаться в предвыборные периоды. Примечательно, что в противоречивых случаях, связанных с давлением на суды, ВСС воздержался от вмешательства. С другой стороны, национальное профессиональное объединение судей — Союз судей Сербии — в отстаивании независимости и честности суда проявило себя особенно активно.

Вышеизложенная ситуация свидетельствует о том, что отношения между ветвями власти и основными акторами носят характер скорее соперничества, влияния и зависимости, чем сплочения. Фрагментация институционального поля правосудия в Сербии

свидетельствует о том, что независимой судебной власти только предстоит укрепление её интегративной функции.

Функция социализации

Функция социализации подразумевает передачу институционального опыта как новым кадрам, вливающимся в ряды института, так и молодым поколениям, и их воспитание в духе ценностей института, её норм и ролей.

Влияние исполнительной власти на судебную систему на протяжении второй половины XX века выражалось в решающей роли министерства юстиции и правящей партии в назначении судей, их продвижении по службе и увольнении. В основу действующего в Сербии конституционного строя положен принцип разделения властей (ст. 4, п. 2–4 Конституции). Тем не менее порядок избрания судей по сей день сохраняет черты принципа единства государственной власти, присущего прежде господствовавшей коммунистической идеологии. Ярко выраженный «эффект колеи» (зависимость от прежде избранной траектории исторического развития, описанная теоретиками исторического институционализма) имеет следствием живучесть традиции социализации судейского корпуса в духе прислушивания к политическому запросу на итог судебных процессов.

Заключение

Судебная система является первостепенным механизмом и фундаментом защиты прав граждан. Независимость судебной власти не является самоценностью, однако должна носить инструментальный характер [14, с. 160]: её следует рассматривать не как привилегию работников судебной системы, а как обязательство, возлагаемое на них обществом. Принцип независимости судебной власти имеет целью реализацию права граждан как выразителей публичного интереса на справедливое судебное разбирательство.

Подорвать эффективность работы института независимой судебной власти способно отсутствие хотя бы одного из ряда условий. В число таковых входят ясное определение целей и поля деятельности института, рациональная внутренняя организация, деперсонализация и объективный характер функций, репутация института в обществе и бесконфликтное включение института в институциональную систему [12, с. 317]. Приведённые в настоящей статье примеры препятствий, возникающих на пути становления института независимой судебной власти в Сербии, свидетельствуют об имеющемся значительном потенциале для системного улучшения по всем рассматриваемым функциям института.

Начальную фазу учреждения и формирования института независимой судебной власти на конституционном и законодательном уровне в Сербии можно считать завершённой, с оговорками относительно описанных в настоящей статье ограничений. Вторая фаза — приобретение легитимности и укоренение в обществе и общественном сознании, адаптация к традициям и нормам — наиболее длительна, тяжела и может сопровождаться откатами к произволу [2]. Историческое становление института независимой судебной власти в Сербии представляет собой продолжительный процесс, сопровождающийся сопротивлением, ошибками и злоупотреблениями. Несмотря на принятие соответствующего законодательства, предусматривающего санкции за нарушение принципа независимости правосудия, их несоблюдение на практике и неэффективность механизма общественного контроля указывают на то, что стандарт независимости правосудия ещё не вошёл в финальную фазу институционализации. Сербия, таким образом, ещё проходит вторую фазу становления института независимого правосудия. Особое значение имеет становление политической культуры, для которой независимость судебной власти является неприкосновенной ценностью [16, с. 160, 170].

О наступлении третьей, завершающей фазы становления института независимой судебной власти можно будет говорить с ростом его эффективности. Значительный объём дел, ожидающих решения (порядка 2 миллионов) [4], и систематический застой в их рассмотрении свидетельствуют о проблемах системного характера в эффективности сербского судопроизводства.

Литература

1. Ачкасов В. А., Грызлов Б. В. Институты западной представительной демократии в сравнительной перспективе. СПб., 2006.
2. Баранов Н. А. Институционализация в России: особенности национальной модели // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Том 3. № 4. СПб., 2007. С.69–87.
3. Варади Т. О употреби и злоупотреби простора права [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ogranak.sanu.ac.rs/PDFVidi.aspx?arg=25> (дата обращения: 24.03.2017).
4. Врховни касациони суд Републике Србије. Годишњи извештај о раду свих судова у Републици Србији за 2016. годину [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vk.sud.rs/sites/default/files/attachments/Kratak%20prikaz%20Izvestaja%20o%20radu%20svih%20sudova%20u%202016.%20godini_0.pdf (дата обращения: 24.03.2017).
5. Закон о изменама и допунама Закона о судијама // Службени гласник Републике Србије. 29.12.2010. №101.
6. Закон о проглашењу за коначне привремених резултата избора за одборнике скупштина општина и градова наведених у Извештају Мисије Организације за европску безбедност и сарадњу донетог 11. фебруара 1997. године // Службени гласник Републике Србије. 1997. №5.
7. Закон о судијама // Службени гласник Републике Србије. 2015. №106.
8. Закон о уређењу судова // Службени гласник Републике Србије. 2016. №108.
9. Ко и како утиче на независност судства // РТС. 08.12.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/124/drustvo/2132942/ko-i-kako-utice-na-nezavisnost-sudstva.html> (дата обращения: 24.03.2017).
10. Коментарисање поступака угрожава независност судства // Дневник. 22.12.2016.
11. Маринковић Т. О уставности општег реизбора судија // Анали Правног факултета у Београду. 2009. №1. С. 283–291.
12. Новикова С. С. Социология: история, основы, институционализация в России. М., 2000.
13. Пајванчић М. О судској власти у уставном систему Србије у контексту међународних стандарда // Зборник радова Правног факултета у Новом Саду. №3. 2011. С. 7–21.
14. Пејић И. Конституционализација судске независности: упоредно и искуство Србије // Зборник радова Правног факултета у Нишу. 2014. №68. С. 157–174.
15. Ракић-Водинелић В., Кнежевић-Бојовић А., Рельановић М. Реформа правосуђа у Србији 2008–2012. Београд, 2012.
16. Симовић Дарко. Владавина права и институционалне претпоставке независности судства у Србији // Владавина права и правна држава у региону. Источно Сарајево, 2014. С. 160–172.
17. Стефан Душан. Законник благоверного царя Стефана [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/Zakonnik Stefan Dusan/frameset11.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/Zakonnik%20Stefan%20Dusan/frameset11.htm) (дата обращения: 24.03.2017).
18. Устав Републике Србије. Београд, 2006
19. Флајнер Т. Независност судства // Анали Правног факултета у Београду. 2009. №4. С. 93–120.

20. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000. № 94. P. 251–267.
21. Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science // Katznelson I., Milner H. V. Political Science: State of the Discipline. New York, 2002. P. 693–721.
22. Tolvaišis L. Hungarian cultural autonomy in Vojvodina from the 1974 Socialist Constitution to the 2009 Statute of Autonomy: path dependence dynamics against the reversal of minority policies // Nationalities papers. 2012. Vol. 40. №1. P. 63–83.
23. World Bank. Perceptions of the Judiciary's Performance in Serbia: Results of the Survey with the General Public, Enterprises, Lawyers, Judges, Prosecutors, and Court Administrative Staff. December 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/21711/94519.pdf> (дата обращения: 24.03.2017).

Информация об авторах:

Дабич Александра — аспирант юридического факультета Крагуевацкого университета, г. Крагуевац, ассистент Факультета европейских политико-правовых исследований, университет «Эдуконс», г. Нови-Сад (Сербия), aleksandrabadic89@yahoo.com.

Толвайшис Леонас — кандидат политических наук, доцент факультета европейских политико-правовых исследований, университет «Эдуконс», г. Нови-Сад (Сербия), leonas.tolvaisis@fepps.edu.rs, leonas.tolvaisis@gmail.com.

Хлебтунов И. А.

ГЕРМАНСКАЯ МОДЕЛЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В статье рассказывается об истории развития парламентаризма Германии. Автор анализирует современный парламент (бундестаг) Германии. В статье даётся характеристика актуальным проблемам Германии, которые способны оказать прямое или косвенное влияние на трансформацию политической системы в стране. Представлен сценарный прогноз возможных вариантов развития событий осенью, на парламентских выборах в Германии 2017 г.

Abstract: The article describes the history of the development of parliamentarism in Germany. The author analyzes the modern parliament (Bundestag) of Germany. The characteristics of actual problems of Germany, which are able to influence directly or indirectly on the transformation of the political system in the country, are given. A scenario forecast of possible options of the development of the events in autumn, at the parliamentary elections in Germany in 2017, is presented.

Ключевые слова: парламентаризм, электоральный процесс, структура парламента, политическая система, политика мультикультуризма и иммиграции, экспортное наступление.

Keywords: parliamentarism, electoral process, structure of parliament, political system, the policy of multiculturalism and immigration, export offensive.

Анализ институтов парламентаризма Германии

Парламентаризм в Германии начинает свою историю с 1871 г., именно в этот год в Германии был сформирован так называемый имперский парламент. Он был образован согласно имперской конституции и именовался рейхстагом. Имперский рейхстаг до 1874 года состоял из 384 депутатов, которые избирались на три года. С 1874 года число депутатов достигло 397 человек, и осуществляли они свои полномочия в течение пяти лет. Формировался имперский парламент по принципам мажоритарной избирательной системы. При формировании парламента избирательными правами обладали все мужчины, достигшие двадцатипятилетнего возраста. В период функционирования имперского парламента наиболее популярными партиями были национал-либеральные, лево-либеральные, консервативные, центристские и социал-демократические. Имперский парламент закончил своё существования в результате революционных событий ноября 1918 г.

По итогам революционных событий ноября 1918 г. Германия от монархической формы правления перешла к республиканской. Согласно конституции 1919 г., рейхстаг был утверждён как национальный парламент, который формировался по принципам пропорциональной избирательной системы. Конституция 1919 г. расширяла избирательные права граждан, минимальный возраст был снижен до двадцати лет, и было введено женское избирательное право. Депутаты осуществляли свою деятельность на протяжении четырёх лет и выполняли функции законодательного органа и функцию контроля над исполнительной властью. Парламент периода Веймарской республики активно осуществлял свою деятельность до марта 1933 г. После того как в марте 1933 г. рейхспрезидент подписал декрет «О защите немецкого народа», заседания парламента стали редким событием, так как данный декрет предоставлял право правительству вводить новые законы без участия рейхстага. Прекратил своё существование рейхстаг Веймарской республике в 1945 г.

В 1949 г. в Западной Германии на территории трёх оккупационных зон была принята новая конституция и была образована Федеративная Республика Германии (ФРГ). Конституция была принята парламентским советом (избранными ландтагами западногерманских земель 65 депутатами, представлявшими основные политические партии). Согласно конституции и теоретическим концепциям учёных ФРГ, парламент в стране однопалатный; им является Бундестаг, осуществляющий законодательную и иную деятельность. «Бундестаг, — пишут немецкие учёные Г. Клайн и В. Цее, — является парламентом Федеративной Республики Германии. Принимаемые им решения исходят от народа» [1]. Бундесрат, через посредство которого субъекты федерации участвуют в законодательстве и управлении страной, является, по мнению ряда немецких учёных теоретиков, органом «верховой бюрократии земель» и не рассматривается ни в основном законе, ни в научных работах в качестве второй палаты парламента [1].

Современный парламент Германии состоит из двух частей. Бундесрат — это федеральный орган, посредством которого немецкие земли участвуют в осуществлении законодательной и исполнительной власти, а также в делах ЕС [2] (ст. 50 Основного закона). Бундесрат — не выборный орган (т. е. не вторая палата парламента) [1]. В Бундесрат входят члены Правительств земель. Каждая земля имеет не менее 3 голосов:

- любая земля делегирует минимум 3 членов;
- если население земли превышает 2 млн., то земля имеет 4 голоса;
- если превышает 6 млн — 5 голосов;
- больше 7 млн — 6 голосов [1].

В современном Бундесрате имеется 68 мест. Каждый федеративный субъект имеет право направить в Бундесрат столько членов, сколько субъект имеет голосов. Члены верхней палаты назначаются и отзываются правительствами субъектов Германии. По основному закону запрещено совмещать членство в Бундесрате с депутатским мандатом Бундестага [2].

К полномочиям Бундесрата относятся: 1) избрание федерального президента, главы государства; 2) принятие законов, внесение изменений и поправок в действующее законодательство; 3) надзор и контроль над деятельностью нижестоящих организаций и их законной деятельностью. Бундесрат не может быть распущен и не имеет определённого срока осуществления полномочий. Состав палаты формируется и меняется в зависимости от результатов выборов в федеративном субъекте. Осуществляет полномочия Бундесрат согласно собственному регламенту, который принимается его членами. В настоящее время действует регламент 1966 года в редакции 1988 года, в котором регламентированы общие положения (о членах Бундесрата, легислатуре и т. д.), об образовании и правовом положении органов Бундесрата (президиум, комитеты, секретариат и т. д.), о заседаниях Бундесрата (подготовка, созыв, руководство, кворум и т. д.), о производстве в комитетах, о производстве по делам Европейского Союза и т. д. [1].

Бундестаг состоит из 598 мандатов. Депутаты избираются народом Германии сроком на четыре года на всеобщих, прямых, тайных и свободных выборах, которые организуются по принципам смешанной системы. Для политических партий существует 5%-ный заградительный барьер. Характерной чертой бундестага Германии является образование политическими партиями фракций. Деятельностью бундестага руководит совет старейшин, который состоит из председателя, его заместителя и двадцати трёх представителей фракций [3].

В конституционной системе Федеративной Республики Германии бундестаг выполняет три главные функции:

- 1) является решающим органом формирования правительства;
- 2) служит центром законодательного процесса;
- 3) является органом представительства всего немецкого народа.

Помимо зафиксированных в конституции функций, бундестаг, по мнению немцев, обязан выполнять и функцию по осуществлению контроля над правительством.

Характеристика актуальных проблем Германии, способных влиять на трансформацию политической системы

Современная партийная система Германии является наследницей так называемого «управляемого многопартийного плюрализма», который был создан в конце существования ФРГ под влиянием различных внутренних и внешних факторов. В основе современной партийной системы находится своеобразный каркас, который состоит из ограниченного количества политических партий.

Анализируя итоги парламентских выборов в Германии за 2005 г. и 2009 г., можно сделать вывод о том, что каркас современной партийной системы Германии составляют следующие политические партии: Христианско-демократический союз Германии, Христианско-социальный союз в Баварии, Социал-демократическая партия Германии, Свободная демократическая партия Германии, Левая социалистическая партия Германии, «Зелёная» партия Германии. Данный набор политических партий сформировался по итогам парламентских выборов в 2005 г. В настоящее время в новом составе парламента Германии на одну партию меньше. С политической арены ушла Свободная демократическая партия Германии. По итогам парламентских выборов 2013 г. следует отметить то, что в Германии произошло падение уровня политического плюрализма. Данное явление связано с тем, что СвДП Германии на парламентских выборах не сумела перешагнуть 5%-ный заградительный барьер.

Современный парламент Германии состоит из четырёх политических партий, две из которых являются основными. Первая основная политическая сила современного парламента Германии — это блок ХДС и ХСС, лидером которого является А. Меркель. Уверенную победу правящему блоку на парламентских выборах в 2013 г. принесла их

политическая платформа. Партия придерживалась курса социальной рыночной экономики, в отношении иммигрантов выступала с идеей интеграции посредством лингвистических курсов и за усиление собственно контроля над иммиграционными потоками. Во внешней политике христианские демократы — приверженцы европейской интеграции. Именно благодаря политике А. Меркель Евросоюз сегодня не стал полностью провальным проектом. Германия вынуждена помогать странам с долгами и буквально «тащить» их экономику за собой, поэтому результат ХДС во многом отражает успех правительства в балансировке внешнего и внутреннего векторов [2].

Второй основной политической силой в парламенте Германии является Социал-демократическая партия Германии. Основа её политической платформы на выборах в 2013 г. базировалась на первостепенности социальной справедливости, солидарности и свободы. Социально ориентированная экономика должна контролироваться государством с целью более справедливого распределения благ. Как и христианские демократы, представители СДПГ поддерживали идею ЕС, а в качестве мер по борьбе с кризисом предлагали жёсткое регулирование, общую экономическую и финансовую политику в рамках данного объединения. СДПГ добавила по сравнению с 2009 годом 2,7 п. п. [3].

После выборов в парламент Германии с 2013 г. прошло более 3 лет, очередные выборы непременно состоятся осенью 2017 г. Ключевой вопрос предстоящих выборов в парламент Германии: сможет ли правящий блок во главе с А. Меркель повторить свой триумф или нет?

За период правления А. Меркель в Германии возникло множество проблем, которые, по мнению учёных, могут в будущем трансформировать политическую систему страны. Основные проблемы Германии складываются вокруг проблем мультикультурализма и европейской интеграции, а также иммиграции. Существующие проблемы негативно влияют на развитие Германии, так как ослабляют единство слоёв и групп, нацеленных на прогрессивные изменения и качественное развитие.

Основой политики мультикультуризма и иммиграции в начале XXI века в странах Западной Европы, в том числе и в Германии, были принципы гуманизма и толерантности. Первоначально данная модель развития стран западной Европы была успешна, и в ведущих странах Европы получила поддержку. В настоящее время дела обстоят иначе, ряд лидеров стран Европы заявляют о несостоятельности этой мультикультурной модели развития. В конечном итоге те меры, которые были предприняты правительством Германии во главе с А. Меркель, привели к дестабилизации и расколу общества на два противоположных лагеря. Основная причина ухудшения обстановки заключается в том, что в Германию, в основном, мигрируют выходцы из мусульманских стран Ближнего Востока, на территории которых происходят вооружённые конфликты. Культура, религия, ценности и мировоззрение этих мигрантов принципиально отличаются от европейских, и поэтому взаимоотношения между местным населением и мигрантами наладить не просто.

Также к факторам, способным трансформировать современную политическую систему Германии, относится, во-первых, расширение рамок идеологического плюрализма и усложнение ценностно-идеологических предпочтений избирателей. Сущность данного фактора заключается в том, что так называемая система «двух с половиной партий» и «управляемой многопартийности» уходит в прошлое. В настоящее время в Германии всё активнее заявляют о себе новые политические силы, которые имеют собственный электорат избирателей. К ним относятся Левая партия, «Пираты», «Альтернатива для Германии».

Во-вторых, кризис в мировой и европейской экономике. Данный фактор, так же, как и предыдущие, не стоит списывать со счетов. На самом деле экономическая ситуация в Германии не является безоблачной, особенно в реальном секторе экономики, который в настоящее время испытывает серьёзные проблемы, возникшие как из-за внешних, так и из-за внутренних причин. К внутренним причинам следует отнести экономических курс,

проводимый правительством А. Меркель, которое делает всё возможное для спасения зоны евро (объекта экспорта для крупного германского бизнеса) и крупных банков (являющихся структурной основой для финансово-промышленных групп). Следование этим курсом, который призван обеспечить Германии более высокую глобальную конкурентоспособность, приводит к существенному ущербу для реального сектора экономики и социальной сферы. Идущее уже более двух десятилетий «экспортное наступление» крупной германской промышленности, финансируемое банками, укрепляет позиции корпоративного капитала. Между тем реальная зарплата основной массы населения застыла на уровне 1995 г. Немалая часть германского бизнеса, активно работавшего на российских рынках, недовольна ситуацией, сложившейся в связи с антироссийскими экономическими санкциями [4].

В-третьих, перспективы дальнейшего участия Германии в глобализационных процессах также являются важным фактором, который может повлиять на позиции политических партий в парламенте Германии. Граждане Германии в апреле 2015 года дали понять своему правительству, что они против готовящегося соглашения о свободной торговле между Европой и Соединёнными Штатами. Немцы считают, что данное соглашение может нарушить европейские продовольственные, трудовые и экологические стандарты.

Общие выводы о грядущих событиях в Германии

В конце лета или в начале осени 2017 года для политической сцены Германии наступит поистине звёздный час. Все внимание мировой общественности будет приковано к выборам Бундестаг Германии. Это отнюдь не рядовое политическое событие является судьбоносным моментом не только для Германии, но и для Европы в целом. От результатов выборов зависит не просто позиционное расположение политических партий в Бундестаге, а дальнейший курс развития Германии и ЕС в целом.

Анализируя вышеуказанные проблемы Германии, возможно спрогнозировать дальнейшее развитие событий, касающихся следующих вопросов:

1. Позиционное расположение политических партий в Бундестаге;
2. Если А. Меркель не канцлер, то кто тогда?

Во-первых, по итогам парламентских выборов позиционное расположение политических партий, в сравнении с предыдущими выборами 2013 г., существенно изменится. Изменения будут касаться как численности процентов голосов избирателей, так и количества политических партий, которые смогут преодолеть 5%-ный заградительный барьер и занять своё законное место в парламенте. Отечественные и зарубежные эксперты, аналитики и СМИ говорят, прежде всего, о том, что политический блок ХДС и ХСС по итогам парламентских выборов в Германии потеряет ранее завоёванные позиции, и наоборот, так называемые протестные партии смогут добиться довольно приличных результатов. Данные события предсказуемы, потому как миграционная политика А. Меркель провалилась и является одной из главных причин того, что её политическая партия теряет популярность у немцев, в свою очередь, левые и ультраправые набирают на фоне миграционного кризиса большую популярность. Также популярность правых радикалов, которые выступают за выход из ЕС, обусловлена не только наплывом беженцев, но и терактами, и усиливающимся в немецком обществе евроскептицизмом [3]. Несомненно, блок ХДС и ХСС по результатам парламентских выборов остаётся в парламенте, но ему обязательно придётся потесниться и уступить немного места, прежде всего таким политическим партиям, как «Альтернатива для Германии», «Свободная демократическая партия», «Зелёные», «Левые» [5].

Во-вторых, осенние парламентские выборы в Германии обязательно запомнятся мировой общественности горячей и непредсказуемой борьбой за пост канцлера Бундестага. Несомненно, А. Меркель, которая уже заявила о своём намерении баллотироваться в

четвёртый раз на эту должность, является одним из главных фаворитов в этой борьбе [6]. Достойную конкуренцию в политической борьбе на вакантный пост могут оказать такие политики, как Зигмар Габриэль (председатель и вероятный кандидат от Социал-демократической партии Германии), Хорст Зеехофер (председатель ХСС), также и от партии «Зелёных» следует в будущем ожидать своего кандидата на пост канцлера [7]. Кто всё же одержит победу? На этот вопрос ответит только расклад парламентских выборов, потому как канцлера совокупно выбирают депутаты верхней и нижней палаты. По мнению экспертов, как бы ни сложились обстоятельства на парламентских выборах, у А. Меркель есть все шансы одержать очередную, вот уже четвёртую победу подряд [7].

Эксперты отмечают, что в случае избрания А. Меркель канцлером Германии, её политическая деятельность во внутренней и во внешней политики будет осуществляться с оглядкой на Вашингтон.

Литература

1. Закон сегодня. Понятие и структура парламента [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lawtoday.ru/razdel/biblo/kpzs/DOC_225.php (дата обращения: 13.01.2017).
2. Грановский Ю. Анализ парламентских выборов в Германии (сентябрь 2013 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regional-science.ru> (дата обращения: 13.01.2017).
3. Прогнозы на 2017 год. Чем займётся Трамп и кто объединится вокруг Сирии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vesti-ukr.com/mir/217640-prohnozy-mir> (дата обращения: 13.01.2017).
4. Бирюков С. Политические партии Германии: вызовы системной трансформации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info> (дата обращения: 13.01.2017).
5. Выборы в Берлине: поражение Меркель и успех протестных партий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160919/1477322168.html> (дата обращения: 13.01.2017).
6. Ангела Меркель заявила о своём решении пойти на четвёртый срок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cis-emo.net/ru/news/angela-merkel-zayavila-o-svoem-reshenii-poyti-na-chetvertyu-srok> (дата обращения: 13.01.2017).
7. Российский эксперт оценил шансы Меркель выиграть выборы в четвёртый раз. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v-2017.com/vybory-kantslera-v-germanii-2017/> (дата обращения: 13.01.2017).

Информация об авторе:

Хлебтунов Иван Александрович — магистрант 1 курса КемГУ, hlebtunov2013@yandex.ru.

(Научный руководитель: Чирун С. Н. — д. соц. н., доцент КемГУ)

Дрёмин Р. В.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННЕГО ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И ДОГОВОРА СНВ-III.

Аннотация: В статье рассказывается о проблематике двустороннего сотрудничества США и РФ в области ядерного разоружения. Анализируются перспективы договора СНВ-III и будущее ядерного разоружения.

Abstract: The article discusses the issues of bilateral cooperation between the U. S. and Russia in nuclear disarmament. The prospects of New START and the future of nuclear disarmament are analyzed.

Ключевые слова: Ядерное разоружение, СНВ-III, отношения США и РФ.

Key words: Nuclear disarmament, start-III, relations between the US and Russia.

Конъюнктура отношений России и США в последние годы носила исключительно негативный и конфронтационный характер. Между государствами усилилось взаимное недоверие и отторжение, которое было обусловлено взаимными политическими обвинениями, введением режима санкций и контр-санкций, рядом антагонистических решений и действий, использованием друг против друга методов ведения гибридной войны. Всё это создало ситуацию, когда можно полноправно говорить о том, что уровень отношений деградировал до периода холодной войны.

Смена администрации в Белом доме может изменить положение дел в лучшую сторону, но на данный момент прогресса нет. Тем не менее даже если стороны возьмут курс на восстановление отношений, им потребуется для этого продолжительное время.

В таких условиях Москва и Вашингтон подходят к глобальному вопросу международной повестки — необходимости дальнейшего ядерного разоружения. На Соединённых Штатах и России как обладателях более 90% единиц ядерного оружия (ЯО) на планете лежит особая ответственность по обеспечению стабильных стратегических отношений и уменьшению рисков развязывания ядерной войны [5].

Заметим, что сегодня одной из важнейших основ глобальной безопасности является концепция стратегической стабильности. Она заключается в ситуации, когда любая сторона, нанеся неожиданный массированный первый ядерный удар, не в состоянии предотвратить ответный массированный удар. Таким образом, у любого государства отсутствуют стимулы для такой атаки, в противном случае она понесёт неприемлемый для себя ущерб. Данная концепция находит своё отражение в ряде договоров между США и СССР/РФ по ограничению и сокращению ядерных сил.

Действующий договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению наступательных вооружений (СНВ-III) установил предельные уровни боезарядов на отметке в 1550 единиц, при 700 развернутых носителях (МБР, БРПЛ, тяжёлые бомбардировщики большой дальности, оборудованные для доставки ядерного оружия). Договор предусматривает режим верификации и инспекций, обмен телеметрией, в нём указана взаимосвязь между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями (противоракетная оборона) [1].

Он истечёт в 2021 году, с возможностью пролонгации до 2026 года, тем самым рано или поздно его придётся чем-нибудь заменить, ввиду того что он поддерживает режим верификации ядерных сил сторон, а также отвечает обязанностям США и РФ по договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО), а именно его шестой статье: «Каждый участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об

эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению» [2].

Позиции семи остальных ядерных держав основываются на апелляции к этой статье при требовании более весомых сокращений сторон. От того, каким по своей структуре и формату будет будущее соглашение, зависит расстановка сил среди ведущих геополитических игроков и направление вектора и специфика их политики. Несмотря на то, что сегодня вопросы разоружения ушли на второй план, сама проблема не исчезла и даже наоборот обострилась ввиду усложнённости взаимопонимания и диалога между государствами [3].

США и Россия подходят к точке, когда они уже не заинтересованы в дальнейшем сокращении своих стратегических наступательных вооружений. Для обеих стран ядерное оружие является ядром военной доктрины и гарантом безопасности, также стоит ещё раз заметить, что они крупнейшие держатели ЯО на планете, это наделило их особым статусом. Несмотря на всеобщую приверженность ядерному разоружению, отказываться от этого оружия и своего уникального положения никто не собирается. Если стороны заявят о прекращении следования по пути разоружения, это вызовет большое недовольство неядерных стран и стран с малым количеством ЯО. ДНЯО, уже находящийся в кризисе, может окончательно потерять свою актуальность. В самых крайних прогнозах это приведёт к увеличению членов ядерного клуба и повышению уровня угрозы ядерной войны, что также не в интересах США и РФ. Как выйти из этого цугцванга? Сегодня это вопрос без конкретного ответа.

Помимо политических разногласий, государства имеют целый комплекс взаимных претензий, противоречий, связанных с развитием современных вооружений и их роли в системе обеспечения безопасности. К ним относятся развитие стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении, стратегического оборонительного вооружения (сейчас нет действующего договора, который бы ограничивал их), развитие гиперзвукового оружия, договор о ликвидации ракет средней и малой дальности 1987 г., проблема тактического ядерного оружия, милитаризация космоса. На каждом из этих треков стороны имеют абсолютно разные точки зрения, при условиях, что каждая из проблем влияет на сложившуюся систему стратегической стабильности.

Также существуют разногласия по формату будущих договорённостей, Россия настаивает на том, что разоружение не может быть далее двусторонним, в этом процессе должны начать участвовать все ядерные державы. Позиция Штатов заключается в том, что Россия и США должны провести ещё одно радикальное сокращение ядерных сил, для того чтобы их уровни стали более сопоставляемы с уровнями других ядерных держав.

Строить прогнозы, когда множество коренных элементов сильно между собой переплетены, представляется трудным делом, в котором высока вероятность ошибки и погрешности. Однако есть возможность вычислить наиболее оптимальный вариант развития событий для обеих сторон, который, вполне возможно, и будет реализован.

Сегодня, ввиду высокого уровня недоверия и опасений у государств, заключение нового стратегического договора по СНВ более чем маловероятно. Поэтому велика вероятность того, что действующий СНВ-III будет пролонгирован до 2026 г. Однако примечательно, что новоизбранный президент США Дональд Трамп в интервью Reuters назвал СНВ-III «односторонней сделкой». «Ещё одна плохая сделка, которую заключила наша страна, будь то СНВ, будь то договор с Ираном... Мы начнём заключать хорошие сделки», — сказал он [4].

В этой связи стоит сказать, что ещё до его вступления в должность ряд западных и российских СМИ писали, что Трамп предложит России «большую сделку», один из вариантов которой звучал как отмена санкций в обмен на ядерное разоружение. Однако Москва отказывается рассматривать стратегическое соглашение как разменную монету и не

хочет увязывать режим санкций с разоружением. Поэтому оптимальный вариант — это СНВ-III до 2026 г.

Что касается будущего двустороннего ядерного разоружения, то оно возможно при соблюдении ряда условий. Таких, как здоровые отношения России и США, отсутствие угрозы увеличения ядерного потенциала КНР и других ядерных держав, отсутствие развития стратегических оборонительных вооружений или заключение договора по противоракетной обороне.

Со временем военные доктрины США и РФ могут измениться в сторону других вооружений в качестве ядра концепции стратегической стабильности. Так, основой безопасности могут стать высокоточные стратегические наступательные вооружения в неядерном оснащении, гиперзвуковое оружие, развитая система противоракетной обороны. Тем самым и Россия, и США сохранят свой уникальный статус за счёт развития высокотехнологичных средств поражения, поэтому долю ядерного оружия можно будет уменьшить. Однако радикальное снижение арсеналов сторон до уровней других ядерных держав сегодня и в ближайшие годы видится сомнительным.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, СНВ-III. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vz.ru/information/2010/4/8/391154.html>.
Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.
Дрёмин Р. В. Перспективы политики ядерного разоружения в контексте современной ситуации в международных отношениях. Выпускная квалификационная работа бакалавра. 2015 г.
2. Трамп поговорит с Путиным о ядерных арсеналах, «если мы встретимся» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN1622O2?sp=true>.
3. Pulling the U.S. — Russia Relationship Back from the Nuclear Brink [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalinterest.org/feature/pulling-the-us-russia-relationship-back-the-nuclear-brink-20139>.

Информация об авторе:

Дрёмин Роман Вадимович — бакалавр политологии, dremi04@yandex.ru.

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Дронзина Т. А.

МАРК СЕЙДЖМАН О РОЛИ ИНТЕРНЕТА В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается концепция американского исследователя Марка Сейджмана, охарактеризовавшего ещё в 2004 году сеть Интернет как инструмент террористической радикализации молодёжи.

Abstract: The article examines the concept of the American researcher Mark Sageman, who described in 2004 the Internet as a tool for terrorist radicalization of young people.

Ключевые слова: терроризм, интернет, Марк Сейджман, радикализация.

Keywords: terrorism, the Internet, Mark Sageman, radicalization.

Структура Интернета стала структурой глобального исламистского терроризма.

Марк Сейджман

Радикализация путём сети Интернет является реальностью во всей Центральной Азии — реальностью, которой должны противостоять службы безопасности стран региона. В этой короткой статье я хочу вспомнить идеи Марка Сейджмана, раскрытые им 10 лет назад в его книге «Беспошлинный джихад: террористические сети в XXI веке» (2004, Pensilvania University Press) и забытые на некоторое время. Несмотря на то, что тогда они были недооценены, сейчас они демонстрируют свою силу и вескость и вносят большой вклад в лучшее понимание сущности процесса радикализации молодых мужчин и женщин, которые присоединились к Исламскому государству и приняли участие не в своей войне.

Отправная точка Сейджмана заключается в том, что Интернет меняет характер глобального исламистского терроризма «путём изменения природы взаимодействий террористов» [1, р. 109]. То, что автор сказал 10 лет назад, к сожалению, верно и сегодня: «Природа этого влияния до сих пор недооценивается как самими террористами, так и людьми, которые с ними борются» [1, р. 109]. Я боюсь, что даже сейчас мы прилагаем огромные усилия в неправильном направлении — только потому, что мы продолжаем игнорировать концепции Сейджмана.

Какова природа этих изменений?

Согласно Сейджману, «водоразделом» является 2004 год, когда общение лицом к лицу, которое обычно проходило вокруг радикальных мечетей, халяльных ресторанов и т. д., в значительной степени было заменено компьютерно опосредованной коммуникацией. Это был простой способ общения, поскольку 90% молодежи из ЕС имеют доступ в Интернет. Для сравнения — только у 6% их сверстников в Арабском мире в это же время есть такой доступ.

Интернет отличается от печатных или других электронных медиа, поскольку в глобальной сети в целом получают новости и информацию от друзей (обмен мгновенными сообщениями и сотовые разговоры) и из Интернета, в блогах и на форумах [1, с. 110].

Третья важная идея Сейджмана состоит в том, что Интернет резко изменил круг возможных террористов — уменьшился возраст и увеличился процент женщин. Несмотря на

то, что существуют специальные чаты для женщин, благодаря анонимности, названной им «интимностью», в Интернете они уже могут принимать участие в смешанных чатах, вдохновляя мужчин принимать более активное участие в джихаде.

Следующим важным аспектом является вывод аналитика, что многие из исследователей сегодня концентрируются на неправильной стороне Интернета, что не позволяет им добраться до сути проблемы. Он говорит о том, что Интернет состоит из двух основных систем, которые необходимо различать. Первая — это всемирная сеть, которая представляет собой совокупность всех веб-сайтов и обеспечивает информацией своих пользователей. Однако она слишком пассивна, и потому её роль в радикализации не может быть существенной: «Люди в целом не меняют своего мнения и не становятся жёстче в своих взглядах, читая газетные статьи или книги. Обычно они читают то, что соответствует их изначальным предубеждениям, и тем самым только подтверждают свои взгляды, которые сложились еще до этого в другом месте. Стороны обычно усиливают уже существующие ментальные схемы, но не создают их. Вторая система, на которую опирается Интернет, — это интенсивное общение между отдельными людьми и группами. Именно интерактивность играет большую роль в радикализации в силу того, что анонимность позволяет раскрыть себя более полно. Чувства и эмоции, которые процветают в компьютерно опосредованной коммуникации, абсолютно сопоставимы по интенсивности и силе с эмоциями и чувствами, выраженными офлайн. Но у них есть новое качество: в случаях непосредственной встречи они ускоряют развитие отношений, так как создают ощущение, что вы уже знаете другого человека. Это имеет огромное значение для антитеррористических усилий, поскольку объясняет скорость, с которой создаются новые террористические ячейки.

Следующая важная идея Сэйджмана связана с поддержкой, которую участники чатов предлагают друг другу. Он проводит параллель между суицидально настроенными подростками в Японии и молодыми террористами, говоря, что в Японии многие подростки погибли после общения в специальных чатах для людей с суицидальными наклонностями. Даже если человек недостаточно сбит с толку, чтобы сделать шаг к суициду, он/она возвращается к этому шагу при поддержке других участников. Очень похожий процесс имеет место в радикализации — я не могу сделать некоторые вещи один, но когда я чувствую себя частью группы, я могу преодолеть себя.

Более того, виртуальная коммуникация всегда связана с меньшей ответственностью, чем реальная, в том смысле, что если кому-то не нравится данный разговор, он или она может оставить его, не спрашивая разрешения, не извиняясь и т. д. Это весьма заманчиво для подростков, которых привлекают контакты с новыми людьми, но сами они пока не определились со своими предпочтениями, и стимулирует процесс радикализации, поскольку если кому-то не нравится данная группа, так как она кажется ему/ей недостаточно радикальной, то человек может перейти в другую группу, которая отвечает его запросам, что лежит в основе опасной спирали радикализации.

Аналитик настаивает на том, что компьютерно опосредованная коммуникация, которая, как представляется, разрушает время и стирает пространство, способна быстрее и в большей степени трансформировать человеческие отношения. Он убежден, что «это форумы, а не изображения с пассивных сайтов являются ключевыми в процессе радикализации», просто потому, что люди меняют своё мнение, разговаривая с друзьями и семьями, а не просто читая историю где бы то ни было — в Интернете или в газете.

Почему возможных террористов так сильно привлекают форумы? Прежде всего, потому, что реальные физические места — халяльный ресторан, мечеть и т. д. — могут быть под контролем полиции и служб безопасности, что делает их потенциально опасными. Чаты намного безопаснее и, что более важно, — создают атмосферу дружбы и общности, которую молодые иммигранты редко находят в реальном мире. «Это наделяет их чувством принадлежности к более широкому сообществу» и заставляет их ощущать себя частью

уммы.

Еще одна релевантная концепция автора, которая имеет значительный объяснительный потенциал в отношении процесса радикализации, заключается в том, что Интернет по своему характеру эгалитарен, он отменяет все иерархии и неравенства. Из чего следует вывод: «Интернет-эгалитаризм представляет собой конкретный пример того, как может выглядеть утопическая умма: сообщество друзей, где все равны и заботятся обо всех остальных. Эта утопия становится чем-то, за что стоит бороться». Это также укрепляет их убеждения посредством процесса, названного «иллюзия чисел» — если много людей во что-то верит, это должно быть правдой. Даже несмотря на то, что критически мыслящий человек вряд ли согласится с таким аргументом, для молодых людей без большого жизненного опыта это часто весьма убедительно.

Что ещё привлекает молодых людей в компьютерно опосредованном общении, так это то, что они сами могут выбирать своих лидеров без того, чтобы их выбор имел для них негативные последствия. С другой точки зрения, лидер, кем бы он ни был, не может осуществлять полный контроль над своими последователями. Этот очевидный эгалитаризм, который не может быть найден нигде за пределами виртуального мира, также привлекает молодёжь, и особенно тот сектор, который стремится к взаимодействию и руководству.

Резюмируя роль интерактивности в чатах и её влияние на процесс радикализации, Сейджман заявляет: «Форумы — это виртуальные места, где активные участники публикуют и заимствуют идеи своих целей, перспектив и надежд. Это место, где «круто» обсуждается терроризм. Проводятся дебаты по поводу относительных достоинств различных стратегий и тактик. Итоговый коллективный дискурс становится идеологией, видением и руководством участников. Они побуждают молодых участников становиться более активными, способствуют формированию имиджа вдохновляющих героев для других участников и приводят к всеобщей радикализации. Форумы являются настоящим рынком идей, проводящих эту форму терроризма» [1, р. 121]. Было бы хорошо вспомнить об этом сейчас, когда большая часть усилий организаций и государственных учреждений сосредоточена на закрытии радикальных сайтов — которые, кстати, через несколько минут и часов снова открываются, но на другом сервере. Я полностью согласна с мнением Сейджмана о том, что «компьютерно опосредованная коммуникация — это то, что позволяет сделать децентрализованную организацию глобального исламистского терроризма без лидера возможной, и форумы стали её центром притяжения» [1, р. 121].

Всегда следует принимать во внимание, что движение к компьютерно опосредованному общению не осуществлялось лидерами террористов намеренно; в каком-то смысле это было неожиданно и для них, но они смогли изучить его и сделать полезным инструментом для выполнения своих планов.

Однако было бы ошибкой полностью идентифицировать виртуальные сети с террористическими сетями. Сейджман обращает внимание на тот факт, что «террористические сети состоят из смеси онлайн- и оффлайн-элементов, а их личные и виртуальные дискуссии взаимно влияют друг на друга... Интернет соединяет их в настоящему глобальную сеть» [1, р. 121].

Компьютерно опосредованной коммуникации приходится иметь дело также с так называемыми «волками-одиночками». Такие они только в реальном мире. Если мы лучше изучим их контакты, то увидим, что они совсем не одиноки в Интернете, поскольку они являются активными участниками форумов, чатов и т. д.

Хорошо известно, что, благодаря существующим программам дерадикализации, некоторые участники освобождены от террористической деятельности и реинтегрированы в свои местные сообщества. Несмотря на перемену их взглядов и поведения, материалы, произведённые ими в их «радикальный период», будут практически всегда сохраняться на радикальных сайтах. Многие эксперты соглашаются, что нет способа удалить из Интернета

всё, что нам не нравится. Эти материалы будут вдохновлять людей будущего на то, чтобы стать джихадистами, предлагая идеи славы, триумфа и бессмертия. Это приводит Сейджмана к немного пессимистическому взгляду, который разделяю и я: «Благодаря Интернету, глобальный исламский терроризм может исчезнуть, но никогда не умрёт полностью» [1, с. 123].

Перевод Барташевич А. А. Редактор перевода Огнев Д. А.

Литература

1. Sageman M. Leaderless Jihad Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia, 2008.

Информация об авторе:

Дронзина Татьяна Александровна — профессор Софийского университета имени святого Климента Охридского (Болгария, г. София), dronzina@gmail.com.

Иванов И.

ВОЛКИ-ОДИНОЧКИ В ДЕЙСТВИИ: ТРИ СЛУЧАЯ

Аннотация: Автор через анализ биографий известных террористов, классифицирующихся исследователями и сотрудниками спецслужб как «волки-одиночки», выявляет общее и особенное, повлиявшее на их мотивацию в процессе террористической радикализации.

Abstract: The author using an analysis of the biographies of known terrorists categorized by researches and intelligence officers as the "single wolves" reveals the general and particular that affected their motivation in the process of terrorist radicalization.

Ключевые слова: волки-одиночки, терроризм, биография террориста, Шериф Куаши, Абдельхамид Абауд, Наджим Лаашрауи.

Keywords: single wars, terrorism, biography of the terrorist, Sherif Kuashi, Abdelhamid Abaoud, Najim Laashraoui

Введение

Волки-одиночки считаются одним из самых опасных типов террористов. Их мотивация настолько сильна, что они даже готовы пожертвовать своими жизнями в террористических атаках. Большой вопрос: что у них на уме? Основная цель этой статьи — провести сравнительный анализ трёх разных случаев. Каждый случай включает биографию террориста-одиночки. Структура исследования основана на общей схеме, связанной с профилем террористов. В статье последовательно анализируется их социальное происхождение, семья, родной город, национальность, образование и т. Д. Большая часть данных собрана путём проведения глубоких исследований психологических характеристик террористов. Основной тезис этой статьи заключается в том, что есть несколько аспектов, которые являются общими для волков-одиночек в целом. В то же время существуют и довольно важные различия, которые имеют большое значение для мотивации этих людей. В статье также глубоко анализируется радикализация этих лиц — процесс, превративший их в террористов. Последнее, но не менее важное — это исследование даёт некоторые примеры наиболее важных террористических актов, совершённых изученными террористами.

Шериф Куаши и Charlie Hebdo

Первый случай связан с террористическими атаками на французский сатирический журнала Charlie Hebdo. Стрельба произошла в сердце Парижа 7 января, два года назад. Было около 12 вечера, когда два человека в масках ворвались в редакцию журнала и начали стрелять на виду у всех. Двенадцать человек были убиты, в том числе редактор Мустафа Уррад [1]. Мотивация террористов ясна: религиозная карикатура, ранее опубликованная французским журналом. Стрельба в Charlie Hebdo разделила общество на две части: «Je suis Charlie» («Я — Шарли») и «Je ne suis pas Charlie» («Я не Шарли»). Но самое главное то, что это нападение было совершено волками-одиночками. Другими словами, терроризм волков-одиночек пришёл в Европу.

Кто стоял за стрельбой в Шарли Хебдо? Два брата — Шериф и Саид Куаши оказались главными подозреваемыми в этой атаке. В данном исследовании Шериф анализируется как кейс [*Имеется в виду метод кейсов, англ. case study. — Ред.*], потому что именно он создал стратегию операции. Его брат также сыграл важную роль в стрельбе, но он был больше похож на помощника своего брата.

Шериф Куаши, который взял имя Абу Иссен, — потомственный алжирец во втором поколении [2]. После самоубийства матери он остался сиротой. Официальная информация о его отце отсутствует. Шериф рос в нескольких детских домах, пока не достиг совершеннолетия. Затем он переехал со своим братом в Париж. Интересно, что его друзья описывают его как светского человека без склонностей к радикальному образу жизни. Он употреблял алкоголь и регулярно брился. Он даже окончил среднюю школу и нашел хорошую работу в качестве доставщика еды, а это означает, что Шериф был образованным человеком с надлежащим уровнем жизни. Этот молодой человек изначально не был агрессивным. Но так было лишь в течение короткого периода. Атаки 11 сентября и последующее американское вторжение в Ирак и Афганистан оказали огромное влияние на Шерифа. Он был одержим делом террористов и решил присоединиться к «Аль-Каиде». Это было началом его радикализации. Радикализация — это процесс индоктринации, самоидентификации и мотивации волков-одиночек. Намерения Куаши не были секретом для французской полиции. В результате попытки попасть в тренировочный лагерь террористов он был задержан и приговорён к тюремному заключению, когда ему было 22 года. В тюрьме он встретил своего духовного наставника Джамеля Бегала, джихадиста, прошедшего подготовку в лагерях Усамы бен Ладена [3]. После нескольких бесед с ним Шериф стал намного более увлечён салафизмом, чем до своего заключения. Молодой человек продолжил свои контакты с радикалами после того, как покинул тюрьму. Он регулярно посещал их проповеди и принимал участие в их провокационных посланиях. Хотя Шериф был снова осуждён, ему удалось сбежать и отправиться в Йемен, где он получил базовую военную подготовку в террористическом лагере. Это было последним этапом его радикализации. Франция больше не была его родиной — это была страна врагов. Стрельба в Charlie Hebdo была последним шагом на его пути к террору.

Абдельхамид Абауд и парижские атаки

Второй случай снова связан с террористом-одиночкой, но в этот раз его методы были намного более усовершенствованы, чем стратегии братьев Куаши. Европа называет его «архитектором» или «вдохновителем» парижских атак [4], это Абдельхамид Абауд. Его деятельность похожа на учебное пособие для волков-одиночек. И ему действительно удалось организовать настоящую террористическую операцию в сердце Европы два года назад.

Парижские атаки в ноябре 2015 года стали первыми серьёзными и широкомасштабными террористическими атаками на европейской территории после 11 сентября 2001 года. Несмотря на меры безопасности после стрельбы в Charlie Hebdo, было ясно, что Париж по-прежнему уязвим. Террористические сети были настолько сильны и

хорошо скоординированы, что преуспели в разработке стратегии для новой атаки спустя несколько месяцев после Charlie Hebdo. Парижские атаки можно разделить на три этапа: взрывы возле Французского национального стадиона, бойня в «Батаклане» и «барная стрельба». Исламское государство официально взяло на себя ответственность за атаки. Франция потеряла более 100 своих сограждан.

Абдельхамид Абаауд также известен под другим именем — Абу Омар Сусси [5]. Очевидно, что это распространённая традиция среди волков-одиночек — они либо меняют свои имена в соответствии со своей новой миссией, либо сохраняют свои прежние, «по происхождению». Происхождение Абаауда — марокканское, и снова — он потомок неевропейских родителей во втором поколении. Он родился в Брюсселе (Бельгия) — одной из столиц Европы. Но самое главное, что Абаауд провёл своё детство в пригороде Андерлехта и вырос в Синт-Янс-Моленбеке, который также называют «салафитский пригород» [6]. В противоположность Шерифу Куаши, Абдельхамид не рос сиротой. Его семья была светской, особенно отец. Он не хотел жить в таком месте, но у его семьи не было достаточно денег, чтобы перебраться ближе к центру столицы. Его сын был очень хорошо образован. Абаауд учился в Collège Saint-Pierre — школе, основанной Римско-Католической Церковью. Его радикализация началась после того, как он окончил школу. Согласно его уголовному делу, Абаауд отказался продолжать дело отца (старый Абаауд был торговцем) и заинтересовался идеологией салафитов [7]. Затем он установил связь с радикалом — Салахом Абдесламом. После нескольких преступлений они были арестованы и приговорены к тюремному заключению. В тюрьме Абдельхамид встретил других радикальных исламистов и был ещё больше радикализован ими, так же, как Шериф Куаши, когда встретил Бегала. Когда он покинул тюрьму в 2013 году, он забрал своего брата и отправился в Сирию, где поклялся в приверженности Исламскому государству. Это был заключительный этап его радикализации, который привёл его в логово террористов. Его семья была разрушена. Согласно публичной информации, его отец отрёкся от сына и встал на сторону правительства Бельгии, когда Абдельхамид был обвинен в организации терроризма.

Наджим Лаашрауи и взрывы в Брюсселе

Последний случай снова ведёт нас к другому террористу-одиночке — Наджиму Лаашрауи. Человек, который решил принести себя в жертву, совершив самоубийственную атаку. У взрывных атак в Брюсселе в 2016 году имелось более символическое значение, чем у других, по причине места их проведения — Брюсселя. Это были две самоубийственные атаки, совершённые тремя волками-одиночками. Они стоили жизни более 300 гражданам Бельгии. Атаки были проведены в двух точках: два самоубийственных взрыва в аэропорту Завентем и один на станции метро Малбеек [8]. Последний был особенно символическим, поскольку эта станция расположена вблизи здания Европейского комитета. Лаашрауи был одним из смертников, подорвавших себя в аэропорту.

В отличие от предыдущих случаев, Наджим Лаашрауи родился в Марокко — за пределами Европы [9]. Тем не менее он вырос в Брюсселе. Подобно семье Абаауда, его родители также были светскими людьми. Один из его братьев был даже знаменитостью — чемпионом в тхэквондо. В Наджиге интересно то, что он был очень образованным молодым человеком. Сначала он обучался в католической средней школе в Брюсселе. Получив среднее образование, он поступил в Брюссельский свободный университет и в Лувенский католический университет. Он очень интересовался физикой. Нет чёткого свидетельства о том, когда начался процесс радикализации. Судя по его замкнутому образу жизни, ясно, что, вероятно, мы можем говорить о потенциальной саморадикализации. В 2013 году он уехал в Сирию, где он поклялся в верности Исламскому государству. Затем он получил базовую подготовку и вернулся в Европу спустя три года. После его смерти его семья официально осудила его действия.

Заключение: сравнение волков-одиночек

В качестве заключения по всем трём случаям, попытаемся в настоящей статье указать некоторые ключевые особенности волков-одиночек. Все они имеют общие сходства и различия.

Во-первых, волки-одиночки обычно являются потомками неевропейских родителей во втором поколении, или, по крайней мере, они выросли в Европе.

Во-вторых, в большинстве случаев волки-одиночки — дети из светских семей. В некоторых случаях они могут быть сиротами. Их светские семьи не одобряют их действий.

В-третьих, у волков-одиночек есть первые критические контакты с радикалами. Это может произойти во время их заключения, это может произойти в детстве. В очень редких случаях они являются саморадикализованными.

В-четвёртых, волки-одиночки — хорошо образованные и работающие молодые люди. Они не являются ни бедными, ни умственно отсталыми. У них очень чёткое видение своей жизни.

В-пятых, не все волки-одиночки из салафитских пригородов. Некоторые из них из других частей столицы.

В-шестых, волки-одиночки готовы совершить окончательную жертву — самоубийственную атаку. Однако не все террористические атаки требуют самоубийственных взрывов.

В-седьмых, волков-одиночек предварительно готовят в специальных террористических тренировочных лагерях, где они получают «лицензию на терроризм». И когда они возвращаются, они больше не признают свою страну в качестве своего дома.

В следующей таблице мы попытаемся провести детальный сравнительный анализ, интерпретируя все три случая графически.

Таблица 1. Сравнительный анализ трёх случаев

Случай	Происхождение	Характер семьи	Первые критические контакты	Образование и работа	Воспитание в салафитском пригороде	Самоубийственные атаки	Отправка в лагерь
Случай Куаши	Алжирец, 2-е поколение	Сирота	Да, в тюрьме	Средняя школа, хорошая работа	Нет	Нет	Да
Случай Абаауда	Марроканец, 2-е поколение	Светская семья	Да, в Бельгии	Колледж, хорошая работа	Да	Нет	Да
Случай Лаашрауи	Марроканец, вырос в Европе	Светская семья	Да, в Сирии	Университет, хорошая работа	Нет	Да	Да

Терроризм волков-одиночек будет продолжать бросать тень на усилия международного сообщества по созданию более безопасного мира. Ни одно из этих усилий не будет эффективным до тех пор, пока нет чёткой стратегии противодействия угрозе радикализма и экстремизма. Стратегии, которая должна опираться на международное сотрудничество.

Перевод Барташевич А. А. Редактор перевода Огнев Д. А.

Литература и источники

1. Saul H. Charlie Hebdo attack: All 12 victims are named. The Independent. 2015 (last accessed on 30.01.2017).
2. Huggins A. Two Brothers Suspected in Killings Were Known to French Intelligence Services. The New York Times. 2015 (last accessed on 30.01.2017).
3. Samuel H. Charlie Hebdo attack: the Kouachi brothers and the network of French Islamists with link to Islamic State. London, The Daily Telegraph, 2015 (last accessed on 30.01.2017).
4. McDonald P. J. Suspected Paris attack mastermind's Europe ties facilitated travel from Syria. Los Angeles Times. 2015 (last accessed on 30.01.2017).
5. Waugh R. Who is Abdelhamid Abaaoud? 8 facts on alleged Paris terror mastermind. Metro News. 2015 (last accessed on 30.01.2017).
6. Cornet D. Paris attacks: "Mastermind" of attacks Abdelhamid Abaaoud turned back on fantastic life, says his father. The Independent. 2015 (last accessed on 30.01.2017).
7. Dalton M. Abdelhamid Abaaoud Had Been Arrested Multiple Times in Belgium. New York, Wall Street Journal. 2015 (last accessed on 30.01.2017).
8. Knapp E. 6 arrested in Brussels Police Operation after French Raids Foil Planned Terror Attack. Yahoo news. 2016 (last accessed on 30.01.2017).
9. Austin H. Naajim Laachraoui. 24. Bomb maker for Paris and Brussels attacks. The New York Times. 2016 (last accessed on 30.01.2017).

Информация об авторе:

Иванов Искрен — доктор политологии, главный ассистент Софийского университета имени святого Климента Охридского (Болгария, г. София), iskrenivanov789@yahoo.com.

Усольцев С. В., Флягин А. М.

**ВИЗУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В
МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ АНТИЭКСТРЕМИСТСКИХ
ВИДЕОРОЛИКОВ ЛАБОРАТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ «АВГУРА»)**

***Аннотация:** В статье авторы подводят промежуточные итоги работы Лаборатории социально-политических исследований «Авгура» в сфере создания профилактических роликов антиэкстремистской направленности. Информационные ролики являются одним из наиболее эффективных способов профилактики экстремизма. Кроме того, ролики, созданные сотрудниками лаборатории, находят позитивный отклик со стороны академического сообщества, региональной и муниципальных администраций, правоохранительных органов, учащейся молодежи.*

***Abstract:** In the article the authors summarize the results of the work of the Laboratory of Social and Political Studies «Avgura» in the field of creation of anti-extremist prophylactic videos. Information videos are one of the most effective ways to prevent extremism. In addition, the videos created by the staff of the laboratory find a positive response from the academic community, regional and municipal administrations, law enforcement agencies, and students.*

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, профилактика экстремизма, лаборатория социально-политических исследований, видеоролики, социальные сети.

Keywords: terrorism, extremism, prevention of extremism, Laboratory of Social and Political Research, videos, social networks.

Актуальной проблемой современности является рост экстремистских настроений, проявлений ксенофобии и терроризма, что подтверждается исследованиями, проведёнными Лабораторией социально-политических исследований при ООО «Экспертно-аналитическое агентство «Авгур» (далее ЛИСПИ) в рамках регионального мониторинга экстремистских проявлений [1], [2]. Всё это ведёт к росту напряжения в обществе и возникновению межнациональных и социальных конфликтов.

Одной из самых главных проблем, возникающих в результате повсеместного роста экстремистских и ксенофобных настроений, является такое деструктивное социальное явление, как молодёжный экстремизм. В основе молодёжных экстремистских организаций всегда лежит идеологическая практика, опирающаяся на идеи защиты своих интересов и достижения целей посредством применения крайних, в том числе насильственных методов, использования манипулятивных методик, предубеждений, заблуждений и фобий.

В настоящее время экстремистские настроения в молодёжной среде находятся на довольно высоком уровне и продолжают расти. Всё это выливается в повышенный уровень ксенофобии в отношении к исламу, падение уровня авторитета и доверия к РПЦ, рост симпатий к национализму и А. Гитлеру, рост интереса к нацистской, околонуцистской и прочей запрещённой символике и т. д. С другой стороны, остаётся некоторое количество индивидов, совершенно безграмотных с исторической и правовой точки зрения, либо введённых в заблуждение вербовщиками экстремистских организаций. Эти индивиды без особых раздумий выкладывают в интернет свои фото, где они «зигуют» на фоне вечного огня, либо публикуют на своих страницах в социальных сетях материалы, находящиеся в федеральном списке экстремистских материалов, тем самым попадая под прицел правоохранительных органов, которые, как правило, наказывают незадачливых экстремистов штрафами.

В эпоху расцвета интернета поле битвы за умы людей переместилось на просторы социальных сетей. Появилась возможность распространять свои мысли и идеи на широкий неопределённый круг лиц без значительных затрат ресурсов. Это, в свою очередь, привело к появлению виртуальных вариантов вербовочной деятельности и пропаганды идей терроризма, и экстремизма, распространению материалов, призывающих к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, что продолжает оставаться одной из причин, способствующих совершению преступлений экстремистской направленности и террористического характера. По данным МВД 2/3 преступлений экстремистской направленности совершаются именно с помощью сети Интернет. Всё большую популярность приобретает возможность использования экстремистски настроенными лицами популярных социальных сетей.

Согласно исследованию, проведённому ЛИСПИ, наиболее популярной среди молодёжи является социальная сеть «ВКонтакте». По данным четырёх волн мониторинга, проведённого сотрудниками лаборатории в период весны 2015 г. – осени 2016 г. [1], [2], статус самой популярной социальной сети среди молодёжи сохраняется за сайтом «ВКонтакте», причём со временем динамика популярности этого ресурса только увеличивается, и на момент проведения 4-й волны мониторинга около 97% опрошенных регулярно пользуются этой социальной сетью. Вторая по значимости социальная сеть «Одноклассники» объединяет и пользуется повышенным спросом у людей среднего и старшего возраста (ей пользуются около 50% опрошенных), а самый популярный среди интеллектуальной элиты глобальный социальный ресурс «Facebook» интересен лишь 27% респондентов [3].

В целях информационного противодействия экстремистской деятельности в молодёжной среде и в целях повышения общего уровня информированности молодёжи в сфере антиэкстремистского законодательства, а также повышения исторической грамотности Лабораторией социально-политических исследований был разработан план выпуска серии профилактических информационных роликов и фильмов антиэкстремистского содержания, направленных на предупреждение экстремистской деятельности. Эта задача стала реализовываться сотрудниками лаборатории С. В. Усольцевым и А. М. Флягиным.

Для видеороликов был выбран формат коротких информационных видео (от 3 до 14 минут), в которых демонстрируются максимально наглядные материалы, сопровождающиеся закадровым голосом диктора. Закадровый текст подбирается таким образом, чтобы избежать сухости формального юридического языка, не искажая смысла правовых норм. Таким образом, озвучка ролика — это баланс между буквой закона, информативностью и способностью заинтересовать целевую аудиторию через использование доступного ей языка. Наполнение видеоряда, в первую очередь, исполняет иллюстративную функцию: в нём приводятся изображения страниц документов, тексты правовых норм, изображения запрещённой символики и т. д. Вторичной функцией видеоряда является усиление эмоционального воздействия на зрителя путём включения кадров массовых беспорядков, столкновений, исторической кинохроники.

Так как главной целевой аудиторией информационных видеороликов являются молодёжь школьного возраста и студенты — главными площадками их распространения стали популярные среди молодёжи социальная сеть «ВКонтакте» (через группу ResPublica: https://vk.com/res_publicum, страницы преподавателей, общественных деятелей, страницу «Полиция Кузбасса»: <https://vk.com/policekuzbassa>) и видеохостинг «YouTube» (ссылка на канал лаборатории: <https://www.youtube.com/channel/UCacEOoJ3bfXOF03cqTyk4-Q>). Кроме этого, демонстрация профилактических видеороликов проходит и во время проводимых лабораторией социально-политических исследований мероприятий: таких как круглые столы, международные скайп-форумы, выездные лекции руководителя лаборатории В. В. Шиллера, а также ролики распространяются среди школьников и студентов через преподавателей и размещаются на официальном сайте Главного управления МВД России по Кемеровской области (ссылка на ресурс: <https://42.мвд.рф>) в раздел «Антиэкстремистские видеоролики».

На данный момент сотрудниками лаборатории снято и смонтировано пять информационных видеороликов антиэкстремистской направленности, которые размещены в сети Интернет:

- 1) «Видео 1. Экстремизм. Понятие, признаки, видовой состав». Первым созданным видеороликом был ролик посвященный непосредственно понятию «экстремизм». Как можно понять из названия, в ролике было дано определение экстремизму, рассказано о формах его проявления, а так же признаках, по которым действие классифицируется как экстремистское.
- 2) «Интернет, социальные сети и экстремизм. Вербовка. Мнение экспертов». Данный ролик содержит экспертные мнения о роли социальных сетей и интернета в распространении экстремистских идей и вербовке в экстремистские организации. В рамках ролика эксперты В. В. Желтов, А. Н. Старостин, В. В. Шиллер и В. А. Вольхина давали характеристику виртуальным социальным сетям, оценивая их как мощный инструмент вербовки молодёжи в деструктивные организации, осуществляемый по типовой трёхэтапной схеме, разработанной и используемой ещё вербовщиками из «Аль-Каиды».
- 3) «Видео 2. Экстремизм. Причины, примеры и ответственность». В данном ролике повторяется определение экстремизма, данное в первом видео, рассказывается о причинах массовых экстремистских настроений и проявлений, а также разоблачается ложь и несостоятельность некоторых экстремистских материалов (текстов,

демотиваторов и т. Д.), с помощью которых радикально настроенные личности пытаются манипулировать общественным мнением.

Данный видеоролик, созданный сотрудниками ЛСПИ С. В. Усольцевым и А. М. Флягиным, занял II место на областном конкурсе «Лучший социальный видеоролик» в номинации «Профилактика проявлений экстремизма и терроризма». Награждение состоялось в рамках форума «О противодействии антисоциальным явлениям в молодёжной среде». Помимо почётных грамот от Департамента образования и науки Кемеровской области, команда эксперта в области экстремизма В. В. Шиллера получила сертификат на сумму 5000 рублей и грамоту от прокуратуры Центрального района города Кемерово.

- 4) «Административная ответственность за экстремистскую деятельность. Ст. 20.3. КоАП РФ». С этого видео начинается серия видеороликов, посвящённая административной ответственности за экстремистскую деятельность. В ролике развенчивается используемый экстремистами миф о том, что любое дело, возбуждаемое по экстремистским материалам, размещённым в социальных сетях, является уголовным и заканчивается тюрьмой. Также в видео подробно и с примерами разбирается статья 20.3. КоАП РФ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены». В видеоролике кратко рассматриваются основные атрибуты и примеры символики, запрещённой в России, такие, как свастика, символ СС, герб Национал-социалистической рабочей партии и нацистской Германии, флаг ИГИЛ, символы ДПНИ, НБП, Северного Братства, а также некоторые символы, сходные со свастикой до степени смешения (коловрат, символы РНЕ, Славянского Союза), за которые неосторожный или неосведомлённый пользователь социальных сетей может получить штраф.
- 5) «Административная ответственность за экстремистскую деятельность. Ст. 20.29. КоАП РФ». Второй видеоролик из серии, посвящённой административной ответственности за экстремистскую деятельность. В нём так же, как и в предыдущем ролике, подробно разбирается уже другая «экстремистская» статья, а именно, статья 20.29. КоАП РФ «Производство и распространение экстремистских материалов». Так как данная статья предусматривает ответственность в первую очередь за массовое распространение экстремистских материалов, включённых в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, в ролике подробно рассказывается об этом списке, размещённом на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации, а также в качестве примера демонстрируются некоторые записи из списка экстремистских материалов, такие как книга Адольфа Гитлера «Майн Кампф», работа Бенито Муссолини «Доктрина фашизма», книга М. С. Марцинкевича «Реструкт! Книга Максима Тесака». Также в качестве примера запрещённых экстремистских материалов приводятся религиозная литература Свидетелей Иеговы, деятельность которых запрещена на территории РФ, литература псевдоисторического характера — «Велесова книга» и «Славяно-арийские веды веды», большое количество аудиокomпозиций, принадлежащих популярным среди молодёжи группам «Коловрат», «25/17», «Корейские ЛЁДчики», фильм «Вечный жид», а также символика, в том числе популярный среди молодёжи коловрат, признанный сходным до степени смешения со свастикой и внесённый в список под номером 947 и т. д.

Опыт демонстрации и распространения данных роликов нашёл позитивный отклик со стороны академического сообщества, региональной и муниципальных администраций, правоохранительных органов. Отмечалось, что студенческие и школьные группы, которым демонстрировались данные ролики и которые выступали в роли своеобразной фокус-группы,

также давали позитивную оценку продемонстрированным материалам как доступным для восприятия, интересным и полезным.

Информационные ролики являются одним из наиболее эффективных способов профилактики экстремизма. В настоящее время они становятся всё более популярными в России наряду с социальной рекламой, и в связи с этим необходимо активное их использование в качестве инструмента формирования общественного мнения, правдивого информирования подростков об ответственности за экстремизм, а так же разоблачении той лжи, которой сторонники экстремистских идей пичкают свои жертвы.

Именно поэтому сотрудники лаборатории не собираются останавливаться на достигнутом. В ближайших планах ЛСПИ создание ещё около семи профилактических и информационных видеороликов антиэкстремистского характера. Кроме того, в рамках проведения очередной волны мониторинга, планируется исследование эффективности видеороликов.

Литература

1. Шиллер В. В., Вольхина В. А. Концепция регионального мониторинга экстремистских проявлений: перспективы практической реализации в Кемеровской области // Политические институты и процессы. № 2. 2015. С. 44–56.
2. Шиллер В. В., Вольхина В. А. Динамика экстремистских настроений учащейся молодёжи Кемеровской области (по данным регионального мониторинга экстремистских проявлений) // Политические институты и процессы. 2016. № 2. С. 44–56.
3. Шиллер В. В. Интернет и виртуальные социальные сети как инструмент вербовки adeptов в экстремистские организации: основные алгоритмы и технологии // Политические институты и процессы. 2016. № 4. С. 57–65.

Информация об авторах:

Усольцев Семён Викторович — магистрант второго года обучения КемГУ, старший научный сотрудник лаборатории социально-политических исследований при ООО «Экспертно-аналитическое агентство «Авгур», semwaystamp@mail.ru.

Флягин Артём Михайлович — магистрант второго года обучения КемГУ, старший научный сотрудник лаборатории социально-политических исследований при ООО «Экспертно-аналитическое агентство «Авгур».

Шапкина Е. В., Шиллер В. В.

ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ «АВГУРА»: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ И ПРИМЕНЯЕМЫЕ МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация: В данной статье авторы рассматривают продолжение работы Лаборатории социально-политических исследований «Авгура» по основным направлениям: мониторинг экстремистских настроений и проявлений в молодёжной среде, подготовка новых мониторинговых проектов, изучение исламского терроризма. Полученные результаты

исследований позволили вести информационно-просветительскую и профилактическую работу для противодействия деструктивным идеологиям: чтение лекций, проведение научно-практических семинаров, скайп-конференций, создание информационно-аналитических продуктов в форме видеороликов антиэкстремистского содержания и т. д.

Abstract: In this article the authors consider the continuation of the work of the Laboratory of Social and Political Research "Augur" in the main areas: monitoring of extremist attitudes and manifestations among the youth, preparation of new monitoring projects, studying of Islamic terrorism. The achieved research results made possible conducting information and educational and preventive work to counteract destructive ideologies: lecturing, conducting scientific and practical seminars, Skype conferences, creating information and analytical products in the form of anti-extremist content videos, etc.

Ключевые слова: Лаборатория социально-политических исследований, диагностика и профилактика экстремизма, изучение терроризма.

Keywords: Laboratory of Social and Political Research, diagnosis and prevention of extremism, studying of terrorism.

В конце 2016 – начале 2017 года Лаборатория социально-политических исследований при ООО «Экспертно-аналитическое агентство «Авгур» продолжила работу по основным направлениям: мониторинг экстремистских проявлений, изучение исламского терроризма, чтение лекций антиэкстремистской и антитеррористической направленности, основанных на проведённых исследованиях, проведение научно-практических семинаров, создание информационно-аналитических продуктов в форме видеороликов антиэкстремистского содержания, участие и проведение круглых столов, координационных советов, конференций и скайп-форумов для обмена опытом, в том числе и с зарубежными учёными.

В рамках мониторинга экстремистских настроений и проявлений было проведено 4 волны мониторинговых замеров, опрошено около 4000 респондентов. Промежуточные результаты работы лаборатории нашли своё отражение в публикациях В. В. Шиллера и В. А. Вольхиной «Динамика экстремистских настроений учащейся молодёжи Кемеровской области (по данным регионального мониторинга экстремистских проявлений)» // Политические институты и процессы. 2016. №2. С. 44–56), В. В. Шиллера и И. С. Мегиса «Диагностико-профилактические возможности регионального мониторинга экстремистских настроений и проявлений (по материалам Кемеровской области)» // Стоп-ИГИЛ! Урал против экстремизма и терроризма: сборник статей и материалов. Екатеринбург, 2016. С. 78–90).

Лабораторией планируется запуск новых мониторинговых проектов, в том числе регионального мониторинга этноконфессиональных конфликтов, концепция которого уже создана и апробирована в рамках кандидатской диссертации В. В. Шиллером на кузбасском материале ещё в начале 2000-х годов, и мониторинга криминализации сознания учащейся молодёжи Кузбасса. Пилотное исследование, нацеленное на оценку корректности сформулированных вопросов и их способность решать поставленные диагностические задачи, было проведено в ноябре – декабре 2016 года в Городском классическом лицее г. Кемерово среди учащихся 9 классов, и в марте-апреле 2017 года среди учащихся СОШ № 2 п. Яя и Кемеровского профессионально-технического техникума. Полученные результаты продемонстрировали эффективность методики при диагностике состояния криминализации сознания учащихся.

В просветительской работе Лаборатория использует дискуссионную площадку, участники которой могут обмениваться мнениями по обсуждаемым вопросам и услышать экспертные оценки профессиональных политологов, социологов. Дискуссионный клуб «Pro et Contra», работу которого организовывали Артём Михайлович Флягин, Елена

Владимировна Шапкина Елена Владимировна, Семён Викторович Усольцев, получил высокую оценку и занял второе место на международном конкурсе практических проектов «Кавказ. Модель приграничного сотрудничества-2016». Событие проходило на базе Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) СКФУ в Пятигорске. Форум был посвящён обсуждению назревших в современном обществе проблем и связанных с ними тенденций, вопросам публичной дипломатии и приграничного сотрудничества, теме культурного, межрегионального и внешнеэкономического взаимодействия государств постсоветского пространства кавказского региона, а также сопредельных государств.

В открытом конкурсе практических проектов «Кавказ. Модель приграничного сотрудничества-2016» приняли участие 42 проекта, 17 из которых прошли экспертный отбор. География отобранных проектов представлена следующими странами: Армения, Грузия, Россия и Турция. С очным участием было заявлено 7 проектов, с заочным участием — 10 проектов. Представленные практические проекты были направлены на решение актуальных вопросов в области приграничного и межтерриториального сотрудничества стран кавказского региона и сопредельных государств.

Заведующим лабораторией В. В. Шиллером с начала 2017 года в образовательных учреждениях общего и профессионального уровня, органах региональной исполнительной власти и местного самоуправления, силовых структурах региона, включая ГУ МВД России по Кемеровской области и Следственное управление следственного комитета России по Кемеровской области, был прочитано 15 лекций и проведено 5 семинаров антиэкстремистской направленности, основанный на проведённых исследованиях.

2 марта 2017 года лабораторией был организован и проведён Международный скайп-форум «Технологии и методики вербовки молодёжи в деструктивные религиозные объединения: российский и региональный опыт». В форуме приняли участие ведущие учёные и специалисты в области противодействия экстремизму из Софийского университета имени святого Климента Охридского (Болгария, г. София), Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва (Казахстан, г. Астана), Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (г. Новосибирск), Сибирского государственного индустриального университета (г. Новокузнецк).

В качестве экспертов выступили заведующий лабораторией социально-политических исследований при экспертно-аналитическом агентстве «Авгур», кандидат исторических наук, доцент В. В. Шиллер, доктор философских наук, профессор В. В. Желтов, кандидат

филологических наук Н. В. Обелюнас и имам соборной мечети «Мунира» Рубин Муниров, а также профессор Т. А. Дронзина (Софийский университет), кандидат политических наук,

доцент А. М. Барсуков (СИУ РАНГХиГС), кандидат исторических наук, доцент А. В. Шмыглёва, кандидат юридических наук, доцент А. Б. Диваев, кандидат исторических наук, доцент О. Я. Гутак, кандидат исторических наук, доцент Д. И. Оршанский, кандидат исторических наук, доцент А. А. Костюков, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Н. Е. Анохина (СибГИУ), кандидат филологических наук, доцент А. А. Бейсенкулов, кандидат политических наук М. Ю. Онучко; кандидат политических наук, доцент М. К. Тулебаева, магистр политологии, старший преподаватель кафедры политологии Е. Ф. Сергазин, магистр политологии, старший преподаватель кафедры телерадио и связей с общественностью Л. К. Бекеева (ЕНУ), сотрудники Лаборатории социально-политических исследований В. А. Вольхина, И. С. Мегис, А. А. Столбов, С. В. Усольцев и А. М. Флягин, выступивший в качестве модератора.

Работу форума открыл Виктор Васильевич Желтов. В своём выступлении он отметил особую актуальность и необходимость тщательного изучения феномена вербовки в террористические организации радикального толка. Затем слово взял Вадим Викторович Шиллер, осветивший ключевые принципы, механизмы и методы вербовки молодёжи в экстремистские организации, ссылаясь на конкретные примеры деятельности подобных структур.

После того как были озвучены экспертные мнения по проблемам форума, состоялось их обсуждение с разных точек зрения, в том числе с позиций критики абсолютизации роли социально-экономических факторов как главного мотива подверженных вербовке людей. Было отмечено, что зачастую вербовщики играют на индивидуальных слабостях молодёжи, используя манипулятивные техники для привлечения как можно большего числа сторонников.

В ходе работы форума были рассмотрены как универсальные, так и специфические технологии вербовки и методики «перепрограммирования сознания», применяемые эмиссарами деструктивных религиозных объединений, использование интернета при осуществлении вербовочной деятельности, факторы, побуждающие людей быть восприимчивыми к применяемым технологиям и методам вербовки в деструктивные религиозные объединения.

Результатом мероприятия стал продуктивный обмен опытом в области профилактики вербовки молодёжи в деструктивные религиозные объединения. Кроме того, были намечены пути реализации усилий по борьбе с этой проблемой, предложены меры противодействия применяемым технологиям и методам вербовки эмиссарами деструктивных религиозных объединений.

Следующей формой совместной работы Лаборатории социально-политических исследований «Авгур» совместно с СибГИУ, Евразийским национальным университетом им. Л. Н. Гумилёва (Казахстан, Астана) и Софийским университетом имени святого Климента Охридского (Болгария, г. София) станет международная научно-практическая конференция

«Терроризм в цифровую эпоху: международный и страновой аспекты», запланированная на конец мая - начало июня 2017 г.

14 марта в Университетском техникуме информационных технологий, экономики и права Кемеровского института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова В. В. Шиллер прочёл лекцию «Экстремизм. Понятие, причины, видовой состав. Мониторинг экстремистских настроений и проявлений в молодёжной среде». Студенты познакомились с видами экстремистской деятельности, с административной и уголовной ответственностью за экстремистскую деятельность, с экстремистскими организациями, с символикой организаций, запрещённых в России, посмотрели видеоролики, получили ответы на интересующие их вопросы.

6 апреля в Центре по работе с населением «Надежда» для сотрудников и активистов жилого района Промышленновский г. Кемерово В. В. Шиллер прочёл лекцию «О проводимых информационно-пропагандистских мероприятиях по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности в образовательных учреждениях города Кемерово».

19 апреля на базе КемТИППа для студентов был проведен научно-практический семинар на тему «Экстремизм. Причины, примеры и ответственность». Со студентами

университета встретились консультант департамента административных органов администрации Кемеровской области, член антитеррористической комиссии в Кемеровской области Сергей Павлович Кондратьев, инспектор отдела информации и общественных связей ГУ МВД России по Кемеровской области, капитан внутренней службы Ольга Александровна Марченко, к. и. н., доцент КемГУ, заведующий лабораторией социально-политических исследований ООО «Экспертно-аналитическое агентство «Авгур» Вадим Викторович Шиллер.

О. А. Марченко и В. В. Шиллер рассказали студентам об основных видах и формах проявления экстремизма, об административной, уголовной и социальной ответственности за осуществление экстремистской деятельности. Студенты узнали, как не попасть на уловки экстремистов, как распознать символику противозаконных организаций, и что делать, если пришлось столкнуться с поведением, причиняющим вред общепринятым гражданским, социальным и моральным нормам.

Студенты с большим интересом просмотрели и обсудили социальные видеоролики по профилактике экстремизма в молодёжной среде, подготовленные командой Лаборатории.

Результаты исследования исламского терроризма были опубликованы в монографии под авторством В. В. Желтова и М. В. Желтова «Исламский терроризм: радикализация, рекрутирование, индоктринация» (Кемерово, 2017). Книга посвящена рассмотрению одной из сложнейших проблем современности — исламскому терроризму, который в последние годы вступил в новую полосу своего развития, связанного с попыткой создания ДАИШ (Исламского государства Ирака и Леванта). Это запрещённое в России государство представляет собой одну из самых опасных организаций в истории человечества и рассматривается его создателями как шаг на пути возрождения на Ближнем Востоке всемирного халифата.

Сотрудники Лаборатории С. В. Усольцев и А. М. Флягин приступили к созданию информационно-аналитических продуктов в виде роликов антиэкстремистского содержания, которые размещаются на созданном специально с этой целью канале лаборатории на ресурсе

YouTube (ссылка на канал Лаборатории: <https://www.youtube.com/channel/UCacEOoJ3bfxOF03cqTyk4-Q>).

В настоящее время изготовлено пять видеороликов: «Экстремизм. Понятие, признаки, видовой состав», «Интернет, социальные сети и экстремизм. Вербовка. Мнения экспертов», «Экстремизм. Причины, примеры и ответственность», «Административная ответственность за экстремистскую деятельность. Статья 20.3 КоАП РФ» и «Административная ответственность за экстремистскую деятельность. Статья 20.29 КоАП РФ».

Видеоролик «Экстремизм. Причины, примеры и ответственность» получил второе место на областном конкурсе «Лучший социальный видеоролик» в номинации «Профилактика проявлений экстремизма и терроризма». Создание таких видеопродуктов играет большую роль в профилактике антисоциальных, в том числе экстремистских настроений в молодёжной среде. Видеоролики представляют собой оптимальную форму подачи профилактической информации. Они распространяются в сети Интернет и используются в качестве методических материалов на лекциях антиэкстремистской и антитеррористической направленности.

Заведующий лабораторией В. В. Шиллер выступал экспертом, давая интервью и комментарии в следующих изданиях:

1. В Кемерове обсудили вопросы профилактики деятельности экстремистских движений: <http://mitropolit.info/2015/10/25/53983>;
2. В Кузбассе зафиксирован рост националистических настроений среди молодежи <http://sibdepo.ru/news/v-kuzbasse-zafiksirovan-rost-natsionalisticheskikh-nastroenij-sredi-molodezhi.html>;
3. В поисках противодействия: <http://www.kemsu.ru/articles-4176#ad-image-3>;
4. Выступление на заседании Общественной палаты Кемеровской области: <http://www.opko42.ru/index.php/news/3290-23-10-2015>;
5. Держать руку на пульсе: <http://www.kemsu.ru/articles-3284>;
6. Кузбасская молодёжь сочувствует националистам: <http://kuznya.info/kuzbass/kuzbasskaya-molodezh-sochuvstvuet-natsionalistam>;
7. Кузбасские священники работают вместе с вероятными последователями Тесака: <http://mediakuzbass.ru/news/76428.html#/news-text>;
8. Наши сети притащили... подлеца: <http://kuzbass85.ru/2015/11/24/nashi-seti-pritashhili-podletsa/>;
9. Среди кузбасской молодежи усилились националистические настроения: <http://news.vse42.ru/feed/show/id/26052871>;
10. Лекция об экстремизме: http://kuzstu.ru/news/society/lecture_on_extremism/;
11. Кузбасские эксперты обсудили способы противодействия экстремизму: <http://kemerovo.bezformata.ru/listnews/sposobi-protivodejstviya-ekstremizmu/45350658/>;
12. Семинар-совещание КДМ: <http://www.dmps-kuzbass.ru/press/news/?id=3021>;
13. Противостояние согласием: <http://www.kemsu.ru/articles-4620#ad-image-5>;
14. Россия и Турция: «Что же мешает стать нам братьями?»: <http://gazeta.a42.ru/lenta/show/rossiya-i-turtsiya-cto-zhe-meshaet-to-stat-nam-bratyami.html>;
15. Россия и Турция: «Что мешает стать нам братьями?», часть 2: <http://gazeta.a42.ru/lenta/show/rossiya-i-turtsiya-cto-meshaet-stat-nam-bratyami-chast-2.html>;
16. Россия и Турция: «Черкесский вопрос»: <http://gazeta.a42.ru/lenta/show/rossiya-i-turtsiya-cherkesskiy-vopros.html>;
17. Кемеровчане увидят фильм священника о сектантстве и экстремизме: <http://sibdepo.ru/news/kemerovchane-uidyat-film-svyashhennika-o-sektantstve-i-ekstremizme.html>;
18. Противодействие экстремизму: https://kuzstu.ru/news/society/countering_extremism/;

19. Экстремизм в соцсетях: как не получить срок за репост: <http://sibdepo.ru/reading/ekstremizm-v-sotssetyah-kak-ne-poluchit-srok-za-repost.html>;
20. Россия и Турция: «Турецкая разведка»: <http://vse42.ru/articles/27252583>;
21. Кузбасская молодёжь резко перестала постить в соцсетях экстремистские материалы: <http://sibdepo.ru/news/kuzbasskaya-molodyozh-rezko-perestala-postit-v-sotssetyah-ekstremistskie-materialy.html>;
22. Кемеровские и болгарские учёные выяснят, как молодёжь вербуют в террористы: <http://sibdepo.ru/news/kemerovskie-i-bolgarskie-uchyonye-vyyasnyat-kak-molodyozh-verbuyut-v-terroristy.html>;
23. Открытая лекция для студентов юридического факультета РЭУ им. В. Г. Плеханова: <http://www.rea.ru/news/otkrytaya-lektsiya-dlya-studentov-yuridicheskogo-fakulteta/?type=meropriyatie>;
24. Кемеровские учёные на международном уровне обсудили проблемы экстремизма: <http://extremismu.net/?p=234#more-234>;
25. Международный скайп-форум «Технологии и методики вербовки в деструктивные религиозные объединения: российский и международный аспекты»: http://www.fjp.enu.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=1125%3A2017-03-07-11-44-01&catid=3%3A2011-07-04-16-43-09&lang=en;
26. «Группы смерти» и экстремисты в Сибири связаны напрямую: <http://fedpress.ru/interview/1756649>;
27. Как в экстремисты не попасть: <http://www.kuzbass.aif.ru/politic/kak-v-ekstremisty-ne-popast>;
28. Встреча студентов с представителями Духовного управления мусульман: <https://kptt.ru/index.php/k2/k2-category/item/511-vstrecha-studentov-s-predstavitelnyami-dukhovnogo-upravleniya-musulman>;
29. В Новокузнецке суд оштрафовал таджика: <http://sibdepo.ru/news/v-novokuznetske-sud-oshtrafoval-tadzhika-za-publikatsiyu-v-sotsseti-simvoliki-igil.html>;
30. В тюрьму за репост? Как не стать экстремистом в сети: <http://www.kuzbass.aif.ru/society/v-tyurmu-za-repost-kak-ne-stat-ekstremistom-v-seti>;
31. Экстремизм - проблема современности: <http://www.kemsu.ru/articles-5759#ad-image-0>;
32. Встреча с Шиллер В. В.: <http://kemerovo.rea.ru/news/vstrecha-s-shiller-v-v/>.

До конца календарного года лаборатория планирует издать монографию «Концепция регионального мониторинга экстремистских проявлений и настроений в молодежной среде: методы, принципы, практика», снять несколько видеороликов антиэкстремистской и антитеррористической направленности, а также запустить мониторинг этноконфессиональных конфликтов и «барометр» социально-политической обстановки в Кузбассе.

Информация об авторах:

Шапкина Елена Владимировна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы КемГУ, shapkinaev@mail.ru.

Шиллер Вадим Викторович — кандидат исторических наук, заведующий лабораторией социально-политических исследований при ООО «Экспертно-аналитическое агентство «Авгур», доцент КемГУ, shiller.vadim@yandex.ru.

Усольцев С. В.

ПОЛИТ-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ ВЕРБОВЩИКА В ЭКСТРЕМИСТКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: В статье автор классифицирует политико-психологические портреты и рассматривает основные типы потенциальных жертв вербовки в экстремистские организации.

Abstract: In the article the author categorizes political and psychological portraits and considers the main types of potential victims of recruitment into extremist organizations.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, профилактика экстремизма, вербовка, жертвы вербовки, психология, портрет.

Keywords: terrorism, extremism, prevention of extremism, recruitment, victims of recruitment, psychology, portrait.

В последнее время во всём мире остро встал вопрос усиления экстремизма, радикализации ислама и роста популярности националистических экстремистских группировок. И те, и другие группировки ведут непрестанную борьбу за влияние на простых граждан, которые являются объектами их вербовки. Раньше было принято считать, что экстремистами становятся из-за изначальной предрасположенности и симпатии к экстремистским идеям, либо ради наживы. Однако события последних лет и их анализ показали, что на самом деле всё не так просто.

В данной статье мы составим обобщённые политико-психологические портреты и разобьём основные типы потенциальных жертв вербовки в экстремистские организации.

Потенциальные жертвы вербовки

Дети

В первой категории опасности находятся подростки в возрасте от 10 до 17 лет. Неокрепшее детское сознание легче всего поддаётся на манипуляцию со стороны вербовщиков. Для них это является своеобразной игрой, которая со временем становится смыслом их жизни. Завлечь ребенка в экстремистскую организацию намного проще, чем подростка и тем более взрослого. Бойцы ИГИЛ, например, в захваченных городах на одной из площадей строили уличные кинотеатры, куда из любопытства сбегалась вся местная детвора. Террористы показывали им героические фильмы (собственного производства, о джихаде), устраивали игры, разучивали с ними весёлые кричалки. Таким образом, день за днём детей всё больше и больше тянуло к этой площади, где «добрые» и «улыбчивые» бородачи с автоматами, похожие на героев из тех фильмов, что им показывали, болтали с ними о жизни, угощали сладостями, и дети проводили там уже больше времени, чем дома. В отсутствии школ (а террористы ИГИЛ их закрывали) такие встречи с «героями» становились приятной альтернативой скучным занятиям в школе. Так постепенно дети втягивались в жизнь экстремистской организации, а вскоре уже бегали с автоматами в лагерях «юных джихадистов».

Воспитывая детей в экстремистском русле, экстремисты таким образом воспитывают своё будущее. Дети считаются более чистыми, так как они с детства воспитываются в духе экстремистской идеологии, а не приходят к ней сами во взрослом возрасте. Например, движение «Талибан» в Афганистане с середины 2015 года привлекло в свои ряды множество детей. По данным международной правозащитной организации Human Rights Watch (HRW),

в северной афганской провинции Кундуз талибы всё чаще используют медресе или исламские религиозные школы, чтобы обеспечить военную подготовку детей в возрасте от 13 до 17 лет. Талибы обучают и задействуют детей в различных военных операциях, включая производство и установку самодельных взрывных устройств (СВУ). Многие из обученных подростков уже участвовали в боевых действиях. По некоторым данным, дети в возрасте от 10 до 15 лет на стороне талибов принимали участие в боях за Кундуз осенью 2015 года.

Тем же путём пошли и террористы ИГИЛ. Использование детей как оружия характерно для военизированных сект. Однако ни ИГИЛ, ни «Талибан» не стали первооткрывателями в этой сфере. До них был Гитлер — с его гитлерюгендом. Позже, в конце 20 века, детей под свои знамёна призывали и различные повстанческие организации и секты [10].

Молодёжь

За подростками следуют молодые люди от 18 до 30 лет. В группе риска могут оказаться многие:

- замкнутые и малообщительные люди;
- кто недавно пережил горе или потерю близких;
- кто попал в острую или хроническую стрессовую ситуацию (конфликты, ссоры, череда неудач, развод, свой или родителей);
- молодёжь, ищущая смысл жизни, авторитета или учителя для подражания;
- максималисты;
- легко внушаемые люди со слабо развитым критическим мышлением, люди без образования;
- люди, чувствующие себя непонятыми, непризнанными, недооценёнными, люди, находящиеся в депрессии и переживающие духовный кризис.

Разберём подробнее некоторые основные типы потенциальных жертв вербовщиков.

Экстремистски ориентированная молодёжь

В первую очередь в поле зрения эмиссаров экстремистских организаций попадают лица, имеющие определённые наклонности к деструктивно-радикальной деятельности, склонные к восприятию экстремистских идей и вовлечению в экстремистские организации. Поиск данных людей вербовщиками осуществляется рядом способов:

а) изучение тематических форумов, где в поле зрения попадают наиболее активные ретрансляторы идей, тождественных либо наиболее близких идеологии экстремистской организации, агент которой ищет новых адептов; б) просмотр аккаунтов лиц, оставивших «лайк» или сделавших репост записи околоэкстремистского или экстремистского содержания; в) поиск видео и аудиозаписей экстремистского содержания с анализом страниц, на которых они размещены [7].

Среди основных черт радикально настроенных подростков можно отметить агрессию, отсутствие толерантности и негативное отношение к определённым социальным группам, пропаганду своих идей, неприятие социальных норм, игнорирование закона, массовость и демонстративность.

Как правило, экстремист воспринимает окружающий мир через призму примитивного чёрно-белого деления на хорошее и плохое, истинное и лживое. При этом окружающую действительность такие люди воспринимают как лживую и неправильную, а своё экстремистское мировоззрение — как истину. Также для предрасположенного к экстремизму человека не свойственна гибкость, широта и глубина мировоззренческого познания. Часто индивид реализует свои идеалы без учёта исторической реальной ситуации и вопреки ей. Также, как правило, экстремистские личности испытывают чувство одиночества, они бывают не приняты конкретным обществом и склонны создавать свои контркультуры, где,

маскируя свои ощущения отчуждённости от мира и неспособности «жить как все», создают представление о собственном совершенстве, выдающихся личных качествах.

Одним из важнейших и закрепляющих смысловых образований в сознании экстремиста является образ врага, который, обычно, насаждается извне путём манипулятивных действий. Враг — это некто или нечто чужое, принципиально отличающееся по внешнему или внутреннему устройству, либо противостоящее индивиду и группе к которой он себя причисляет.

В эмоциональной динамике для экстремистской личности характерна нестабильность и преобладание состояния эмоционального возбуждения, в то время как состояние спокойствия кратковременно и может сменяться приступами апатии, агрессии и возбуждения. Значительную роль в динамике эмоциональных переживаний экстремиста играют самые сильные эмоциональные переживания — аффекты. Причём в отличие от обычных аффектов, вызываемых случайными жизненными ситуациями, у экстремиста это нередко сознательно спланированные (идейные) аффекты. Экстремист подобно нарко- или адреналинозависимому нуждается в периодическом переживании сильных эмоций и аффективных состояний и нарциссическом самоутверждении, которые позволяют ему временно снять эмоциональную напряженность [1, с. 8].

Характерная для экстремистской личности социально-психологическая неустойчивость не позволяет ей принять многообразие мира, его культурные, социальные и мировоззренческие различия. Это также характерно для инфантильных личностей, не способных к взвешенным, зрелым решениям и суждениям. Именно поэтому экстремизм находит большой отклик у молодёжи, отражая их потребность в самоутверждении и защите самоидентификации [3].

В научной литературе выделяются следующие психологические качества экстремистской личности:

1) Ярая приверженность какой-либо идеологии вплоть до фанатизма и групповой нарциссизм предполагают наличие нарциссического радикала в структуре личности;

2) Экстремальность деятельности и ее группоцентрический характер предполагают преобладание групповой идентичности над самоидентичностью и слабую выраженность последней;

3) Ориентация на насилие и устрашение предполагает наличие выраженного параноидного радикала в структуре личности.

Данные особенности личности, проявленные в яркой форме, ведут к складыванию экстремистской личности, в более же мягкой форме могут проявляться в виде нетерпимости и ксенофобии [9, с. 28].

Однако это не означает, что жертвами вербовки становятся только уже сложившиеся как личность экстремисты или лишь люди, имеющие склонность к деструктивно-радикальной деятельности. От попадания в сети вербовщиков не застрахован никто.

Кризисная личность или человек в поиске смысла жизни (справедливости)

Очень часто стремление примкнуть к радикальным движениям связано с тем, что в обычной жизни молодые люди не находят каких-то идей и целей, которые бы придавали их жизни высокий смысл. В условиях духовного кризиса секулярной культуры эпохи постиндустриализма новой чумой современности стала массовая депрессия, порождённая невозможностью молодого человека найти себя в современном мире. У таких людей обычно возникают сложности в отношениях в каких-либо коллективах, в общении с противоположным полом и т. п.

Особенно данная ситуация усугубляется в условиях лагерей беженцев или общинах мигрантов, но о них мы поговорим позже.

Раньше считалось, что в террористы в основном идут представители беднейших слоёв ради заработка денег, однако анализ документа «Святые мученики Двуречья», включающего 430 биографий смертников «Аль-Каиды», показал, что среди них множество высокообразованных людей, которые имели хорошо оплачиваемую работу. Единственное, что их объединяло, — это отсутствие прочных социальных связей, приверженность к внешнему влиянию, ощущение непонимания и духовного кризиса [2].

Испытывая одиночество, душевную пустоту, горечь утраты близких и тому подобное, ослабленный и психически неустойчивый человек бессознательно (и сознательно) ищет что-то, что способно придать ему необходимые силы, этим и обуславливается желание человека присоединиться к какому-то радикальному движению или организации, тем более такому мощному и идеологически окрашенному, как ИГ. В радикальных организациях или тоталитарных сектах такой человек ищет необходимую поддержку и возможности самореализации, которые были ему не доступны в его обыденном мире. Вступление в организацию даёт кризисной личности ту необходимую ему опору, братьев по оружию и возможность реализовать себя во благо великой идеи.

Для людей, находящихся в кризисе, характерен повышенный уровень тревожности, низкий уровень самооценки, ощущение одиночества и непонимания, незнания как жить. Это приводит их к стремлению следовать правилам, догмам и авторитетам, которые чётко и по пунктам указывают человеку, как должна быть устроена его жизнь, кроме всего прочего это приводит к постоянному сопоставлению себя и своего поведения с жёсткой системой оценок и возникновению ригидности [8].

Благодаря членству в какой-либо группе, у кризисной личности появляется чувство принадлежности, сопричастности чему-то большему, чем они сами, что позволяет облегчить бремя изоляции или одиночества, снизить беспокойство перед будущим, повысить уровень адаптации в новой социальной реальности [5].

Ещё один мощный мотив для кризисной личности — вера. Поэтому одна из главных причин — то, что молодые люди не находят для себя в окружающей их среде ценностей, придающих смысл их существованию.

В сети вербовщиков ИГИЛ также попадают мобильные, думающие молодые парни и девушки, которые чем-то недовольны в их повседневной действительности. Обычно они ещё не имеют четкой сложившейся жизненной позиции, но ищут смысл жизни, ищут в ней идеи справедливости. Вербовщики разыскивают такую молодёжь на тематических форумах, в группах в социальных сетях, где молодые люди в наше время проводят довольно много времени. Вербовщик выслеживает жертву в обсуждениях к постам о политике, обществе. Статусы о несчастной любви на странице пользователя — тоже неплохой знак для вербовщика [11].

Развиваясь, религиозный фанатизм вкупе с жизненным кризисом могут привести человека к мысли о совершении самоубийственного теракта. Ведь после совершения данного «подвига» смертнику предлагается райская жизнь, где он будет лишён всех невзгод земной жизни — низкой самооценки, нереализованных амбиций, ощущения собственного ничтожества, а братья по оружию запомнят его героем.

Ключевую роль не социальных, а культурных и психологических проблем в вербовке выявило исследование, проведённое французским Центром борьбы против исламских сект. Согласно его данным, в деятельность радикальных исламистских организаций во Франции вовлекаются молодые люди, в основном принадлежащие к среднему классу (67%), в том числе выходцы из атеистических семей (80%) [12]. А это не удивительно, ведь проще всего вовлечь в экстремистскую организацию именно того человека, который плохо разбирается в исламе и не может отличить традиционный ислам от того, который ему преподносят эмиссары террористических организаций.

Люди в поисках приключений или скучающая личность

Данный тип потенциальных жертв несколько похож на тот, который мы рассматривали выше, однако в данном случае источником апатии, депрессии или агрессии индивида становится не кризис личности, а скука. Некоторым молодым людям, например, не хватает ярких впечатлений, принадлежности к какому-то великому делу, идее или проекту. И вместо того чтобы вступить в организацию «тимуровцев» и помогать бабушкам, они ищут возможности получения острых ощущений, посещая горячие точки мира и сражаясь на той или иной стороне конфликтов.

Необычный социальный эксперимент, проведённый учёными Эриком Игу из университета Лимерика (Ирландия) и его коллегой Вейнандом ван Тилбургом из Королевского колледжа Лондона (Великобритания), показал, что люди становятся более склонными к экстремальным политическим и религиозным взглядам в тех случаях, если они ведут скучную жизнь или работают на скучной работе [13].

Однако нельзя сказать, что это просто скука, это нечто большее. Это потеря смысла существования. Психоанализ давно поставил диагноз современному обществу: именно утрата смысла стала главным бичом человечества и источником большинства неврозов и депрессий.

Это отсутствие крупной идеи, отсутствие идеи служения. После распада СССР и прекращения идеологического противостояния между капиталистами и коммунистами возник идеологический вакуум, который так и не был заполнен. Скучающие, лишённые цели и идеологии личности отправляются в горячие точки, понимая, что могут погибнуть, однако взамен они получают острые эмоции и оправдание своего существования через религиозные трактовки или в виде глобальной социальной идеи.

Кроме того, скучающую личность привлекают радикальные исламские движения благодаря их экстремальности, яркой пропаганде вседозволенности, жёсткости, возможности почувствовать себя настоящим воином Аллаха.

Главными мотивами, побуждающими молодых людей переехать в «халифат», эксперты считают желание принять участие в создании идеального, с их точки зрения, государства и справедливого общества, стремление служить великой и благородной идее, а так же банальный приключенческий азарт [6].

Мигранты или «местные» террористы

Далее не менее важными являются социальные факторы. В западном мире есть проблема слабой интеграции исламских беженцев в европейское общество. Поэтому одной из важнейших целей вербовщиков остаются неблагополучные подростки-мусульмане из бедных кварталов. Такие люди легко попадают под влияние ИГ, проникаясь духом романтики исламского братства, причастности к большой идее и т. д. Этот тип потенциальных жертв вербовщиков также можно отнести к кризисному типу личности. В большинстве своём это люди, которых преследуют неудачи в получении образования, трудоустройстве и карьере из-за их происхождения и негативного отношения к ним со стороны местного коренного населения. Всё это ведёт к фрустрации и создаёт предпосылки для восприятия ими идей радикального ислама.

Обычно потенциальные жертвы вербовки среди мигрантов проживают в местах компактного проживания мусульман, они обычно малообразованны, безработные либо занимающиеся мелкой торговлей или работающие на фабриках. Такие места, например во Франции, получили название «чувствительных мест». В них на протяжении 2000-х гг. регулярно проходили противостояния групп радикально настроенной молодёжи с полицией, поджоги магазинов, машин и другие противоправные действия, в которых участвовали молодые люди из эмигрантской среды, многие из которых являлись безработными [4]. В

подобных местах воцарилась преступность, и появились благоприятные предпосылки для рекрутирования исламских террористов.

Франко-иранский социолог Ф. Хосрохавар провёл специальное исследование, в результате которого он смог разделить мусульманское сообщество Франции на три категории. В первую, которая составляет около 80%, входят те мусульмане, которые в большинстве своём восприняли европейские нормы и ценности. Во вторую категорию входят благочестивые мусульмане, чтущие традицию, их около 15%. В третью же входят ортодоксальные салафиты, отвергающие европейские ценности и пытающиеся жить по законам шариата. Согласно данным того же Хосрохавара, около тысячи мусульман из третьей категории являются членами закрытых исламистских организаций [4].

Что же касается России и, в частности, Москвы, то основной целевой аудиторией вербовщиков ИГИЛ в ней являются отнюдь не молодые студенты, а молодые мигранты из Средней Азии и бывших стран СНГ. По некоторым данным, число выходцев из мусульманских стран СНГ на период весны 2015 года варьировалось в районе 2–4 тысяч.

Специалисты

Ещё одна категория людей, попадающих под прицел вербовщиков, — это специалисты в различных сферах, прежде всего это студенты старших курсов вузов. Ученые, исследовавшие сайты ИГИЛ, обнаружили там так называемые job-desk, топовые позиции в которых занимают люди военных профессий, которые умеют разбираться в военной технике, оружии и тактике. На втором месте идёт head hunting за медиками всех категорий и квалификаций, в особенности за хирургами. Следом фокус вербовщиков перемещается на выпускников и студентов технических специальностей, связанных с горной и нефтедобычей, химической промышленностью и т. д. Далее ещё ряд позиций: лингвисты-переводчики, IT-специалисты, специалисты по рекламе и т. д. В этом нет ничего удивительного, ИГИЛ хоть и является квазигосударством, для полноценного функционирования ему нужны люди, и это не только безграмотные боевики, но и соответствующие специалисты, обеспечивающие на должном уровне медицину, промышленность и пропаганду.

Таким образом, в опасную зону в первую очередь попадают студенты военных, медицинских и технических вузов.

Наёмники

Также значительную, но далеко не основную роль играет и финансовая сторона вопроса. Для некоторых боевиков поступление на службу в ИГИЛ — это возможность хорошо заработать и устроиться в жизни. В этом плане отправка «на джихад» — просто экстремальная форма трудоустройства. Наёмники вступают в вооружённый конфликт на стороне экстремистских группировок не из идеологических, национальных, политических соображений (не принадлежат к так или иначе заинтересованной в исходе конфликта идеологической группе) и не в соответствии с воинской обязанностью, а ради выгоды. Большую часть наемников, вероятно, можно отнести к скучающим личностям, часто они могут иметь и экстремистское мировоззрение, однако главное, что их отличает от массы простых боевиков, идущих на смерть, это жажда наживы и неготовность умереть за чью-то идею. Что касается уровня образования наёмников террористической группировки ИГИЛ, то он в среднем выше, чем у их земляков из стран, откуда они прибыли. В частности, лишь 17% от 331 наемника не окончили старшую школу, в то время как четверть из них имеют высшее образование. При этом большинство опрошенных, заявили, что не были безработными до того, как присоединились к ИГ.

Заключение

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что основными жертвами вербовки в экстремистские организации являются подростки и молодёжь, которые легче

попадают под влияние вербовщиков. В первой категории опасности находятся подростки в возрасте от 10 до 17 лет. Использование детей как оружия характерно для военизированных сект. Их используют и как боевиков, и как средство пропаганды. В поле зрения эмиссаров экстремистских организаций также попадают лица, имеющие определённые наклонности к деструктивно-радикальной деятельности.

Стоит отметить, что ключевую роль в обращении людей к экстремистской идеологии играют не социальные, а культурные и психологические причины. Жертвами вербовки становятся неуверенные в себе люди, имеющие сложности в отношениях в каких-либо коллективах, в общении с противоположным полом, а также люди, находящиеся в поисках своего места в жизни, справедливости, острых ощущений или причастности к чему-то великому.

Также в опасную зону попадают студенты военных, медицинских и технических вузов. Что же касается наемников и финансовой стороны дела, то она играет далеко не главную роль в участии людей в деятельности радикальных движений.

Литература

1. Антонян Ю.М. Юрасова Е.Н. Экстремистское и террористическое поведение с позиции глубинной психологии // Актуально о глобальной угрозе. Научный портал МВД России № 2 (10). М.: ВНИИ МВД, 2010. С. 8.
2. В.А Соснин, Т.А Нестик, Современный терроризм: социально-психологический анализ, М. 2008 г. 2) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/terror20.htm> (Дата обращения: 03.05.2017).
3. Диль В. А. Современный экстремизм: тенденции развития и социокультурные модификации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 384. С. 46–49.
4. Желтов В.В., Желтов М.В. Исламский терроризм: радикализация, рекрутирование, индоктринация: монография. // Кемеровский государственный университет. Кемерово. 2017. С 68 -73.
5. Осипов В. А. Психологические особенности преступника-экстремиста // Молодой ученый. №8. 2017.
6. Тарадай Д. Как «Исламское государство» привлекает молодежь // «Русская служба ВВС» 2) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2015/06/150610_how_isis_recruits_people. (Дата обращения: 03.05.2017).
7. Шиллер В. В. Интернет и виртуальные социальные сети как инструмент вербовки адептов в экстремистские организации: основные алгоритмы и технологии // Политические институты и процессы. 2016. № 4. С.57-65.
8. Ю. М. Антонян. Экстремизм и его причины. М.: Логос, 2010. С. 140.
9. Юрасова Е. Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. 2008. N 4. С. 28.
10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://life.ru/t/%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BB/948106/kanikuly_s_ighil (Дата обращения: 03.05.2017).
11. «За кем охотится ИГИЛ?» 2) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etokavkaz.ru/molodezh/za-kem-okhotitsya-ig> (Дата обращения: 03.05.2017). 6
12. Rapport: pourquoi ces jeunes sont attirés par le Jihad // Le Parisien. 17 ноября 2014. 2) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.leparisien.fr/faits-divers/rapport-pourquoi-ces-jeunes-sont-attires-par-le-jihad-17-11-2014-4299381.php> (Дата обращения: 03.05.2017).

13. Wijnand A. P. Van Tilburg, Eric R. Igou Going to political extremes in response to boredom // European Journal of Social Psychology. Volume 46, Issue 6. 2016.

Информация об авторе:

Усольцев Семён Викторович — магистрант второго года обучения КемГУ, старший научный сотрудник лаборатории социально-политических исследований при ООО «Экспертно-аналитическое агентство «Авгур», semwaystamp@mail.ru.

Васильева Р. П., Огнев Д. А.

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ

Аннотация: В статье идентифицируются понятия социализм и коммунизм. На основе анализа программных текстов К. Маркса осуществляется дифференциация этих понятий.

Abstract: The article identifies the concepts of socialism and communism. On the basis of the analysis of Karl Marx's program texts, these concepts are differentiated.

Ключевые слова: социализм, коммунизм, марксизм.

Keywords: Socialism, Communism, Marxism.

В политологической литературе понятия «социализм» и «коммунизм», как правило, представлены как две последовательные фазы, в сущности, одного явления. Так, в учебнике А. Ю. Мельвиля читаем: «Социализм (3) — низшая фаза коммунистической общественно-экономической формации в трудах К. Маркса и его последователей» [1, с. 590]. Таким образом, разграничение двух этих понятий возводится к самому Марксу, который и ввёл их в оборот в том смысле, в каком они употребляются наиболее часто по настоящий момент. А. П. Кабаченко в книге «История мировой политики» разделяет «социалистическое» и «коммунистическое движение», именно второе ассоциируя с Марксом, в то время как первое, по-видимому, с утопическим социализмом Сен-Симона, Фурье и Оуэна. При этом коммунизм охарактеризован им как «конечная цель пролетарской революции», т. е. как и Мельвиль, он понимает его как «вторую фазу», возводя это понимание к Марксу [2, с. 83–84]. Следует отметить, что понимание социализма как первой фазы развития коммунизма присуще не только российской, но и зарубежной науке. Так, Джеймс Дорн, вице-президент Института Катона и главный редактор «Cato Journal» в статье «Отделить экономику от политики: к политическим основам свободы» называет социализм первой стадией коммунизма [3, с. 144].

Однако у другого, не менее авторитетного автора, бывшего, к тому же, современником становления и развития социализма в Европе, Людвига фон Мизеса, находим следующее: «В работах Маркса и Энгельса термины коммунизм и социализм являются синонимами. Они используются по очереди и между ними не делается различия. Так это и сохранялось в практике всех марксистских групп и сект вплоть до 1917 года. Марксистские политические партии, которые относились к Коммунистическому манифесту, как к непререкаемому евангелию своей веры, называли себя партиями социалистическими. [...] Ни одному марксисту до 1917 года и в голову не приходило отделять коммунизм от социализма» [3, с. 121]. Откуда же в таком случае взялось ставшее общепринятым разграничение указанных понятий?

Ответ на этот вопрос мы находим в той же работе Мизеса: «Те марксисты, которые не подчинились Московскому диктату, называли себя социал-демократами, или социалистами. Для них было характерно убеждение, что наилучшим способом перехода к социализму, — конечная цель, роднившая их с коммунистами — было завоевание поддержки большинства населения. Они отбросили революционную риторику и обратились к демократическим методам борьбы за власть. Их не заботила проблема: совместим ли социализм с демократией. Но ради перехода к социализму они были готовы ограничить себя демократическими методами.

Коммунисты, напротив, в первые годы Коминтерна были твёрдыми приверженцами принципа революции и гражданской войны. Послушные только своему русскому вождю, они выбрасывали из своих рядов каждого заподозренного в том, что для него законы страны важнее, чем приказы партии. Кровавые мятежи и заговоры — такова была их жизнь» [3, с.

126]. Тем самым по Мизесу именно Ленин стоит у истоков разграничения социализма и коммунизма: «Ленин не делал различия между социализмом и коммунизмом как социальными системами. Его целью не был коммунизм как противоположность социализма. Официальное имя страны было Союз Советских Социалистических (не коммунистических) республик. В этом плане он не собирался менять традиционную терминологию, в которой оба термина были синонимами. Он назвал своих последователей, единственных искренних и надёжных защитников революционных принципов ортодоксального марксизма, *коммунистами*, а их тактику — *коммунистической*, дабы отличить их от „вероломных выкорышек капиталистических эксплуататоров“, продажных лидеров Социал-демократии вроде Каутского и Альбера Тома» [3, с. 126]. Это объясняет, почему Кабаченко, характеризуя социалистическое движение, отмечает его приверженность *умеренным парламентским реформам* [2, с. 83].

Насколько прав Мизес, возлагая ответственность за разграничение социализма и коммунизма на Ленина? Действительно ли ему удалось обмануть всех последующих читателей Маркса, заставив их своим авторитетом видеть в текстах Маркса то, чего в них нет?

Мизес не совсем прав, утверждая, что у Маркса и Энгельса социализм и коммунизм выступают синонимическими понятиями. Обратившись к тексту «Манифеста Коммунистической партии», мы увидим, что понятия социализм и коммунизм упоминаются в нём параллельно: «социалистическая и коммунистическая литература», «социалистические и коммунистические системы», «социалистические и коммунистические сочинения», «критически-утопический социализм и коммунизм». При этом, характеризуя предыдущие формы выражения этой идеологии, авторы Манифеста говорят о *социализме*: реакционном — феодальном, мелкобуржуазном, немецком, или «истинном», — и консервативном, или буржуазном. И только при характеристике последней формы, критически-утопического социализма, хронологически близкого провозглашаемому Марксом и Энгельсом, рядом с понятием «социализм» появляется понятие «коммунизм». Это наталкивает на иной, чем у Мизеса, вывод: Маркс и Энгельс действительно разделяют социализм и коммунизм, называя коммунизмом ту форму социализма, которую они пропагандируют сами и противопоставляют всем предшествующим.

Пойдём далее по канве, вышитой Мизесом, и рассмотрим другую работу Маркса, на которую он ссылается — «Критику Готской программы». Говоря об обществе будущего, Маркс неизменно говорит о *коммунистическом* обществе, при этом в самой разбираемой им программе речь идёт об обществе *социалистическом*: «Исходя из этих принципов, германская рабочая партия добивается всеми законными средствами свободного государства — и — социалистического общества» [5, с. 23]. Как указывает Мизес, «в критике Готской программы Германской социал-демократической партии Маркс ввёл различие между низшей (начальной) и высшей (зрелой) фазами будущего коммунистического общества. Но он не выделил „коммунизм“ как исключительно высшую фазу и не называл низшую фазу „социализмом“» [3, с. 121]. Маркс говорит о социализме как о существующей теории или теориях и о социалистах как о последователях этих теорий, но не как о членах партии или представителях рабочего класса. Маркс сознательно не употребляет слово «социалистический», характеризуя общество, к построению которого следует стремиться, в противовес Готской программе, которая тем самым становится на один ряд с прочими *социалистическими* доктринами. В осуществлении целей Коммунистической партии Маркс не оставляет места социализму: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*». Между капитализмом и коммунизмом нет связующего звена в виде социализма. В Критике Готской программы, как и в Манифесте Коммунистической партии, коммунизм предстаёт как *реализованный* социализм.

Внимательное чтение «Критики Готской программы» не даёт оснований предположить, что низшей фазой коммунизма у Маркса выступает социализм. Откуда же взялось это истолкование, ставшее впоследствии классическим?

Мы предполагаем, что поводом к этому послужил снисходительный и зачастую критический тон Маркса в отношении социализма и социалистов, который позволил интерпретаторам отождествить социализм с тем коммунистическим обществом, «которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [6, с. 18], а само это общество, в свою очередь, с низшей стадией коммунизма. Подтверждение этому содержится в книге «Political Economy of Socialism», изданной на английском языке Институтом общественных наук в 1985 году. В параграфе «Две фазы коммунистического общества» сказано следующее:

«Существуют две фазы в развитии коммунистической формации, социализм — начальная фаза, и коммунизм — высшая фаза. Необходимость этих двух фаз была выявлена Марксом», и далее: «Социализм — начальная, или низшая стадия коммунистической формации. При социализме общество ещё не свободно полностью от пережитков капитализма, и социализм носит „родимые пятна“ общества, которое его породило, как метко заметил Маркс» [7, р. 12].

Между «Манифестом Коммунистической партии» и «Критикой Готской программы» лежат долгие двадцать семь лет, за которые взгляды Маркса-теоретика должны были достаточно выкристаллизоваться и принять ту форму, которую мы имеем в виду, когда говорим о марксизме. И, как мы видим, представление о социализме как идеологической предтече коммунизма присутствует в обеих этих работах. Таким образом, социализм вовсе не является начальной (низшей) фазой развития коммунизма, и любые попытки возвести это толкование к Марксу являются искажением или последующими переосмыслением его учения. Социализм и коммунизм тем самым — разные понятия, обозначающие действительно разные политические феномены и соответствующие им механизмы получения, осуществления и удержания власти. Исходя из всего вышесказанного, мы можем прийти к выводу, что под социализмом в работах Маркса подразумеваются все ранее существующие теории и практики, в той или иной мере соответствующие идеалам коммунистического общества, но равно далёкие от их действительного осуществления, в то время как под коммунизмом — их непосредственная реализация на завершающей стадии общественно-экономического развития.

Литература

1. Мельвилль А. Ю. Политология: учебник. М., 2008.
2. Кабаченко А. П. История мировой политики. Систематизация политических учений и доктрин. М., 2009.
3. Дорн Дж. А. Отделить экономику от политики: к политическим основам свободы // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993.
4. Мизес Л. Запланированный хаос // Мизес, Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993. С. 141–147.
5. Маркс К. Манифест Коммунистической партии // Соч.: в 50 т. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.
6. Маркс К. Критика Готской программы. // Соч.: в 50 т. М., 1961. Т. 19. С. 9–32.
7. Political Economy of Socialism / Ed. by Professor G. N. Khudokormov. Moscow, 1985.

Информация об авторах:

Васильева Раиса Павловна — студентка второго курса бакалавриата направления «Политология» КемГУ, rpvasilyeva@yandex.ru.

(Научный руководитель: Омеличкин О. В. – д.полит.н., профессор КемГУ)

Огнев Даниил Алексеевич — бакалавр филологии, старший научный сотрудник лаборатории социально-политических исследований при экспертно-аналитическом агентстве «ООО «Авгур» г. Кемерово, danielognev@yandex.ru.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

К публикации в журнале принимаются статьи, обзоры, краткие сообщения, дискуссионные материалы, письма в редакцию, а также серийные **статьи**, авторами которых являются академические ученые, профессора и преподаватели вузов, докторанты, аспиранты, магистранты и студенты, а также эксперты и политические публицисты. Предоставляемые материалы должны быть самостоятельными авторскими произведениями, отвечающими критериям научности, либо представлять собой самостоятельное экспертное заключение по проблеме, либо публицистическое произведение по проблематике журнала.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Фамилия и инициалы автора (авторов).
2. Название статьи.
3. Аннотация и ключевые слова.
4. Текст статьи.
5. Список источников и литературы.
6. Информация об авторе, включая расшифровку ФИО, место работы и должность, e-mail.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

1. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 12, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 1,25 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.

2. Заголовок статьи необходимо предоставить на русском языке, прописными буквами, размер шрифта – 14, жирный, по центру.

3. Инициалы и фамилия автора – строчными буквами, размер шрифта – 12, полужирный, курсив.

4. Аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках).

5. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» (либо «Источники и литература»). Оформляется по ГОСТ 7.1-2003.

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научный журнал

выходит 4 раза в год

Ответственный редактор В. В. Шиллер

Дизайн обложки С. В. Усольцева

Подписано к печати 03.05.2017 г.

Дата выхода в свет 18.05.2017 г.

Формат 60x84¹/₈.

Печать офсетная.

Печ. л. 12,75; усл. печ. л. 12,25

Тираж 100 экз. Заказ № 70992

Цена свободная

Отпечатано в типографии ООО «ИНТ»: 650991, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр-т Октябрьский, 28, офис 215 тел.: (3842) 657-893, 657-889,
сайт: www.v-int.ru, e-mail: typoint@mail.ru